

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ»

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

**Сборник статей по итогам Международной научно-практической
конференции, приуроченной к 20-летию принятия
Конвенции ООН против транснациональной организованной
преступности 2000 г. (29 октября 2020 г.)**

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва
2020

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020
ISBN 978-5-9694-0917-0

ББК 67.400

А43

Рецензенты:

главный эксперт 14 отдела управления «А»

ГУПЭ МВД России **С. Б. Авагумян**; старший инспектор отдела организации взаимодействия с компетентными органами стран ближнего зарубежья

Управления международного сотрудничества МВД России

кандидат юридических наук **А. Н. Смирнова**

В авторской редакции

Составитель Ю. В. Пузырева

Актуальные проблемы международного сотрудничества
А43 в борьбе с преступностью : сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, приуроченной к 20-летию принятия Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., 29 октября 2020 г. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. – 259 с. – 1 электронный опт. диск (CD-R). – Системные требования : CPU 1,5 ГГц ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.

ISBN 978-5-9694-0917-0

Сборник подготовлен на основе материалов международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью», приуроченной к 20-летию принятия Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (г. Москва, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 29 октября 2020 г.).

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

В авторской редакции

Компьютерная верстка *Фомин И. Е.*

Подписано к изданию 28.12.2020

Объем издания: 1,90 Мб

1 электронный оптический диск (CD-R)

ISBN 978-5-9694-0917-0

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
<http://www.mosu.mvd.ru>; e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Абдуллозода Н. Р.

Контролируемая поставка как одна из форм взаимодействия
органов внутренних дел Республики Таджикистан и Российской Федерации..... 8

Алексеева М. М.

К вопросу о международном сотрудничестве в сфере противодействия легализации
денежных средств, полученных преступным путем, и финансированию терроризма
в период пандемии COVID-19 11

Бархатова Е. Н.

Сравнительно-правовой анализ норм уголовного законодательства России
и зарубежных стран об ответственности за легализацию денежных средств
и иного имущества, приобретенных преступным путем 14

Баталов Д. Е.

Транснациональная организованная преступность
как угроза национальной безопасности 19

Батурина Е. В.

К вопросу о противодействии организованной преступности и иным опасным видам
преступной деятельности в рамках общего пространства безопасности
Российской Федерации и республик Абхазия и Южная Осетия..... 22

Бучакова М. А.

Многоуровневость правового регулирования
противодействия транснациональной организованной преступности 26

Бондарь Е. О., Михайленко Н. В.

Проблемные аспекты деятельности правоохранительных органов различных стран
и международного сотрудничества в области борьбы с преступлениями
в информационной сфере 30

Боровиков В. Б., Боровикова В. В.

О понятии организованных форм совершения преступлений
в российском уголовном законодательстве..... 34

Вантеева А. Ю.

Особенности влияния миграционных потоков на криминогенную обстановку
в Российской Федерации 40

Галиев Р. С.

Деятельность Организации по безопасности и сотрудничеству
в Европе в противодействии терроризму 45

Гринберг С. А.

Профессиональная преступность как системная организованная деятельность..... 48

Дубинина Е. Н.

Взаимодействие России и Совета Европы в сфере борьбы с коррупцией 53

Жеребченко А. В.

Противодействие незаконному обороту драгоценных металлов и драгоценных камней
как преступлению транснационального характера
в уголовном законодательстве зарубежных государств 57

<i>Иванцов С. В.</i> Международно-правовая система предупреждения преступлений террористической направленности	61
<i>Коннов В. А.</i> Соотношение правовых позиций международных судебных и внесудебных органов по вопросам соблюдения прав человека при экстрадиции подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений	66
<i>Константинов В. Н.</i> Подготовка внештатных инструкторов огневой подготовки в образовательных организациях МВД России	71
<i>Котляров И. И.</i> Вклад Европола в противодействие киберпреступности.....	75
<i>Кошелев Е. В., Честнов А. В.</i> Вопросы совершенствования противодействия транснациональной преступности	79
<i>Крайнюкова Л. М.</i> Неправомерный доступ к компьютерной информации: проблемы криминализации и квалификации по национальному и зарубежному законодательству	82
<i>Кулешова А. Н.</i> Правовые проблемы в сфере незаконного трансграничного оборота нефти и нефтепродуктов.....	86
<i>Лановая Г. М.</i> Функции международной правоохранительной политики.....	90
<i>Лимарь А. С.</i> Виктимологическая профилактика как основа минимизации социальных последствий, связанных с незаконными организацией и проведением азартных игр.....	92
<i>Лимонцева В. А.</i> Международно-правовое осмысление сущности терроризма.....	97
<i>Малов А. А.</i> Синтез института экстрадиции и прав человека.....	102
<i>Малянова К. П., Осяк В. В.</i> Некоторые аспекты противодействия финансированию терроризма в современных условиях	106
<i>Мурадян С. В.</i> Актуальные проблемы противодействия финансированию терроризма с использованием криптовалюты	110
<i>Мысина А. И.</i> Значение международного сотрудничества по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий для органов внутренних дел Российской Федерации.....	119
<i>Нарзуллозода С. С.</i> История развития института ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств по уголовному законодательству Таджикистана (1922–1961 гг.).....	124
<i>Пихов А. Х.-А.</i> Транснационализация террористической деятельности и ее квалификация	130

<i>Попов А. М.</i> Теоретические и практические аспекты назначения и производства стационарной судебно-психиатрической экспертизы по уголовным делам.....	134
<i>Пузырева Ю. В.</i> Тенденции развития международного полицейского сотрудничества в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий под влиянием пандемии COVID-19	137
<i>Симонова А. Е.</i> Резолюция 1540 Совета Безопасности ООН: проблемы реализации в рамках борьбы с преступностью	142
<i>Степаненко В. В.</i> Использование интерактивных педагогических технологий в процессе профессионально-прикладной подготовки сотрудников органов внутренних дел в ВИПК МВД России к участию в миротворческих миссиях как форма межгосударственного сотрудничества в борьбе с преступностью	145
<i>Тит А. А.</i> Социальная мобильность осужденных: проблемы и пути решения (на примере Республики Беларусь)	150
<i>Требенок А. А.</i> Международное сотрудничество по противодействию преступности в контексте сохранения современного миропорядка	155
<i>Хаминский Я. М.</i> Некоторые вопросы международно-правового регулирования ограничительных мер в период эпидемий (пандемий).....	160
<i>Хлебницына Е. А., Шершакова Е. К.</i> Уголовно-правовое противодействие организованной преступной деятельности: опыт зарубежных стран	168
<i>Чиненов А. В.</i> Уголовно-правовая характеристика объекта преступлений, связанных с ликвидацией юридического лица	174
<i>Чинь Суан Чьонг</i> Ответственность за финансирование терроризма по Уголовному кодексу Социалистической Республики Вьетнам	179
<i>Чугунов А. А., Власенко Е. Р.</i> Незаконные организация и проведение азартных игр: сравнительный анализ уголовного законодательства России и иностранных государств	183
<i>Ерифа Е. Н.</i> Международное сотрудничество в борьбе с транснациональной организованной преступностью: правовые аспекты	190
<i>Ефимова Ю. В., Ларина Л. А.</i> Правовое регулирование Международной организации по миграции в рамках защиты прав личности	195
<i>Жукова О. И.</i> К вопросу о влиянии пандемии COVID-19 на международно-правовое сотрудничество по борьбе с торговлей людьми	200

<i>Захарова А. Д.</i> Универсальный уровень международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью	204
<i>Илюхин С. В.</i> Взаимоотношения ООН со стрелковым оружием	208
<i>Козлова А. А., Дергач Э. О.</i> Актуальные проблемы международного сотрудничества по противодействию преступлениям в сфере незаконного оборота человеческих органов.....	211
<i>Козлова А. А., Рыжак В. А.</i> Международно-правовое сотрудничество в сфере противодействия хищению культурных ценностей	216
<i>Луханина А. В.</i> Реализация Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности: проблемы доктрины и практики	222
<i>Мешкова В. Н.</i> Полиция ООН и вызовы со стороны организованной преступности	226
<i>Мудров Н. М.</i> К вопросу о международном миротворчестве в Карабахском конфликте.....	231
<i>Соловьева А. С.</i> Место и роль Российской Федерации в рамках ООН по борьбе с транснациональной организованной преступностью	235
<i>Чаплыгина А. Д., Мальцева О. А.</i> Международное сотрудничество правоохранительных органов по вопросам противодействия экстремизму и терроризму	241
<i>Чуткова Ю. Д.</i> Международно-правовые аспекты противодействия торговле детьми: тенденции развития	245
<i>Шибеева Ю. Н.</i> Противодействие коррупции в рамках реализации Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности	250
<i>Щербаков И. В.</i> К вопросу о международно-правовом сотрудничестве по противодействию незаконному обороту огнестрельного оружия	254
<i>Чернокутова А. Д.</i> Исторические предпосылки разработки и принятия Конвенции ООН по транснациональной организованной преступности	258

*Абдуллозода Н. Р.¹,
адъюнкт факультета № 3
Академии управления МВД России*

КОНТРОЛИРУЕМАЯ ПОСТАВКА КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Незаконный оборот наркотиков и злоупотребление ими остаются одной из наиболее серьезных угроз человечеству.

Расширяются масштабы наркопреступности, происходит структурная перестройка нелегального наркорынка в сторону вытеснения традиционных наркотиков растительного происхождения более сильными по воздействию на организм человека и более дорогими наркотиками, особенно героином.

Негативное влияние на криминогенную ситуацию в Российской Федерации и Республике Таджикистан продолжает оказывать деятельность преступных групп, осуществляющих контрабанду наркотиков опийной группы из Исламской Республики Афганистан, в которой по-прежнему сохраняется устойчивая тенденция роста объемов культивируемых растений мака и производства опия и героина [7].

Транзитные коридоры доставки афганских наркотиков в Россию и Европу осуществляются по так называемому северному маршруту, пролегающему через страны Центральной Азии. Кроме этого, наркоторговцами активно используются балканский маршрут – через Иран, Турцию и кавказский маршрут – через Армению, Азербайджан, Грузию, Черное море, Украину и Румынию [6].

Необходимо отметить, что формами взаимодействия между органами внутренних дел Республики Таджикистан и Российской Федерации являются планирование и проведение скоординированных оперативно-разыскных мероприятий и специальных операций по выявлению и пресечению контрабанды наркотических средств и изъятию их из незаконного оборота. В связи с этим большую роль в данном направлении играет использование метода контролируемой поставки органами внутренних дел обеих государств.

Контролируемая поставка чаще всего осуществляется в случаях, когда обнаруженная контрабандная либо иная вызывающая подозрение партия наркотических средств перевозится через территории нескольких стран или в пределах одной страны, пересекая границы республик, и имеется согласие компетентных органов этих стран на обеспечение соответствующего контроля за перемещением груза на территории обслуживания [10, с. 365].

Правовую основу проведения метода контролируемой поставки в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ определяет ряд международных соглашений и конвенций, к примеру: ст.ст. 1–3 Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. [4, с. 133–157], п. «i» ст. 2 Конвенции ООН против

¹ © Абдуллозода Н. Р., 2020.

транснациональной организованной преступности 2000 г. [5], ст. 7 Соглашения о взаимодействии и сотрудничестве таможенных служб в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ 1994 г. [8], ст. 11 Соглашения о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров 2000 г. [9], ст. 108 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г. [3], Единый порядок проведения международной контролируемой поставки по запросу органов внутренних дел (полиции) государств – участников Содружества Независимых Государств (одобрен Решением Совета министров внутренних дел государств – участников СНГ от 31.05.2019) [2] и др.

Анализируя ситуацию в сфере незаконного оборота наркотиков, необходимо отметить, что только за 2018 г. и шесть месяцев 2019 г. правоохранными органами Российской Федерации зарегистрировано 300,3 тыс. наркопреступлений, из них органами внутренних дел – 288,2 тыс. Из незаконного оборота в момент возбуждения уголовных дел изъято 28,2 т наркотических средств, в том числе органами внутренних дел – 23,7 т. Также на территории Российской Федерации было задержано 910 граждан Республики Таджикистан за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. В течение указанного периода на территории Республики Таджикистан правоохранными органами Республики Таджикистан зарегистрировано 1 025 наркопреступлений, из них органами внутренних дел – 592. Из незаконного оборота в момент возбуждения уголовных дел изъято 4 т наркотических средств, в том числе органами внутренних дел – 1,59 т. За совершение наркопреступлений задержан один гражданин Российской Федерации [7].

МВД Республики Таджикистан совместно с правоохранными органами Российской Федерации в 2018 г. были проведены две операции по методу «контролируемая поставка», в ходе которой из незаконного оборота изъято 17,65 кг наркотиков [1, с. 41].

Проведенное исследование дает возможность определить то, что контролируемая поставка играет большую роль в борьбе с контрабандой наркотических средств и является перспективной формой взаимодействия между органами внутренних дел Республики Таджикистан и Российской Федерации в борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Также необходимо отметить, что сторонам требуется постепенная гармонизация и унификация национальных законодательств в сфере оперативно-разыскной деятельности в целях совершенствования механизма межгосударственного взаимодействия в данной сфере.

Список литературы

1. Жданова Е. В., Малиенко А. А., Волков Р. А. и др. О результатах борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и противодействия наркомании на территории государств – участников СНГ в 2018 году : аналитический обзор. М. : ВНИИ МВД России, 2019.
2. Единый порядок проведения международной контролируемой поставки по запросу органов внутренних дел (полиции) государств – участников Содружества

Независимых Государств (одобрен Решением Совета министров внутренних дел государств – участников СНГ от 31.05.2019) // URL: <https://e-cis.info/news/566/83143>.

3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Кишинев, 07.10.2002) // АО «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901898597>.

4. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 19 декабря 1988 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. М., 1994. С. 133–157.

5. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 15 ноября 2000 г. // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://base.garant.ru/2561303>.

6. О сотрудничестве в Содружестве Независимых Государств по противодействию незаконному обороту наркотических средств // URL: <https://is.minsk.by/news/11921/o-sotrudnicestve-v-sodruzestve-nezavisimyh-gosudarstv-po-protivodejstviu-nezakonnomu-oborotu-narkoticeskih-sredstv>.

7. Приказ МВД России, МВД Республики Таджикистан от 8 октября 2019 г. № 687/682 «Об объявлении решения Объединенной коллегии министерств внутренних дел Российской Федерации и Республики Таджикистан от 8 октября 2019 г. № 1 коб Р-Т/2 “О совершенствовании взаимодействия министерств внутренних дел Российской Федерации и Республики Таджикистан при предупреждении, выявлении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков опийной группы”».

8. Соглашение о взаимодействии и сотрудничестве таможенных служб в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ от 8 июля 1994 г. // АО «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/9009991>.

9. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров 30 ноября 2000 г. // АО «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901823934> дата обращения 12.09.2020

10. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М. : Инфра-М, 2008.

*Алексеева М. М.¹,
доцент кафедры прав человека
и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ, И ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

В настоящее время легализация преступных доходов является повсеместно распространенным преступлением международного характера. Под легализацией преступных доходов принято понимать осуществление действий, равно как и покушений на действия, направленных на сокрытие или утаивание преступного происхождения имущества и прав на него в целях придания таковым законности их происхождения, международный конвенционный правовой статус которых обязывает государства осуществлять международное сотрудничество по противодействию такому виду преступлений [1].

В настоящее время легализация доходов от преступной деятельности приобрела ярко выраженный трансграничный характер, преступные доходы используются в том числе для финансирования международной террористической деятельности. Борьба с легализацией преступных доходов стоит на повестке дня заседаний таких организаций, как Организация Объединенных Наций, Совет Европы, Организация экономического сотрудничества и развития, Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), Базельский комитет по банковскому надзору, Группа подразделений финансовой разведки «Эгмонт», Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма, и ряда других. На внутригосударственном уровне государства создают национальные системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма и все в большей степени вовлекаются в соответствующую международную систему противодействия. Деятельность указанных организаций в основном заключается в разработке нормативных документов, посвященных сотрудничеству государств в указанной области, а также выработке рекомендаций и стандартов. Кроме того, в компетенцию международных организаций входит координация обмена экспертной и технической информацией между государствами в целях раскрытия и расследования преступлений. При этом правовой основой сотрудничества государств и международных организаций в сфере противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма являются: Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. [2]; Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации

¹ © Алексеева М. М., 2020.

доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма 2005 г. [3]; Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. [4] и др.

С начала вспышки *COVID-19* мировое сообщество в лице компетентных органов, занимающихся противодействием легализации преступных доходов и финансированию терроризма, приняло меры по выявлению новых вызовов и угроз, поскольку, несмотря на экономический спад, продолжилось движение незаконных финансовых потоков [5].

В ответ на пандемию *COVID-19* государства приняли различные меры: от программ социальной помощи и налоговых льгот до принудительной изоляции и ограничений на перемещение. Непреднамеренно эти меры открыли преступникам новые возможности для привлечения средств и отмыwania доходов, полученных от незаконной деятельности. Например, в период пандемии возникла острая потребность в приобретении специализированного медицинского оборудования и инвентаря, в связи с чем ряд государств временно приостановил сложный контроль в процедурах государственных закупок, чтобы избежать сбоев в поставках, что в свою очередь и создало почву для мошенничества, коррупции и последующего отмыwania денежных средств. Среди прочих были выявлены три основных вида мошенничества, связанного с *COVID-19*: мошенничество с медицинским оборудованием; мошенничество, связанное с мерами экономической помощи; мошенничество или хищение, связанное с контрактом на государственные закупки.

Институты, занимающиеся мониторингом рисков отмыwania денег и финансирования терроризма, были вынуждены искать новаторские пути выполнения своих задач с использованием защищенных электронных средств. Для эффективного завершения мониторинга за пределами объекта надзорные органы нашли инновационные способы обмена конфиденциальной информацией, такой как файлы клиентов, с помощью защищенных электронных средств или просмотра этих документов удаленно, например с помощью общих экранов, предлагаемых видео-конференц-связью.

ФАТФ призвала правительства сотрудничать с финансовыми учреждениями и другими предприятиями, применять гибкость, заложенную в основе риск-ориентированного подхода ФАТФ к решению проблем. Кроме того, ФАТФ поощрила использование современных цифровых систем для обслуживания клиентов в свете мер социального дистанцирования. Эффективное внедрение Стандартов ФАТФ способствовало большей прозрачности проводимых финансовых операций, что дало плательщикам большую уверенность в том, что их денежные средства достигнут предполагаемых бенефициаров, а также способствовало целостности и безопасности глобальной платежной системы во время и после пандемии через законные и прозрачные каналы с соответствующими уровнями осматрительности, базирующейся на степени (уровне) риска.

В целом, как представляется, эффективность международного сотрудничества в области борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма не снизилась в результате чрезвычайных мер, принятых для противодействия *COVID-19*. Однако преступники продолжают использовать пандемию *COVID-19*

для финансовых махинаций и мошенничества, включая рекламу и незаконный оборот наркотиков, предоставление мошеннических инвестиционных программ, участие в фишинговых схемах, основанных на страхе людей, связанном с вирусами. Число злонамеренных или мошеннических киберпреступлений, сбор средств для поддельных благотворительных организаций и различные медицинские аферы с участием невинных жертв, вероятно, увеличатся, поскольку преступники стремятся извлечь выгоду из пандемии, эксплуатируя людей, отчаянно нуждающихся в помощи и доброй воле широкой общественности. Мошенники распространяют дезинформацию о *COVID-19*. Национальные власти и международные организации предупреждают граждан и предприятия от мошенников, которые занимаются мошенничеством, инвестиционным и продовольственным мошенничеством, а также инсайдерской торговлей в связи с *COVID-19*. Подобно преступникам, террористы также могут использовать эти возможности для сбора денег. Регулирующие органы, подразделения финансовой разведки и правоохранительные органы должны продолжать обмениваться информацией с частным сектором в целях определения приоритетов и устранения ключевых рисков отмывания доходов, в частности рисков мошенничества и финансирования терроризма, связанных с *COVID-19*.

Список литературы

1. Водянов А. В. Институт противодействия легализации преступных доходов в науке и практике современной международной юриспруденции // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2014. № 4. С. 262–281.
2. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml.
3. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма 2005 г. // СПС «КонсультантПлюс». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_287746.
4. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml.
5. Доклад МАНИВЭЛ «Тенденции в развитии отмывания денег и финансирования терроризма на фоне пандемии COVID-19» // Совет Европы. URL: <https://www.coe.int/ru/web/portal/-/covid-19-trends-in-money-laundering-and-terrorism-financing>.

Бархатова Е. Н.¹,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии
Восточно-Сибирского института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НОРМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЛЕГАЛИЗАЦИЮ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПРИОБРЕТЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

В контексте международного характера легализации преступных доходов интерес, несомненно, представляет опыт зарубежных государств в борьбе с этим преступным деянием.

Особенно остро проблема противодействия легализации денежных средств на этапе зарождения соответствующего законодательства стояла в Италии.

В 1982 г. был принят Закон № 646 «О борьбе с мафией», который разрешал проверку банковских счетов лиц, подозреваемых в причастности к преступным группировкам, и расследование произведенных ими операций по продаже недвижимости. Правоохранительные органы Италии наделены правом вести изучение образа жизни, материального положения, источников доходов граждан, подозреваемых в принадлежности к преступным синдикатам, и членов их семей (жен, детей), а также физических и юридических лиц, чьим имуществом и средствами подозреваемые могут прямо или косвенно воспользоваться.

В 1990 г. был принят Закон № 55 «О деятельности финансово-кредитных институтов страны», содержащий рекомендованный международными организациями и соглашениями комплекс мер по борьбе с отмыванием денежных средств. В частности, была введена регистрация всех операций, превышающих сумму 20 млн лир. Логическим продолжением Закона № 55 стал принятый в 1990 г. Закон Гамма-Вассали, установивший уголовную ответственность за операции по отмыванию и переводам на сумму свыше 20 млн лир. Впервые в мировой правовой практике введенш понятие «преступная организация типа “мафия”».

В Уголовном кодексе Италии предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 7 до 12 лет и крупного денежного штрафа в отношении лиц, занятых легализацией доходов и имущества, добытого преступным путем. Следует отметить, что итальянский законодатель придал признаку «использование служебного положения» несколько отличное от российского значение, включив в содержание понятия «лицо, использующее свое служебное положение» только должностных лиц.

Начало 90-х гг. XX в. ознаменовано в Италии формированием законодательства, направленного на борьбу с отмыванием денежных средств. Так, в 1991 г. был принят Закон № 197, который ввел систему контроля, состоящую из ряда элементов:

¹ © Бархатова Е. Н., 2020.

- запрет оборота ценных бумаг на предъявителя;
- обязанность указывать бенефициара крупной операции;
- ограничение суммы денежных средств на счетах на предъявителя (не более 20 млн лир).

В соответствии с данным законом обо всех подозрительных организациях информируется служба финансовой разведки Италии (*Ufficio Italiano dei Cambi – UIC*), в функции которой входят:

- статистический учет и оперативный анализ платежного баланса страны;
- управление валютными резервами;
- предупреждение и противодействие отмыванию доходов и финансированию терроризма средствами финансового анализа и финансовой разведки.

После выявления фактов нарушения валютного законодательства и подозрительных финансовых операций материалы из *UIC* передаются в Финансовую гвардию, которая в свою очередь проводит расследование по данным фактам. Финансовая гвардия – аналог Росфинмониторинга. В случае подтверждения информации о нарушениях Финансовая гвардия передает информацию главному прокурору, который принимает решение о начале уголовного расследования.

Примечательно, что статья об ответственности за легализацию размещена в главе «О преступлениях против собственности», в отличие УК РФ. Способы совершения деяния и его направленность (содержание) представлены как альтернативные признаки объективной стороны.

Итальянский законодатель предусмотрел достаточно суровое наказание для лиц, легализующих преступные доходы, – до 12 лет лишения свободы, что позволяет отнести данный состав преступления к категории тяжких.

Одним из первых европейских государств, ратифицировавших Конвенцию Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации преступных доходов, стала Великобритания. В соответствии с данной Конвенцией государство-участник обязано было установить ответственность за легализацию преступных доходов в национальном законодательстве, в связи с чем в 1993 г. в Великобритании были приняты Закон об уголовной ответственности за действия по легализации доходов, полученных в результате совершения любого преступления, и Положение о противодействии отмыванию денег, которое определило процедуры внутреннего контроля, включающие идентификацию клиентов, учет сомнительных операций клиентов, внутреннее информирование уполномоченных сотрудников о сомнительных операциях клиентов, обмен информацией в целях выявления и предупреждения отмывания денег. В соответствии с данным документом сотрудник учреждения финансово-кредитной системы обязан сообщить в компетентные органы о совершаемой клиентом операции, если у данного сотрудника есть подозрения, что операция клиента направлена на легализацию средств, приобретенных преступным путем, или сумма по ней превышает установленное пороговое значение.

Одной из наиболее интересных защитных мер стало установление уголовной ответственности за сокрытие информации о действиях или бездействии соответствующих финансовых учреждений, в результате чего было легализовано имущество. Правило распространяется и на физических лиц.

Государством, представляющим наибольший интерес в плане противодействия легализации преступных доходов, является Швейцария. На борьбу с легализацией в Швейцарии направлены усилия ряда структур, занимающихся финансовой разведкой, мониторингом и правоохранительной деятельностью.

В 2001 г. власти Швейцарии ввели запрет на открытие счетов без присутствия их владельцев, что в значительной мере способствовало установлению заинтересованными органами происхождения денежных средств, а также личности подозреваемых в легализации преступных доходов.

Соккрытие преступных доходов в швейцарских банках обусловлено тем обстоятельством, что законодательство Швейцарии не содержит строгих требований, обязывающих банковских служащих сообщать правоохранительным органам о сделках, в отношении которых есть основания полагать, что они совершаются в целях легализации незаконных доходов.

Клиент швейцарского банка имеет возможность укрывать находящиеся на счете денежные средства от налогообложения, ведь налоговые органы Швейцарии по собственной инициативе не вправе возбудить дело об уклонении от налогообложения. Основанием для получения информации о денежных средствах на счете физического лица для контролирующих органов может являться только наличие уголовного преступления, совершенного данным физическим лицом – владельцем счета в целях сокрытия своего дохода. При этом владелец счета вправе в судебном порядке обжаловать решение прокуратуры о выдаче информации о денежных средствах, размещенных на его счете в банке.

Более строгая ответственность за легализацию преступных доходов предусмотрена австрийским законодательством. Австрия стремится создать некий барьер на пути денежных средств, полученных преступным путем, а также условия для противодействия использованию банковской системы страны в целях легализации преступных доходов, улучшения действующей системы выявления и привлечения к ответственности лиц, занимающихся легализацией (отмыванием) денежных средств, полученных преступным путем.

В отличие от отечественного уголовного законодательства, австрийское устанавливает ответственность за легализацию денежных средств и иного имущества, добытого в результате серьезного преступления (незаконный оборот наркотиков, оружия, убийство). Кроме того, в отличие от российского, в УК Австрии установлена ответственность только за легализацию ценностей, полученных в результате совершения преступления другим лицом, т. е. лицо, легализующее преступные доходы, полученные в результате совершения предикатного преступления им же самим, несет ответственность только за первичное преступление. Позиция, на наш взгляд, не оправданна, нарушает условия совокупности преступлений и принцип справедливости при назначении наказания. Кроме того, у предикатного преступления и последующей легализации различаются объекты посягательства. Квалифицирующим признаком легализации по УК Австрии выступает крупный размер легализованного имущества. Что же касается наказания за легализацию, то в отличие, например, от итальянского законодательства (12 лет лишения свободы), в Австрии оно довольно мягкое (высший предел – 2 года лишения свободы). В России самым строгим наказанием по ч. 4 ст. 174 и ч. 4

ст. 174.1 УК РФ является лишение свободы на срок до 7 лет со штрафом до 1 млн руб. с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет или без такового.

Легализация по УК Австрии относится к преступлениям небольшой тяжести, как и чч. 1 и 2 ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ (по первым частям предусмотрен только штраф до 120 тыс. руб., по вторым – штраф до 200 тыс. руб., либо принудительные работы сроком до двух лет, либо лишение свободы на срок до двух лет со штрафом до 50 тыс. руб.).

В Германии в сфере противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма действуют:

- Закон о борьбе с торговлей наркотиками и другими формами организованной преступности;
- Закон о выявлении доходов, полученных преступным путем;
- положения Уголовного кодекса ФРГ.

В ФРГ на законодательном уровне под легализацией понимается укрытие или попытка создания ложных источников происхождения материальных ценностей, таких как денежные средства, ценные бумаги, драгоценные металлы или камни, полученные в результате совершения преступлений, которые караются лишением свободы на срок более одного года, а также препятствие или прямое противодействие розыску, изъятию и конфискации таких материальных ценностей.

В отличие от УК РФ, в германском уголовном законе предусмотрена возможность привлечения лица к ответственности за легализацию при наличии неосторожной формы вины – несмотря на то, что международные документы, такие как Страсбургская конвенция (ч. 1 ст. 6) и Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза (ч. 2 ст. 1), содержат указание на умышленную форму вины как на необходимый элемент состава легализации преступных доходов.

Норма об ответственности за легализацию расположена в особом разделе УК ФРГ, который называется «Укрывательство преступника и укрывательство имущества, добытого преступным путем».

В качестве квалифицирующих признаков легализации по УК ФРГ выделяется совершение преступления в составе организованной группы, банды и в виде промысла.

УК ФРГ относит легализацию к тяжким преступлениям, предусматривая за ее совершение наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет.

С точки зрения международного сотрудничества, законодательной и правоприменительной практики в сфере противодействия легализации преступных доходов несомненный интерес наряду с европейскими государствами представляют Соединенные Штаты Америки.

Активная борьба с легализацией преступных доходов в США началась еще в 70-х гг. XX в. При разработке нормативной базы американский законодатель сделал акцент на выработке специальных мер предупреждения легализации.

Статья 1956 титула 18 Свода законов США устанавливает уголовную ответственность за отмывание денежных средств, определяемое как умышленное

проведение финансовой операции с собственностью, представляющей собой доход от незаконной деятельности. В таком случае лицо подлежит наказанию в виде штрафа на сумму не более 500 тыс. долл., либо на сумму, вдвое превышающую стоимость собственности, либо лишения свободы на срок до 20 лет.

Статья 1957 титула 18 Свода законов США предусматривает уголовную ответственность за участие в денежной операции с собственностью, полученной в результате незаконной деятельности, стоимостью свыше 10 тыс. долл. Наказание за данное преступление закреплено в санкции в виде лишения свободы на срок до 10 лет либо штрафа. Судом может быть назначено сразу два вида наказания.

По сути, в законодательстве США так же, как и в УК РФ, предусмотрена ответственность за легализацию преступных доходов как лицом, совершившим предикатное преступление, так и третьим лицом, включая лиц, вовлеченных в совершение финансовых операций, – разумеется, при наличии субъективной стороны преступления.

Еще одним государством, представляющим интерес в плане противодействия легализации преступных доходов, является Индия. В последние годы, благодаря стабильному и быстрому росту экономики, Индия также столкнулась с проблемой противодействия легализации преступных доходов. Она является членом ФАТФ. В 2008 г. Индия заключила с Россией Соглашение о взаимодействии в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма. Законодательная база, направленная на противодействие легализации в Индии, начала формироваться гораздо позже, чем в США, России и европейских государствах. Соответствующий закон был принят только в 2002 г. В настоящее время в Индии действует система контроля за подозрительными финансовыми операциями, как и в европейских государствах. УК Индии содержит ряд статей (ст.ст. 410–414), касающихся преступлений против собственности, в том числе совершенных лицом, принимающим похищенное имущество.

Сравнительный анализ норм уголовного законодательства Российской Федерации, США, европейских стран и южноазиатских государств, предусматривающих ответственность за легализацию преступных доходов, показал, что подобное законодательство начало формироваться как на международном, так и на национальном уровне примерно в одинаковое время. Широкий спектр международных документов предопределил установки национального законодательства. Ряд европейских государств и США устанавливают гораздо более строгую ответственность за легализацию преступных доходов, относя данное преступление к категории тяжких, в отличие от России, где к тяжким относится только особо квалифицированный состав легализации (организованной группой или в особо крупном размере). При этом даже за совершение преступления с особо квалифицирующими признаками максимальное наказание за легализацию в России не превышает 7 лет лишения свободы. Полагаем, подобная мягкость уголовно-правовых средств воздействия не способствует эффективному противодействию легализации. Считаем целесообразным ужесточение санкций ст.ст. 174 и 174.1 во всех частях указанных статей, начиная с увеличения размера штрафа в ч. 1 до 1 млн руб., заканчивая увеличением срока лишения свободы в ч. 4 до 10 лет.

Баталов Д. Е.¹,
адъюнкт кафедры
конституционного и международного права
Омской академии МВД России

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

На 59-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, проходившей 2 декабря 2004 г., транснациональная организованная преступность была отнесена к числу новых угроз и вызовов тысячелетия. Данное явление стало одним из негативных проявлений глобализации. Став неотъемлемой частью такого процесса, транснациональная организованная преступность превратилась в угрозу как международной, так и национальной безопасности.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», транснациональная организованная преступность относится к числу основных угроз. Поэтому одним из важнейших аспектов обеспечения безопасности Российской Федерации в условиях возрастания внутренних и внешних угроз, активизации различных антигосударственных сил является противодействие влиянию различных форм транснациональной организованной преступности на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации

Легальное определение транснациональной организованной преступности отсутствует как в международном, так и в национальном законодательстве. Конвенция против транснациональной организованной преступности, принятая в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, не дает нам четкого определения, но в ней были выделены условия, характеризующие преступление, совершенное транснациональными организованными группами и сообществами.

В отечественной научной литературе понятие транснациональной организованной преступности рядом авторов определяется по-разному: на основе описания ее наиболее типичных признаков, через характеристику транснациональных преступных организаций [1, с. 9], а также посредством определения более широкого понятия «транснациональная преступность» [2, с. 20] и более узкого понятия «деятельность транснациональных криминальных корпораций» [3, с. 12].

Список основных преступлений, совершаемых транснациональными организованными группами и сообществами, весьма обширен: терроризм, незаконная торговля оружием, угон самолета, контрабанда ядерных материалов, морское пиратство, незаконная торговля наркотиками, отмыwanie преступных денег, кражи интеллектуальной собственности, торговля людьми и человеческими органами, хищение собственности путем разного рода мошенничества, коррупция и др. В ходе работы XIII Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению

¹ © Баталов Д. Е., 2020.

с правонарушителями в апреле 2015 г. киберпреступность, преступления с использованием личных данных были также отнесены к видам преступления, которые совершаются транснациональной организованной преступностью [4].

Конкретные статистические показатели количества зарегистрированных преступлений за 2009–2019 гг., совершенных организованными преступными формированиями, показывают следующую динамику: в период с 2009 по 2011 г. показатель стабильно снижался, почти в 2 раза – с 31 643 зарегистрированных случаев до 17 691; в следующие 5 лет такое снижение серьезно замедлило свой темп (остановившись на отметке в 12 541 случаев к 2016 г.), после чего наблюдался исключительно рост (15 582 зафиксированных преступлений в 2019 г.) [5].

По данным Управления ООН по борьбе с наркоманией и преступностью (UNODC) на середину 2012 г., оборот международной организованной преступности достигает 870 млрд долл. в год. Сумма в шесть раз превышает объемы официальной помощи ООН на развитие и эквивалентна 1,5 % мирового ВВП или 7 % объема мирового экспорта. По данным UNODC, объем наркоторговли достигает 320 млрд долл. в год. Контрафакт приносит преступникам 250 млрд долл. ежегодно, на торговле людьми они зарабатывают 32 млрд долл. в год. По оценке UNODC, от незаконного ввоза мигрантов преступники получают 7 млрд долл. ежегодно. От торговли людьми страдают 2,4 млн человек. Из-за коррупции развивающиеся экономики ежегодно теряют около 40 млрд долл. [6, с. 33]. В настоящее время, согласно оценкам ООН, 1,5 млрд чел. проживают в конфликтных, нестабильных регионах, подверженных в том числе насилию со стороны организованных преступных групп. Данное обстоятельство, по мнению А. Р. Афанасьева, необходимо воспринимать как «серьезный деструктивный фактор, подрывающий социальную стабильность в обществе» [7, с. 38].

В ООН и в настоящее время проводятся постоянные дискуссии по проблемам транснациональной организованной преступности. При этом отмечается, что государства в борьбе с указанной формой организации преступной деятельности недостаточно сотрудничают друг с другом и с соответствующими подразделениями ООН.

Однако считаем, что расширение и совершенствование международного сотрудничества в сфере борьбы с транснациональной организованной преступностью являются постоянным процессом. Подтверждением данного тезиса служит тот факт, что международные стандарты по борьбе с преступностью начали разрабатываться с середины 50-х гг. XX в. на конгрессах ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Первый Конгресс ООН состоялся в 1955 г. в Женеве, и с тех пор они созываются один раз в пять лет. В апреле 2015 г. в столице Катара – Дохе состоялся 13-й Конгресс ООН.

Транснациональная организованная преступность в течение последних десятилетий, по мнению ряда специалистов, рассматривается как процесс рациональной реорганизации в международном масштабе преступных предприятий аналогично реорганизации законных хозяйственных операций в экономике, построенной на рыночных отношениях. При этом национальные и международные преступные организации строят свои структуры аналогично структурам

крупных корпораций с разделением труда, направленным на извлечение максимальных прибылей и обеспечение минимального риска.

Рассматривая транснациональную организованную преступность как дестабилизирующий фактор национальной безопасности Российской Федерации, стоит отметить, что она проникает в государственные органы и учреждения, способствуя коррупции, в бизнес и политику, препятствуя экономическому и социальному развитию государства. Неслучайно коррупция рассматривается как серьезный фактор, способствующий распространению транснациональной организованной преступности.

В связи с этим обеспечение безопасности человека, общества и государства было и остается приоритетной задачей национальных государств и мирового сообщества, решение которой в современном мире приобретает все большую актуальность. В свою очередь, поддержание правопорядка предопределяет гармоничное поступательное развитие общества, повышает уровень доверия к органам государственной власти, закладывает фундамент стабильности для эффективной реализации практически всех функций государства.

Список литературы

1. Воронин Ю. А. Транснациональная организованная преступность. Екатеринбург, 1997.
2. Зорин Г. А., Танкевич О. В. Понятие и основные признаки транснациональной преступности. Гродно, 1997.
3. Иванов Э. А. Отмывание денег и правовое регулирование борьбы с ним. М., 1999.
4. Итоговый документ 13-го Конгресса Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Доха, 2015) // Организация объединенных наций. URL: <http://www.un.org/ru/events/crimecongress2015/cybercrime.shtml>.
5. Состояние преступности за 2009–2019 гг. // Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru/deljatelnost/statistics/reports>.
6. Всемирный доклад о наркотиках (World Drug Report) за 2012 год // Наркоконтроль. 2012. № 3. С. 30–35.
7. Афанасьева О. Р. Зарубежный и российский опыт определения страха перед преступностью // Международное публичное и частное право. 2014. № 6 (81). С. 37–40.

Батурина Е. В.¹,
*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ИНЫМ ОПАСНЫМ ВИДАМ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ ОБЩЕГО ПРОСТРАНСТВА БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИК АБХАЗИЯ И ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ

В настоящее время, в условиях обострения ситуации в Закавказье (что обусловлено вооруженным противостоянием в Нагорном Карабахе, разгаром пандемии и, как следствие, значительным ростом экономических проблем, а также активизацией терроризма и транснациональной преступности) способность своевременного и эффективного реагирования на подобные угрозы приобретает все большую актуальность на российско-абхазском и российско-южноосетинском пространствах.

Вопрос признания правомерным провозглашение независимости республик Абхазия и Южная Осетия до сих пор вызывает неоднозначную реакцию на международно-правовой арене. Это обстоятельство диктует необходимость дальнейшего совершенствования принципов и форм взаимодействия Российской Федерации с иными субъектами международного права на постсоветском пространстве, выходя за рамки сотрудничества, определенные договорами со странами СНГ, ОДКБ, ШОС и государствами – участниками других международных организаций.

Основополагающим событием развития совместной работы России с республиками Абхазия и Южная Осетия стало подписание 24 ноября 2014 г. Договора между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзничестве и стратегическом партнерстве [2], а также 18 марта 2015 г. – Договора между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о союзничестве и интеграции [1].

В названных документах впервые было закреплено положение о том, что одним из основных направлений развития союзничества и стратегического партнерства государств является создание общего (единого) пространства обороны и безопасности.

Противодействие организованной преступности и иным опасным видам преступлений является одним из ключевых аспектов формирования данного пространства. Анализ криминогенной ситуации свидетельствует о существенном влиянии абхазской и южноосетинской трансграничной преступности на оперативную обстановку на территории Российской Федерации.

Согласно статистическим сведениям МВД России, за девять месяцев 2020 г. гражданами Республики Абхазия на территории России совершено 152

¹ © Батурина Е. В., 2020.

преступления, из них: 49 тяжких и особо тяжких, 66 краж, 18 – связанных с незаконным оборотом наркотиков, 9 грабежей, 4 – экономической направленности, 3 факта мошенничества, 2 разбоя, контрабанда наркотических средств. Гражданами Республики Южная Осетия в указанный период на территории Российской Федерации совершено 36 преступлений, из них: 13 тяжких и особо тяжких, 11 – связанных с незаконным оборотом наркотиков, 7 краж. Кроме того, зарегистрированы совершенные указанной категорией лиц: грабеж, изнасилование, мошенничество, контрабанда огнестрельного оружия (или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов) и преступление экономической направленности.

Из общей заинтересованности в успешном решении проблем обеспечения правопорядка договорами была определена основная организационная форма сотрудничества государств в целях координации деятельности по противодействию организованной преступности и иным опасным видам преступлений – совместные информационно-координационные центры органов внутренних дел на территории республик Абхазия и Южная Осетия. На центры возложено осуществление следующего комплекса задач:

- организация обмена оперативно значимой информацией с правоохранительными органами Российской Федерации и республиками Абхазия и Южная Осетия, а также ведение необходимых оперативных и криминалистических учетов;
- формирование и ведение специализированного банка данных об организованных преступных сообществах, противоправная деятельность которых затрагивает интересы данных государств;
- сбор, обобщение и анализ информации в области борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений;
- содействие в осуществлении межгосударственного розыска и выдачи лиц, скрывшихся от уголовного преследования или исполнения приговора;
- содействие в реализации необходимых согласованных действий по борьбе с опасными видами преступлений, представляющих угрозу безопасности названных стран;
- выработка и представление предложений по повышению эффективности сотрудничества в рассматриваемой сфере.

В целях выполнения широкого спектра задач, возложенных на центры, последние наделены полномочиями не только по взаимодействию и развитию сотрудничества с правоохранительными и иными государственными органами государств – участников договоров, но и с правоохранительными органами других государств, международными полицейскими организациями, общественными и иными организациями.

Повышению эффективности взаимодействия МВД России с компетентными органами республик Абхазия и Южная Осетия в сфере противодействия транснациональной преступности, незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также в сфере миграции способствует наличие в республиках представителей МВД России [3]. Это позволяет разрешать многие вопросы оперативно, без задействования ресурсов МИД России.

Используя потенциал созданных центров и институт представительства в целях обеспечения национальной безопасности российского государства на своих

рубежах, МВД России проводит постоянный мониторинг общественно-политической обстановки и социально-экономической ситуации в республиках с ежемесячным предоставлением информации в аппарат Совета Безопасности Российской Федерации.

Органы предварительного следствия в системе МВД России осуществляют взаимодействие с правоохранительными органами республик Абхазия и Южная Осетия в области расследования преступлений. При этом основной формой сотрудничества является направление и исполнение международных следственных запросов о правовой помощи, которые в соответствии с законодательством направляются через Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

Профильными подразделениями МВД России осуществляется комплекс организационных и практических мероприятий, направленных на противодействие этническим организованным преступным группам и сообществам, а также лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии.

Регулярно МВД России проводятся оперативно-разыскные и оперативно-профилактические мероприятия с привлечением правоохранительных органов республик. Осуществляется работа по укреплению приграничного сотрудничества в целях выявления и перекрытия каналов незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, в том числе с территории Грузии. Вырабатывается совместная стратегия по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных в результате незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Так, в 2019 г. в соответствии с обращением МВД Республики Абхазия Росфинмониторингом по запросу МВД России проведено финансовое расследование в отношении членов международного преступного сообщества, организовавшего поставки с территории Российской Федерации на абхазскую территорию наркотического средства «метадон» в крупном размере. Росфинмониторингом выявлены сведения о финансовых операциях фигурантов на общую сумму более 3,8 млн руб., предположительно связанных с расчетами за наркотические средства. Полученные данные в I квартале 2020 г. переданы в МВД Республики Абхазия, где используются в рамках документирования противоправной деятельности участников преступного сообщества.

Подводя итог совместной работы Российской Федерации с республиками Абхазия и Южная Осетия, можно отметить положительную тенденцию в противодействии трансграничной преступности, что, в свою очередь, свидетельствует о необходимости дальнейшего развития сотрудничества Российской Федерации с республиками Абхазия и Южная Осетия, в том числе принимая совместные усилия по наращиванию возможностей функционирования информационно-координационных центров органов внутренних дел как достаточно эффективных составляющих системы взаимодействия государств в правоохранительной сфере.

Список литературы

1. Договор от 18 марта 2015 г. между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о союзнчестве и интеграции // Администрация Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4819>.

2. Договор от 24 ноября 2014 г. между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзничестве и стратегическом партнерстве // Администрация Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4783>.

3. Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 612 «О представительствах и представителях Министерства внутренних дел Российской Федерации за рубежом» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285775.

Бучакова М. А.¹,
начальник кафедры
конституционного и международного права
Омской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент

МНОГОУРОВНЕВОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В условиях глобализации организованная преступность распространяет свое действие на территорию других государств, используя при этом новые формы и методы действия и тем самым переходя на международный уровень, приобретая транснациональный характер. Проникая и коррумпируя институты власти и бизнес, транснациональная организованная преступность тем самым подрывает безопасность функционирования всех государственных институтов, общественных структур и граждан. В XXI в. транснациональная преступность становится наиболее изощренной формой преступности, включающей разнообразные подвиды, к которым относятся: терроризм; торговля людьми; незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов; экономическая организованная преступность; работорговля и др. По оценкам специалистов, доходы от бизнеса транснациональной преступности сопоставимы с бюджетами отдельных государств. По сути, транснациональная преступность приобретает характер угрозы жизненно важным интересам не только государств, но и всего международного сообщества в целом, в силу чего признана ООН наиболее сложной проблемой, стоящей перед правоохрнительными органами всех государств.

Необходимость противодействия транснациональной организованной преступности в сфере борьбы с международной преступностью поставила перед международным сообществом задачу правового регулирования в данной сфере, прежде всего посредством принятия конвенциональных соглашений по разработке методов и средств борьбы с этим видом преступности, а также унифицированных методов его контроля. С учетом этого в 2000 г. принимается Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности» (далее – Конвенция) [1]. Дополняющими ее стали протоколы против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее [1]. Позднее, 31 мая 2001 г. был принят Протокол против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему [2]. Федеральным законом от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ Конвенция была ратифицирована Российской Федерацией [3], тем самым ее нормы стали составляющей частью правовой системы Российской Федерации.

Несмотря на детальное регулирование Конвенцией отдельных аспектов в сфере противодействия преступности, определения ряда понятий, таких как

¹ © Бучакова М. А., 2020.

«организованная преступная группа», «серьезное преступление», «доходы от преступления» и др., понятия «транснациональная организованная преступность» в документе выработано не было, и до настоящего времени общепринятого определения транснациональной преступности не существует. Согласно Конвенции транснациональная организованная преступность определяется через сферу применения (ст. 3 Конвенции), где обозначено, что преступление носит транснациональный характер, если: а) совершено в более чем одном государстве; б) совершено в одном государстве, но существенная часть его подготовки, планирования, руководства или контроля имеет место в другом государстве; в) совершено в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность в более чем одном государстве; г) совершено в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве [3].

В развитие положений Конвенции внимание ученых было сосредоточено на совершенствовании правовых средств (как международно-правовых, законодательных, так и практически-прикладных), способствующих эффективной работе правоохранительных органов и минимизации опасных видов преступной деятельности. Несмотря на активность основных субъектов международного права по противодействию транснациональной организованной преступности, угрозы, обусловленные данным явлением, возрастают. Так, на 12-м Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию было отмечено, что «преодоление... транснациональных угроз является важным приоритетом и затрагивает все элементы транснациональной организованной преступности» [4, с. 5].

Эффективность противодействия транснациональной организованной преступности связана с многоуровневым характером правового регулирования данной сферы, включающей международные, национально-правовые и региональные средства воздействия.

На международном уровне принят целый ряд конвенций, таких как Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ [5]; Конвенция Совета Европы о противодействии торговле людьми 2005 г. [6]; Конвенция Совета Европы против торговли человеческими органами 2015 г. [7] и др. Для Российской Федерации наиболее важны соглашения с государствами СНГ, активно сотрудничающими в противодействии транснациональной организованной преступности. В частности, это Договор о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом [8, с. 120–129]; Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров 2000 г. и др. [9, с. 98–105].

На федеральном уровне в сфере противодействия транснациональной организованной преступности действуют следующие нормативные правовые акты: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [10]; Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [11]; Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской

Федерации» и др. Кроме того, к этой сфере относятся концепции и стратегии, определяющие политику государства по борьбе с преступностью и коррелированные с данными законами (Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, Концепция внешней политики Российской Федерации и др.). В этих документах определены основные угрозы, связанные с транснациональной организованной преступностью, а также перечислены основные меры противодействия противоправной деятельности, сформированы организационные основы предупреждения преступности и борьбы с ней.

На региональном уровне действуют нормативные правовые акты, отражающие специфику субъектов Российской Федерации по борьбе с преступностью, наличие государственной границы с сопредельными государствами, маршруты передвижения преступных групп, потоки мигрантов. В частности, в Омской области действует «Положение о системе мониторинга этноконфессиональных отношений и оперативного реагирования на проявления религиозного и национального экстремизма на территории Омской области», в Приморском крае – программа «Безопасный край»; здесь нашли отражение мероприятия по противодействию незаконной миграции, контрабанде и торговле людьми.

Таким образом, многоуровневость правового регулирования в борьбе с транснациональной организованной преступностью, а также действующая на ее основе система правоохранительных органов при координации усилий всех созданных структур способны эффективно противостоять данному общественно опасному явлению.

Список литературы

1. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000) // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: через коммерческую версию.
2. Протокол против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принят в г. Нью-Йорке 31.05.2001 Резолюцией 55/255 на 101-ом пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: через коммерческую версию.
3. Федеральный закон от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и дополняющих ее протоколов против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху и протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: через коммерческую версию.
4. Декларация 12-го Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию «Комплексные стратегии для ответа на глобальные вызовы: системы предупреждения преступности и уголовного правосудия и их

развитие в изменяющемся мире» (Проект) (Сальвадор, Бразилия, 12–19 апреля 2010 г.) // UNA. Conf. 213/L/5.

5. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20.12.1988) // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: через коммерческую версию.

6. Конвенция Совета Европы о противодействии торговле людьми (заключена в г. Варшаве 16.05.2005) // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: через коммерческую версию.

7. Конвенция Совета Европы против торговли человеческими органами 2015 г. (заключена в г. Сантьяго-де-Компостела 25.03.2015) // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: через коммерческую версию.

8. Договор о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом (подписан в г. Минске 04.06.1999) // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1999. № 2 (32).

9. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров (заключено в г. Минске 30.11.2000) // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 2000. № 3 (36).

10. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867.

11. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840.

Бондарь Е. О.¹,

заместитель начальника
кафедры административного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Михайленко Н. В.²,

доцент кафедры
административной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РАЗЛИЧНЫХ СТРАН И МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

Суть проблемы киберпреступности состоит в том, что это – явление всего мира, не имеющее границ и не заключенное в рамках одного государства, что выступает вызовом всему международному сообществу.

Мировая же статистика по совершению киберпреступлений является достаточно удручающей. Так, каждый час во всем мире совершается около 50 тыс. информационных и цифровых преступлений.

Главенствующей проблемой в подавляющем большинстве стран остается несовершенство уголовного и уголовно-процессуального закона в контексте цифрового развития общества, государства и, соответственно, преступности.

Однако на практике мы имеем ситуацию, при которой, например, в Германии, Англии и Франции ответственность за некоторые категории цифровых преступлений варьируется от двух месяцев до двух лет (в США может достигать даже десяти лет тюремного заключения), а в ряде стран Южной Америки отсутствует вовсе. Сюда же можно добавить, например, и международные офшорные зоны, которые способствуют легализации и отмыванию доходов, полученных посредством совершения цифровых преступных посягательств. Вместе с тем основной международно-правовой акт в сфере борьбы с цифровой преступностью датируется 2001 г., что не позволяет говорить о сколь-либо достойном правовом регулировании в этой сфере. По сути, регулирование киберпреступлений отдано на откуп национальным законодательствам. Это, как видится, в корне неверно.

В большинстве стран наблюдается тенденция по ужесточению ответственности за противоправные посягательства в информационной сфере и непрерывной

¹ © Бондарь Е. О., 2020.

² © Михайленко Н. В., 2020.

реформации норм уголовного законодательства как реагирование на возникающие угрозы. Ужесточение ответственности за посягательства с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, учитывая неограниченность круга потенциальных жертв от преступных действий и размеры причиняемого ущерба, должно быть реализовано и в отечественном законодательстве.

В правоохранительной среде ситуация вообще становится странной: международное законодательство и правовые акты большинства государств законодательно указывают на возможность и необходимость использования цифровых и современных технологий, однако только общими словами. Не существует правового акта, который в полном объеме регулировал работу органов правопорядка с цифровыми и компьютерными технологиями.

Необходимо понимать, что в современных условиях кадры действительно решают все, при этом следует обращать внимание и на международный опыт построения работы правоохранительных структур и подбор кадров. Так, в Германии и Англии используется позитивный опыт криминальной цифровой разведки, которая в закрытом режиме работает с преступниками и террористами. Исследователи, правоведы и практики закономерно отмечают, что создание и становление подразделений киберполиции и криминальной разведки являются необходимыми точками роста для всей международной правоохранительной системы; данное условие имеет прямое отношение и к Российской Федерации.

Следует отметить, что недостаток специалистов наблюдается именно в самой структуре МВД России и иных органах, однако их достаточно в других сферах, что указывает на необходимость изменения подхода к набору кадров.

При развитии общества, цифровизации процессов растет и уровень киберугроз. Особенно полиция оказалась не готова к борьбе с киберпреступностью в условиях пандемии коронавирусной инфекции. Силы полиции были сосредоточены на других направлениях, что привело к существенному росту цифровых краж и мошенничеств. При этом следует учитывать, что большинство проблем свойственно не только Российской Федерации, но и зарубежным странам. Так, в Германии мошенники создали сайт министерства экономики одной из территориальных единиц страны и выманивая персональные данные занимались взломом карт и кражей денежных средств.

Международный характер совершаемых преступных посягательств в цифровой среде подтверждается и существующей практикой. Так, в 2019 г. полицейские пресекли деятельность банды, которая похитила десятки тысяч персональных данных граждан Российской Федерации и Европейского союза из банковских организаций. Совместно правоохранительными органами Евросоюза и России была раскрыта деятельность международной преступной организации. Персональные данные они украли из банков России, Швеции, Германии и некоторых других стран.

В развивающихся регионах и странах по-прежнему существуют значительные пробелы в потенциале борьбы с киберпреступностью. Те страны, которые быстро переходят в цифровую форму, но еще не в полной мере способны обеспечить кибербезопасность, испытывают острую необходимость в использовании

опыта частного сектора для наращивания потенциала в области обороны и исследований.

Преступность, распространяющаяся через интернет и цифровые сети, затронула даже традиционные формы преступности. Поэтому ответные меры правоохранительных органов также должны носить международный характер.

С уверенностью можно сказать, что цифровизация международной правоохранительной системы находится в начале своего пути. Как видится при таких условиях, очередной рывок может быть сделан при использовании последних достижений науки и техники. В качестве примера можно привести технологию *Big data*, которая подразумевает под собой обработку больших объемов данных и разных источников одновременно, к которым в условиях охраны правопорядка могут относиться GPS-сигналы от автомобилей или технических устройств, информация из банковских структур, анализ социальных сетей и сайтов.

Функциональные возможности *Big data* позволят правоохранительным органам в короткие сроки «анализировать большие объемы различной информации, моделировать процесс принятия решений по обеспечению безопасности и прогнозировать их эффективность» [3].

В связи с этим интерес представляет мнение ряда ученых, которые помимо выделения основных проблем деятельности органов внутренних дел в условиях цифровизации предлагают создать обособленную структуру, которая будет заниматься раскрытием и расследованием цифровых преступлений. Так, для трансформации традиционной правоохранительной деятельности в цифровую экономику необходимо полностью оцифровать правоохранительную оперативную обстановку. Администрировать же цифровую оперативную обстановку должна обособленная правоохранительная организация сетевого типа [5].

Говоря о проблемах в деятельности органов внутренних дел в условиях цифровизации, необходимо говорить и об оперативном контроле, который на данный момент во всем мире осуществляется через технологии четвертой промышленной революции. Как видится, следует перенимать подобный зарубежный опыт в интересах отечественной правоохранительной системы.

Так, подразделениями ФБР, британской полицией, группой *ePOOLICE*, созданной при Евросоюзе, здесь накоплен огромный опыт. В основе их деятельности лежит работа с Большими данными (структурированными и неструктурированными), открытыми и закрытыми разведывательными (оперативно-разыскными) данными, материалами уголовных дел, данными аудио- и видеонаблюдения. Применяемые системы работают по принципу выявления ранних признаков организованной преступной деятельности через выявление подозрительных транзакций по отмыванию денег, полученных в результате преступной деятельности.

Сегодня мы становимся светилами ситуации, когда мировое сообщество уверенно идет к использованию передовых технологий в качестве механизма борьбы с преступностью. Например, для усиления контроля за преступными посягательствами и для предотвращения отмывания денежных средств необходимо срочно разработать действенные механизмы контроля криптовалют. Следует уделить существенное внимание разработке средств и методов борьбы с организованной преступностью в виртуальной среде, пресечению распространения

оружия, наркотических и психотропных веществ. В связи с этим необходимо международное сотрудничество в борьбе с преступностью в цифровой среде, а также проявлениями кибертерроризма, киберэкстремизма и киберпреступности.

Список литературы

1. Мысина А. И. Региональные механизмы сотрудничества государств по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий // Современное право. 2020. № 1. С. 119–124.
2. Мысина А. И. Международно-правовые основы сотрудничества государств по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий // Международное право. 2019. № 1. С. 18–27.
3. Никитин Е. В. О новых возможностях применения цифровых технологий в правоохранительной деятельности // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 55–59.
4. Пузырева Ю. В., Мысина А. И. Международное полицейское сотрудничество по вопросам раскрытия и расследования преступлений в сфере информационных технологий : монография. М. : Инфра-М, 2020.
5. Тагиров З. И. Цифровая оперативная обстановка, цифровое имя человека и сетевая (цифровая) правоохранительная деятельность в отечественной модели цифровой экономики // Вопросы безопасности. 2018. № 4. С. 28–51.

Боровиков В. Б.¹,
 профессор кафедры уголовного права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат юридических наук, доцент,
 Заслуженный сотрудник
 органов внутренних дел Российской Федерации

Боровикова В. В.²,
 доцент кафедры уголовного права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат юридических наук, доцент

О ПОНЯТИИ ОРГАНИЗОВАННЫХ ФОРМ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Действующее российское уголовное законодательство учитывает в различных нормах УК РФ факт совершения преступления в организованных формах.

В ст. 35 УК РФ даются понятия совершения преступлений организованной группой и преступным сообществом (преступной организацией) (чч. 3–7). Достаточно широкое отражение получило данное обстоятельство и в нормах Особенной части УК РФ.

Например, в 122 нормах Особенной части УК РФ содержится прямое указание на такой квалифицирующий признак, как «совершение преступления организованной группой» (см., в частности, п. «ж» ч. 2 ст. 105, п. «г» ч. 2 ст. 110, п. «г» ч. 3 ст. 110.1, п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ, п. «г» ч. 2 ст. 112, п. «е» ч. 117, п. «а» ч. 3 ст. 126 УК РФ). Кроме того, еще 11 уголовно-правовых норм предусматривают ответственность за преступления, содержащие признаки особо квалифицированных составов, когда законодатель использует при их описании такие словосочетания, как «те же деяния, совершенные...» или «деяния, предусмотренные частью..., совершенные...», «деяния, предусмотренные частью..., повлекшие...», подразумевая под этими деяниями случаи совершения преступления, в том числе и с использованием организованных групп (ч. 6 ст. 110.1, ч. 4 ст. 111, ч. 4 ст. 166, ч. 5 ст. 184, ч. 4 ст. 204, ч. 8 ст. 204, ч. 4 ст. 229, ч. 3 ст. 238, ч. 3 ст. 238.1, ч. 6 ст. 290, ч. 5 ст. 291 УК РФ).

Значительное распространение получили сейчас и нормы, устанавливающие ответственность за организацию преступной деятельности и участие в ней (по нашим данным, сейчас УК РФ включает примерно 40 подобных норм, например предусмотренные ч. 1 ст. 110.2, ч. 1 ст. 171.2, ч. 1 ст. 172.2, ч. 4 ст. 205.1, ч. 1

¹ © Боровиков В. Б., 2020.

² © Боровикова В. В., 2020.

ст. 205.4, ч. 1 ст. 205.5, ч. 1 ст. 208, ч. 1 ст. 209, ч. 2 ст. 209, ч. 1 ст. 210, ч. 2 ст. 210, ч. 1 ст. 212, ч. 2 ст. 212 УК РФ).

Помимо этого существуют квалифицированные и особо квалифицированные случаи совершения таких деяний (ч. 2 ст. 110.2, ч. 2 ст. 171.2, ч. 3 ст. 171.2, ч. 1 ст. 172.1, ч. 3 ст. 209, ч. 3 ст. 210 УК РФ).

Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает ответственность и за деяния, которые могут иметь отношения к организованным формам преступной деятельности в будущем, хотя это прямо и не вытекает из содержания закона. Так, согласно ч. 4 ст. 150 УК РФ установлена ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу. Естественно, в реальности эта преступная группа вполне может приобрести черты организованной группы. Существуют и уголовно-правовые нормы, которые не содержат указание на факт совершения преступления с использованием организованных форм деяния, но, по сути, предполагают их наличие. Например, трудно представить себе осуществление геноцида (ст. 357 УК РФ) и экоцида (ст. 358 УК РФ) без использования преступного сообщества (преступной организации).

Другой пример. Такое преступление, как наемничество (вербовка, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника, а равно его использование в вооруженных конфликтах или военных действиях – ч. 1 ст. 359 УК РФ), о чем свидетельствует зарубежный и отечественный опыт, невозможно без существования организованных преступных структур.

Таким образом, УК РФ 1996 г. содержит систему норм, в целом создающую правовую основу противодействия организованной преступности.

Вместе с тем есть резервы, связанные с целесообразностью совершенствования как их содержания, так и применения. Об этом и пойдет далее речь.

Несмотря на большое число уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за совершение преступления организованными группами, на наш взгляд, существуют возможности внесения определенных корректив и в другие статьи Особенной части УК РФ.

Так, события на Украине 2014 г. и в Беларуси 2020 г. показали, что в целях дезорганизации жизни в крупных городах (г. Киеве и г. Минске) оппозиционными политическими силами была предпринята тактика применения насилия сразу несколькими агрессивными группами лиц в отношении отдельных представителей власти (сотрудников правоохранительных органов). Представляется, подобные действия – воплощение в жизнь «коварного» плана организаторов оппозиционного движения, направленного на ослабление действий по охране общественного порядка правоохранительными органами. Обратим внимание на то, что «боевики» из числа оппозиции прошли специальную подготовку и нередко осуществляли свои нападения избирательно, как правило – на одиночные наряды патрульно-постовой службы в отсутствие условий массовых беспорядков или хулиганских проявлений. Полагаем, подобная общественно опасная деятельность должна оцениваться достаточно строго, что необходимо закрепить в ст. 318 УК РФ.

При этом возможен следующий вариант изменений в уголовном законодательстве.

Следует ввести в ст. 318 УК РФ новые части. Например, в ч. 1.1 ст. 318 УК РФ – предусмотреть повышенную ответственность за деяния, указанные в ч. 1 ст. 318 УК РФ, совершенные группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (максимальное наказание за такое деяние целесообразно предусмотреть до 7 лет лишения свободы).

В данном случае мы учитываем специфику преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 318 УК РФ, где в диспозиции уголовно-правовой нормы специально установлена и ответственность за угрозу применения насилия в отношении представителя власти или его близких (т. е. любую угрозу, включая и угрозу смерти, причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего). Опыт событий на Украине и в Беларуси показал, что оппозиционные политические силы организовали травлю сотрудников правоохранительных органов и их родственников, указывая в интернете, на стенах домов телефоны, домашние адреса этих лиц, сопровождая все это угрозами расправы. Очевидно, что такая общественно опасная деятельность исходит именно от организованных преступных групп. Поэтому и вышеназванное предложение является обоснованным.

Соответственно, в ч. 2.1 ст. 318 УК РФ полезно предусмотреть повышенную ответственность за деяния, указанные в ч. 2 ст. 318 УК РФ, совершенные группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Аналогичные вопросы о включении данного квалифицирующего признака состава преступления («совершение преступления организованной группой») возникают в отношении ряда других статей УК РФ.

Например, ч. 4 ст. 159 УК РФ предусматривает ответственность за мошенничество, совершенное организованной группой. Вместе с тем подобный квалифицирующий признак отсутствует в отношении мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (чч. 5–7 ст. 159 УК РФ). Очевидно, что рассматриваемый квалифицирующий признак был бы уместен при юридической оценке анализируемого вида мошенничества. Следовательно, нужны соответствующие коррективы, которые бы устранили имеющий место пробел в уголовном законодательстве.

Отметим лишь, что, по нашему мнению, подобные уточнения целесообразно провести и в отношении других статей Особенной части УК РФ, в частности ст.ст. 178, 200.1, 200.3, 321 УК РФ.

Нередко квалифицирующий признак состава преступления – «совершение преступления организованной группой» – «соседствует» в уголовно-правовых нормах рядом с такими аналогичными признаками, как «совершение преступления группой лиц или группой лиц по предварительному сговору» (на 1 октября 2020 г. подобных норм было 66, т. е. примерно половина всех тех, которые содержали такой квалифицирующий признак, как «совершение преступления организованной группой»).

На наш взгляд, подобная законодательная практика не позволяет в должной мере дифференцировать уголовную ответственность за совершение группового преступления. Да, с точки зрения квалификации содеянного такая альтернатива признаков состава преступления облегчает производство юридической оценки.

Но с позиции оценки реальной общественной опасности деяния совершенное преступление организованной группой при прочих равных условиях включает в себе бóльшую вредоносность, чем это имеет место при совершении других форм групповой преступной деятельности. Само определение в законе преступления, совершенного организованной группой, т. е. устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений (ч. 3 ст. 35 УК РФ), свидетельствует о правильности ранее сделанного вывода. Совершение подобного преступления указывает на «профессионализм» преступников, стойкую антисоциальную установку их личности, подтверждающую наличие вывода о том, что совершение для них преступления является, по сути, образом жизни, существенным источником материального существования.

Данная мысль находит свое подтверждение и в п. «а» ст. 2 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, согласно которой под организованной преступной группой понимается структурно оформленная группа в составе трех и более лиц, существующая в течение определенного периода времени и действующая согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с тем, чтобы получать прямо или косвенно финансовую или иную материальную выгоду.

В той же статье (п. «b») отмечается, что «серьезные преступления» – это преступления, наказуемые лишением свободы на максимальный срок, не менее четырех лет или более строгой мерой наказания.

Но если Российская Федерация ратифицировала указанную конвенцию, то, естественно, необходимы и соответствующие изменения в российском уголовном законодательстве.

Так, вполне возможно вышеназванное определение организованной преступной группы привести в примечании к ст. 35 УК РФ, раскрывающей формы соучастия в преступлении. Кроме того, потребуется законодательная работа «по разъединению» в тексте УК РФ квалифицирующих признаков группового преступления – «совершение преступления группой лиц», «группой лиц по предварительному сговору» и «организованной группой» (в идеале «совершение преступления организованной группой» в качестве квалифицирующего признака состава преступления; должен быть назван самостоятельно в пункте или части статьи Особенной части УК РФ, без соседства с другими признаками группового преступления).

Да, все это потребует значительных усилий, но такое дело способно оказать помощь в толковании оценочных понятий, используемых в законодательстве о противодействии организованной преступности, единообразии в применении анализируемых уголовно-правовых норм.

Есть вопросы и к понятию преступного сообщества (преступной организации), определяемого в УК РФ как структурированная организованная группа или объединение организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды (ч. 4 ст. 35 УК РФ).

Проблема уяснения этого понятия заключается в том, что законодатель не проводит различие между собственно преступным сообществом и преступной организацией. Поэтому содержательная часть анализируемых понятий воспринимается как имеющая отношение к преступному сообществу и преступной организации, без отражения специфики рассматриваемых форм преступной деятельности.

К сожалению, в законе нет четких разграничительных признаков между понятиями «сообщество» и «организация». Но все же можно выделить на базе анализа словарной информации, что сообщество – это объединение людей, групп, имеющих общие цели, интересы.

Что же касается понятия организации, то к ней чаще всего относят группу людей, деятельность которых координируется для достижения общих целей.

Наверное, можно было бы и не придавать особого значения различиям в понятиях преступного сообщества и преступной организации, если бы законодатель при описании норм Особенной части в УК РФ придерживался того же подхода, что и в отношении норм Общей части. Однако сам же законодатель проводит такое различие.

Например, в диспозиции ч. 1 ст. 205.4 УК РФ («Организация террористического сообщества и участие в нем») законодатель не использует термин «преступная организация», что порождает закономерный вывод: в этой статье речь идет об ответственности только за создание террористического сообщества, руководство таким сообществом, его частью или входящим в такое сообщество структурным подразделением. Кроме того, уголовная ответственность наступает и за участие в террористическом сообществе (ч. 2 ст. 205.4 УК РФ).

Но как определяется понятие этого террористического сообщества? Как устойчивая группа лиц, заранее объединившихся в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного или нескольких преступлений, предусмотренных ст.ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 361 УК РФ, либо иных преступлений, в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, – ни слова об объединении организованных групп в этих целях.

Зато в ст. 205.5 УК РФ предусмотрена ответственность за организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации – правда, без раскрытия содержания понятия этой организации.

Аналогичные подходы использует законодатель и при установлении уголовной ответственности за организацию экстремистского сообщества (ч. 1 ст. 282.1 УК РФ) и организацию деятельности экстремистской организации (ч. 1 ст. 282.2 УК РФ). Однако постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (пп. 22.6, 22.7) и от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (п. 19) не дают разъяснений в отношении содержания понятий террористической и экстремистской организации [1, с. 251; там же, с. 269–270].

Таким образом, сложилась ситуация, когда уяснение содержания ряда уголовно-правовых норм (ст.ст. 205.4, 205.5, 282.1, 282.2 УК РФ) затруднено, что во многом связано с исходными положениями ст. 35 УК РФ, не позволяющими провести разграничение между преступным сообществом и преступной организацией.

Какой же есть выход из сложившейся ситуации? Надо исправлять ее как на законодательном, так и правоприменительном уровне. Как минимум, в качестве первого шага необходимо в названные выше постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также его постановление от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» [1, с. 184–194] раскрыть содержание названных выше понятий.

При этом, на наш взгляд, в качестве определяющего критерия разграничения надо использовать то обстоятельство, что преступное сообщество – это объединение преступных групп, а преступная организация – это структурированная организованная группа, состоящая из подразделений (подгрупп, звеньев), характеризующихся стабильностью состава и согласованностью своих действий (эта характеристика преступной организации дается в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12).

Список литературы

Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: вопросы применения уголовного законодательства / сост. А. Г. Хлебушкин. 4-е изд. М. : Проспект, 2020.

Вантеева А. Ю.¹,
начальник кабинета кафедры деятельности
органов внутренних дел в особых условиях
учебно-научного комплекса
специальной подготовки
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ НА КРИМИНОГЕННУЮ ОБСТАНОВКУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Непосредственным отражением особенностей этапов социально-политического и экономического развития регионов и стран в целом являются происходящие в них миграционные процессы. В частности, на заседании Совета Международной организации по миграции в 2019 году генеральным директором был озвучен «Доклад о мировой миграции», в котором явно прослеживается взаимосвязь между происходящими в мире социально-экономическими и политическими событиями, которые сопровождаются увеличением потоков мигрантов².

Необходимо принять во внимание, что при абстрагировании любого государства от мирового сообщества его развитие становится невозможным. Ученые (Н. Р. Гоцкая, Н. Н. Ливенцева, Ю. Р. Туманян и др.) выделили причины, которые объединяют абсолютно все государства в той или иной степени: это общественные, культурные, научные, политические и экономические интересы.

Иными словами, миграция выражает собой движение, территориальное перемещение [5, с. 150], определена выражением уровня развития динамики современного общества.

На сайте Главного управления по вопросам миграции МВД России приведена статистика, которая по всем показателям указывает на стойкую тенденцию к увеличению масштабов миграционных потоков в настоящее время. Эти показатели найдут отражение в экономической составляющей принимающей стороны, ее стабильности и колебаниях показателей.

Социальным фоном преступности служит незаконная миграция. Она обусловлена негативными явлениями в сфере общественной безопасности.

В настоящее время в России остро стоит проблема регулирования криминогенных процессов в условиях миграционных потоков. Напряженный характер в социальной, политической, демографической, экономической и других сферах зачастую провоцирует возникновение угрозы национальной безопасности в целом.

Анализ статистических данных, приведенных на сайте МВД России за май 2020 г., свидетельствует о снижении регистрируемой преступности в России. Общее количество зарегистрированных преступлений по сравнению с маем 2019

¹ © Вантеева А. Ю., 2020.

² Доклад о миграции в мире 2020 г. Обзор доклада: панорама миграции и мобильности в период растущей неопределенности // International Organization for Migration. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020_ru_ch_1.pdf

г. сократилось на 5,6 %. При этом количество убийств и покушений на убийство уменьшилось на 2,0 %, фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – на 8,9 %, грабежей – на 13,4 %, разбоев – на 24,4 %.

В целом за пять месяцев 2020 г. снижение общего числа зарегистрированных преступлений по сравнению с пятью месяцами 2019 г. составило 0,4 %. Количество убийств и покушений на убийство сократилось на 2,2 %, фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – на 4,2 %, грабежей – на 10,4 %, разбоев – на 19,3 %, краж – на 2,6 %, хулиганств – на 14,4 %.

Результаты статистических данных, отражающих миграционную ситуацию в Российской Федерации, а также анализ воздействия миграционных процессов на криминогенную обстановку на территории страны позволят скоординировать и предотвратить появление новых тенденций и угроз национальной безопасности.

Показатели уличной преступности также снизились. За период с января по май в общественных местах совершено на 9,5 % меньше преступлений, чем годом ранее, в том числе в местах общего пользования – на 9,1 % меньше. Число уличных разбоев сократилось на 20,5 %, уличных грабежей – на 18,0 %.

Безопаснее стала обстановка на объектах транспорта, где зафиксировано уменьшение количества преступлений на 16,3 %, в том числе по тяжким и особо тяжким составам – на 15,7 %.

Стоит отметить, что наблюдается увеличение количества мошеннических посягательств. Число мошенничеств, квалифицированных по ст. 159 УК РФ, возросло на 35,0 %. Все чаще злоумышленники применяют для хищения денежных средств информационно-телекоммуникационные технологии. К примеру, мошенничеств с использованием электронных средств платежа, квалифицированных по ст. 159.3 УК РФ, стало больше на 103,6 %.

В мае выявлено 12 преступлений по ст. 207.1 УК РФ, введенной в апреле текущего года и устанавливающей ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и здоровью граждан.

На данный момент времени весьма актуальной является проблема преступности среди иностранных граждан, своими последствиями порождающая широкий общественный резонанс. Неоспоримым является то, что вопросам корреляции миграции и преступности отводится повышенное внимание со стороны общества и государства.

В связи с этим Президент Российской Федерации отметил: «Прошу наши ведомства серьезно усилить оперативную и профилактическую работу по борьбе с преступностью в миграционной среде».

«Преступления, совершенные мигрантами в России, могут обострить ситуацию в стране», – об этом заявил начальник Главного управления по противодействию экстремизму (ГУПЭ) МВД России.

«Россия является вторым государством в мире по интенсивности миграционных потоков. Общее количество только официально поставленных на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства в 2019 г. превысило 17 млн человек», – отмечено им же. По его словам, этот факт накладывает на МВД России дополнительную ответственность.

По сравнению с данными за предыдущий период, доля преступлений, совершаемых мигрантами в Москве, снизилась до 14 %. Об этом, как передает ТАСС, на совещании 28 октября заявил мэр г. Москвы. По его данным, большинство преступлений – около 60 % – сейчас совершают те, кто приезжает в столицу из других городов России: «Мы видим, что количество таких преступлений снизилось с четверти до 14 %. Это говорит о серьезном изменении тренда, тем не менее количество преступлений, которые совершаются “гастролерами”, которые приезжают в Москву со всех городов нашей страны, остается неизменным с точки зрения соотношения к количеству преступлений». Ранее МВД России заявляло, что преступления, совершаемые мигрантами, могут «обострить ситуацию в сфере межнациональных отношений». Секретарь Совета Безопасности Российской Федерации, в свою очередь, заявлял о «росте вовлеченности мигрантов в террористическую деятельность», утверждая, что особую опасность «представляет экспансия посредством миграции законспирированных ячеек международных экстремистских и террористических организаций». В то же время официальная статистика признает, что общая доля преступлений, совершаемых мигрантами, относительно невелика. По данным МВД России, за 2019 г. было зарегистрировано около 1,5 млн преступлений. Мигрантами совершено около 27 тыс. – на 10 % меньше, чем за аналогичный период предыдущего года¹.

Сложившаяся ситуация оправдывает устойчивый рост внимания к проблеме миграции со стороны социологов, политологов, других научных деятелей. Вырабатывается стратегия по предупреждению и возможному пресечению преступлений со стороны мигрантов.

По мнению Ж. М. Зайончковской, «миграция – это процесс перемещения людей через границы тех или иных территорий со сменой навсегда или на время постоянного места жительства либо с регулярным возвращением к нему» [2].

Следует отметить, что показатели преступности мигрантов в субъектах Российской Федерации могут сильно различаться. Институт региональных проблем (ИРП)² формирует рейтинг интенсивности миграционного потока. Как показывают приведенные данные, преступность мигрантов определяется конкретным регионом: чем крупнее населенный пункт, тем выше вероятность влияния миграционных потоков на криминогенную ситуацию.

Юридическая литература приводит ряд личностных характеристик преступника-мигранта. К ним относится сочетание социально-психологических качеств, также учитываются социально-демографические особенности становления личности, что в совокупности и под давлением определенных обстоятельств толкают мигранта к совершению общественно опасного, противоправного, сознательно-волевого деяния [3].

¹ В Москве снизилась доля совершаемых мигрантами преступлений // Вестник мигранта. <https://www.vestnik-migranta.ru/2019/10/fergana-sniz.html>.

² Рейтинг криминогенности регионов. Выпуск № 1 // Институт региональных проблем. URL: <https://www.irpr.ru/2019/05/31/pervyj-rejting-kriminogennosti-regionov>.

Не стоит отрицать существующую взаимосвязь и воздействие менталитета на характер социальной девиации и как последствие формирования преступного поведения у иностранных граждан

Степень терпимости местного населения к иному мировоззрению, образу жизни, менталитету, поведению и обычаям мигрантов отражается на характере преступного девиантного поведения иностранных граждан.

Под описание личностных характеристик преступника-мигранта можно отнести повышенную степень маргинальности, которая выражается в пограничности положения человека между социальными группами, системами, культурами. Как правило, им чужд оседлый образ жизни, причиной является поиск регулярного источника доходов. Их можно отнести в группе лиц, представляющих собой различные этнические группировки, характерной чертой которых выступают сплоченность и конспиративность [7, с. 5].

Главным управлением МВД России по г. Москве создано подразделение по борьбе с незаконными мигрантами. Отделы по раскрытию преступлений, «связанных с организацией незаконной миграции», будут сформированы в структуре уголовного розыска Главного управления МВД России по г. Москве.

«В соответствии с приказом о внесении изменений в организационно-штатную структуру специализированное отделение появилось в Управлении уголовного розыска Главного управления МВД России по г. Москве. Аналогичные подразделения (группы) начали работать в составе оперативно-разыскных частей ОУР на уровне окружных УВД», – сообщает ведомство. По информации МВД России, всего в подразделении по борьбе с незаконной миграцией будет работать 71 сотрудник.

Тему нелегальной миграции и роста преступности среди мигрантов поднял Министр внутренних дел Российской Федерации. Глава Министерства призвал «совершенствовать методы борьбы с этнической преступностью»: «Миграционная политика должна включать не только зеленый, но и желтый, и красный свет. Совместными усилиями мы должны поставить надежный заслон на пути тех, кто связан с так называемыми этническими организованными преступными группировками».

Большим шагом на пути к достижению положительных результатов в борьбе с преступностью среди мигрантов послужат осведомленность, информационная грамотность, инновационная поддержка. Статистические данные, актуализированный учет, информационное обеспечение станут вспомогательным элементом, посредством которого появится возможность вычленивать основные черты, характеристики, «почерк» совершенных мигрантами преступлений – точно так же, как неполнота приведенных данных, их недостоверность или недостаточность приведут к неверному «следу», а значит, к неверным выводам. Совершенствование законодательства, разработка действенного правового механизма, реализация на практике конкретных норм, включающих меры социальной помощи мигрантам и социального контроля за ними, комплекс активных наступательных мер, опирающихся на всестороннюю и полную информацию, оформленных в виде комплексной государственной или межведомственной программы, обеспеченной экономическими ресурсами, использующей все возможные средства научного и

практического поиска путей повышения эффективности борьбы с преступностью в условиях новой социально-экономической политики, в совокупности приведут к всесторонней борьбе с преступностью среди мигрантов.

Список литературы

1. Евдокимов А. И. Международная миграция и ее влияние на региональный социум в работах отечественных исследователей // Вестник ХГУ имени Н.Ф. Катанова. 2018. № 25. С. 86–88.
2. Зайончковская Ж. А. Миграция и урбанизация в СССР в послеоктябрьский период // Население СССР за 70 лет. М. : Наука, 1988. С. 37–74.
3. Магомедов Э. Б. Криминологическая характеристика личности преступника мигранта-иностранца и его психологические особенности // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 5. С. 91–95.
4. Пузырев С. А., Пузырева Ю. В. Миграционный кризис в Европе и его влияние на бюджетную политику Европейского союза : монография. М. : Граница, 2018.
5. Прудникова Т. Н., Акимова С. А. Миграционные процессы в современной России // Вестник экономической безопасности. 2017. № 2. С. 150–152.
6. Пузырева Ю. В. Вклад Интерпола в противодействие незаконной миграции // Международный журнал конституционного и государственного права. 2020. № 1. С. 70–72.
7. Самойлюк Н. В. Криминологическая характеристика личности преступника – внешнего мигранта // Российский следователь. 2009. № 13. С. 5–11.

Галиев Р. С.¹,
доцент кафедры
конституционного и международного права
Барнаульского юридического
института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ ПО БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЕВРОПЕ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕРРОРИЗМУ

В 1994 г. решением Будапештского саммита Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе Совещание было трансформировано в Организацию. При этом правовая природа Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее – ОБСЕ) не совсем вписывается в традиционное представление о международных межправительственных организациях. В первую очередь, это объясняется отсутствием учредительного акта организации. Правовой основой деятельности ОБСЕ является Заключительный акт по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. и последующие принятые в его развитие документы, но Заключительный акт не является международным договором и не отвечает требованиям, предъявляемым к международным договорам Венской конвенцией 1969 г. «О праве международных договоров».

Отчасти можно согласиться с И. И. Лукашуком, который указывает на то, что ОБСЕ учреждена не правовым, а политическим соглашением и является сугубо политическим образованием, не обладающим международной правосубъектностью [3, с. 40]. Однако практика международных отношений определила несколько иной статус этой организации в сравнении тем, каким его представляет И. И. Лукашук, и сегодня Заключительный акт 1975 г. приобрел статус общепризнанного международного-правового акта, подтвердившего и развившего основные принципы международного права, закрепленные в Уставе Организации Объединенных наций (далее – ООН) и Декларации о принципах международного права 1970 г. Несмотря на то что ОБСЕ не отвечает формально-юридическим требованиям, предъявляемым к международной межправительственной организации, де-факто она таковой является, в том числе и в связи с тем, что в ней официально представлены государства. Кроме того, ОБСЕ соответствует признакам региональной организации по безопасности согласно гл. VIII Устава ООН.

Одним из направлений деятельности ОБСЕ является координация деятельности государств-участников по сотрудничеству в одном из направлений обеспечения безопасности – безопасности от криминальных угроз [1, с. 43]. Противодействие преступности в рамках ОБСЕ, конечно, имеет определенные особенности, в первую очередь обусловленные отсутствием какой-либо собственной конвенционной основы, однако это не умаляет роли организации в рассматриваемой сфере сотрудничества. Основные направления сотрудничества в противодействии

¹ © Галиев Р. С., 2020.

преступности, являющиеся объектом внимания ОБСЕ: противодействие терроризму, торговле людьми, незаконному обороту наркотиков и коррупции.

Как уже отмечалось, ОБСЕ не имеет собственной конвенционной основы противодействия преступности, руководствуясь в такой деятельности в первую очередь универсальными и региональными соглашениями в сфере противодействия терроризму, политико-правовыми документами самой организации и резолюциями Совета Безопасности ООН.

Среди первых можно выделить такие международные акты, как Глобальная контртеррористическая стратегия ООН, Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма. Следует отметить, что большинство государств – членов ОБСЕ являются участниками 19 антитеррористических конвенций и протоколов, заключенных под эгидой ООН. Конечно, каждый участник ОБСЕ связан обязательствами в сфере противодействия торговле людьми и другими нормами международного права универсального и регионального уровней. Но указанные ниже документы ОБСЕ не только не противоречат другим международно-правовым инструментам, но и дополняют их, органично вписываясь в конгломерат международно-правовых основ противодействия терроризму, позволяя создавать адекватные механизмы ответа на вызовы, брошенные терроризмом человечеству.

Вторая категория источников политико-правового регулирования деятельности ОБСЕ в противодействии терроризму представлена, в первую очередь, Заключительным актом ОБСЕ 1975 г., в котором участники Совещания выразили совместную решимость воздерживаться от прямой или косвенной помощи террористической деятельности [2, с. 99].

Также можно выделить такие документы, как Решение № 1 о борьбе с терроризмом, принятое в рамках Бухарестского совещания в 2001 г. и Бухарестский план действий 2001 г.; Хартия ОБСЕ о предупреждении терроризма и борьбе с ним 2002 г.; Сводная концепция ОБСЕ в отношении борьбы с терроризмом 2012 г.; Декларация о роли ОБСЕ в противодействии феномену иностранных боевиков-террористов 2014 г.; Декларация о роли Организации в борьбе с похищением людей и захватом заложников террористическими группами 2014 г.; Декларация о предупреждении насильственного экстремизма и радикализации, ведущих к терроризму, и противодействии им 2015 г.; Декларация о наращивании усилий ОБСЕ по борьбе с терроризмом в свете недавних террористических атак 2015 г. [4, с. 108–109].

Указанные документы по своей юридической природе являются инкорпорацией универсальных международно-правовых основ по противодействию терроризму в сферу трех измерений всеобщей и всесторонней безопасности ОБСЕ.

Примером третьей группы источников является Резолюция Совета Безопасности ООН S/RES/1624 (2005) «Угрозы международному миру и безопасности».

Основную координирующую функцию в противодействии терроризму в рамках ОБСЕ осуществляет Департамент по транснациональным угрозам, возглавляемый Координатором, работа которого направлена на обеспечение и укрепление согласованности и более эффективное использование ресурсов ОБСЕ в решении этих проблем.

ОБСЕ осуществляет координацию деятельности государств-участников по всем направлениям противодействия терроризму, среди которых особое внимание уделяется следующим: противодействие использованию интернета в террористических целях; вовлечение различных заинтересованных сторон в борьбу с терроризмом; повышение безопасности международной инфраструктуры; международные антитеррористические договоры; правовое сотрудничество в уголовных делах; безопасность проездных документов; насильственный экстремизм и радикализация, которые приводят к терроризму; безопасность границ и пограничный режим; полицейские функции; борьба с незаконным оборотом и пресечение финансирования терроризма.

Подводя итог, необходимо отметить, что решения ОБСЕ носят рекомендательный характер и, более того, имеют именно политический, а не юридический характер. Однако они основаны на принципе консенсуса, который дал толчок появлению ряда эффективных международных механизмов межгосударственного сотрудничества в сфере противодействия терроризму, базирующих свою деятельность на добровольности исполнения их решений государствами-участниками в том виде, в каком они считают это приемлемым для себя и совместимым с их суверенитетом, национальными интересами и обязательствами по международным договорам. Таким образом, ОБСЕ является дополнительным инструментом контроля за исполнением и реализацией международно-правовых основ противодействия терроризму.

Список литературы

1. Галиев Р. С. Деятельность международных организаций в противодействии преступности : учебное пособие. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2020.
2. Галиев. Р. С. Развитие международно-правового регулирования борьбы с терроризмом // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2018. № 34. С. 98–100.
3. Галиев Р. С., Козлова А. А. Универсальные международные межправительственные организации как институциональная основа сотрудничества государств в противодействии преступности // Алтайский юридический вестник. 2018. № 3 (23). С. 7–12.
4. Лукашук И. И. Международное право: Особенная часть : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2001.
5. Лыженков А. Л. Транснациональные угрозы в регионе ОБСЕ и как эффективно им противодействовать // Государственная служба. 2017. № 3. С. 106–113.
6. Симонова А. Е. Вопросы эффективности Организации Объединенных Наций в отношении современных угроз миру // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 16-2. С. 139–140.

*Гринберг С. А.¹,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
по кафедре криминологии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗОВАННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В условиях, когда преступность представляет собой угрозу национальной безопасности нашей страны, противодействие ей во всех ее проявлениях относится к приоритетным задачам государства. Наряду с негативными количественными изменениями криминогенной обстановки в стране наблюдается серьезная качественная трансформация преступности, выразившаяся в активном продуцировании ее организованных форм. При этом одной из основных характеристик современной преступности является ее интенсивная технологизация, обусловленная экспоненциальным развитием технологий и глобализацией, присущей практически всем сферам жизнедеятельности человека, а также высокий уровень ее профессионализации.

Современное состояние преступности обусловлено, в том числе, и развитием технологий социального контроля и противодействия преступности. Именно как реакция на технологизацию и все большую тотальность контроля за поведением людей со стороны государства и общества, расширение информационной базы и технических средств противодействия преступному поведению сегодня происходит консолидация деятельности криминалитета на основе профессионализма и направленности криминальных практик.

Определяя профессиональную преступность как вид преступности, соответственно, криминальный профессионализм как вид преступного поведения человека, следует исходить из общего понимания профессии как основного рода занятий, трудовой деятельности, выступающей источником существования. При этом конституирующими характеристиками профессионального преступного поведения выступают наличие у преступника соответствующей криминальной специализации (владения и использования преступником специфическими (узкопрофессиональными) знаниями, умениями, навыками и компетенциями по осуществлению определенных видов преступной деятельности) и криминальной квалификации (определенного уровня развития криминальных способностей и наличия практического опыта соответствующей преступной деятельности), необходимых для совершения тождественных или однотипных преступлений. Эффективность реализации в криминальной практике криминальной специализации определяет уровень квалификации профессионального преступника.

Профессиональная преступность, аккумулируя в себе криминальный опыт, традиционно выступает фактором криминальной эволюции [3]. В то же время и

¹ © Гринберг С. А., 2020.

сама профессиональная преступность подвержена эволюционным трансформациям, обусловленным как факторами развития человека, так и факторами развития социума, неотъемлемой частью которого он является. Внутренние факторы самодетеринации и развития профессиональной преступности определяют такой современный тренд преступного профессионализма, как повышение уровня его организованности, т. е. прогрессию организованных форм профессиональной преступной деятельности.

Организованные формы профессиональной преступности, являясь наиболее общественно опасными формами профессиональной преступности, представляют собой системную криминальную деятельность организованных групп, а также преступных сообществ (преступных организаций) лиц, обладающих криминальной специализацией и квалификацией. В силу такого вида взаимосвязи явлений и процессов, как связь состояний, все более ярко проявляет себя закономерность возрастания уровня организованности профессиональной преступности и в то же время – возрастания профессионализма организованной преступности [6].

Реализация в организованной форме профессиональной преступной деятельности позволяет совершать более сложные и масштабные преступления. Кроме того, возрастающий уровень организованности профессиональной преступности обуславливает усиление дифференциации криминальной специализации, соответствующей существующим на криминальном рынке спросу и предложению. В свою очередь, появление узкой специализации порождает новые виды криминальной деятельности и повышение квалификации преступников-профессионалов.

Традиционно сферой проявления криминального профессионализма является совершение таких преступлений, как карманные кражи, хищения из жилища или иных помещений, хищения автотранспорта, хищения антиквариата, мошенничества, грабежи, наемные убийства и др. Также криминальная специализация проявляется в таких сферах, как торговля оружием, наркотиками; изготовление и сбыт поддельных денег, ценных бумаг, иных платежных средств; совершение преступлений в сфере информационных технологий и пр. [2, с. 131–132; 9, с. 340–342]. Вместе с тем по мере развития профессиональной преступности проявляются следующие негативные тенденции: возрождение опасных криминальных профессий (похищение людей, торговля людьми и др.); появление новых опасных видов криминальной деятельности (использование потерпевших для трансплантации органов, незаконное усыновление и др.); повышение образовательного и интеллектуального уровней профессиональных преступников [4; 11]. Дифференциации криминальной специализации, появлению узкой специализации и повышению квалификации преступников-профессионалов способствует использование криминалитетом современных достижений технологического прогресса.

Одним из актуальных трендов преступного профессионализма является высокая техническая оснащенность профессиональной криминальной среды [1]. Технологическое развитие человечества не только обеспечивает прогресс и безопасность, но и наделяет криминал новыми, не существовавшими ранее

методами и инструментами, т. е. способствует появлению все новых высокотехнологичных способов совершения преступлений и появлению качественно новых видов преступной деятельности, при этом по мере технологического прогресса неуклонно возрастает разрушительная мощь малых групп и даже отдельных индивидов [8]. Возрастает и вариация рисков криминального использования современных технологий: от высокотехнологических способов хищения информации, использования информационных технологий в целях, например, убийства, до разработки и использования генетического или климатического оружия и т. д.

В целом, отличительной характеристикой современного состояния преступности является то, что все более активное появление новых высокотехнологичных способов совершения преступлений связано с основным трендом развития информационных технологий, биотехнологий, нанотехнологий, их конвергенцией и созданием новейших технологий. Особое опасение при этом вызывает использование в качестве способа совершения преступления информационно-когнитивных технологий, позволяющих конструировать познавательные способности (механизмы и параметры познания реальности) людей и существенно расширяющих арсенал способов вовлечения в преступную деятельность, распространения криминальной субкультуры, совершения различных видов мошенничества и иных преступлений в сфере экономики, в том числе в финансовой сфере и в сфере потребительского сектора экономики [7, с. 85]. Наряду с технической оснащенностью в качестве одного из основных современных трендов преступного профессионализма следует указать повышение интеллектуального и образовательного уровня профессиональных преступников, в том числе за счет криминализации легального профессионализма.

Как отмечает Е. В. Фарышев, «с появлением новых или трансформацией традиционных видов криминальных специализаций становятся востребованными знания, навыки и умения, которые ранее никогда не применялись при совершении преступлений и которые зачастую сами по себе не имеют криминального характера, а используются в законной профессиональной деятельности. Другими словами, легальный профессионализм преобразуется в криминальный» [11, с. 90]. Профессиональный криминалитет, в особенности преступные сообщества, все шире использует услуги специалистов в самых различных областях знаний: экономике, юриспруденции, технике, информатике и прочих, – в результате чего возможны масштабные рейдерские захваты недвижимости, предприятий, ценных бумаг, иных сегментов собственности [1; 5].

Рассмотренные внутренние и внешние факторы трансформации преступного профессионализма обусловили как появление качественно новых видов преступной деятельности (прежде всего связанных с использованием цифровых и информационно-когнитивных технологий), так и качественное видоизменение ранее существовавших видов преступной деятельности (похищение и торговля людьми в целях эксплуатации или трансплантации органов, мошенничества и пр.).

Сочетание современной технической оснащенности профессиональной преступной деятельности с вовлечением в нее высококлассных специалистов различных сфер знаний может порождать такой феномен, как криминальная

суперквалификация – система знаний, умений и навыков, позволяющая разработать и реализовать надежный, детальный и уникальный план преступления, что дает возможность преступникам-профессионалам такого уровня длительный период оставаться вне поля зрения правоохранительных органов и вынуждает законодателя вводить новый состав преступления в УК РФ [10]. Поэтому именно преступники-суперпрофессионалы нередко определяют вектор развития криминального профессионализма и новационные виды преступной деятельности.

Таким образом, эволюционные трансформации преступного профессионализма обусловлены как внутренними факторами самодетеринации и развития профессиональной преступности, так и внешними факторами развития социума, связанными прежде всего с научно-техническим развитием человечества. Основными современными трендами преступного профессионализма являются:

- повышение уровня его организованности, т. е. прогрессия организованных форм профессиональной преступной деятельности;
- высокая техническая и технологическая оснащенность;
- повышение интеллектуального и образовательного уровня профессиональных преступников, в том числе за счет криминализации легального профессионализма (вовлечения в профессиональную преступную деятельность специалистов различных сфер знаний);
- появление качественно новых (прежде всего связанных с использованием цифровых и информационно-когнитивных технологий) и качественное изменение ранее существовавших видов преступной деятельности;
- появление преступников-суперпрофессионалов, обладающих узкой (как правило, уникальной) специализацией и сверхвысокой квалификацией.

Список литературы

1. Воронин Ю. А. Криминальный профессионализм: современные тенденции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 18. № 1. С. 13–17.
2. Иванцов С. В. Обеспечение органами внутренних дел системного подхода в изучении предупреждении организованной преступности : монография. М. : Юнити-Дана, 2017.
3. Иванцов С. В. Криминальный профессионализм в системе российской организованной преступности и вопросы его предупреждения органами внутренних дел // Человек: преступление и наказание. 2008. № 3 (62). С. 181–186.
4. Иванцов С. В. Основные тенденции российской организованной преступности XXI в. // Вестник Московского университета МВД России. 2007. № 2. С. 83–86.
5. Иванцов С. В. Особенности предупреждения организованной преступности в местах лишения свободы // Обеспечение безопасности в учреждениях и органах УИС : сборник материалов Круглого стола. 2018. С. 149–155.
6. Иванцов С. В. Преступные сообщества (преступные организации): характеристика основных показателей // Черные дыры в Российском законодательстве. 2007. № 2. С. 226–228.

7. Игнатов А. Н. Информационно-когнитивные технологии в арсенале способов совершения преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11. С. 82–89

8. Овчинский В., Ларина Е. Преступность, терроризм и новые технологии ближайшего будущего // Наш современник. 2017. № 10. С. 140–156.

9. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел : учебник для студентов, обучающихся по направлениям подготовки «Юриспруденция» и «Правоохранительная деятельность» / под ред. В. Я. Кикотя, С. Я. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2017.

10. Тулегенов В. В. Степень регулярности преступной деятельности и классификация криминального профессионализма // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 4 (31). С. 73–79.

11. Фарышев Е. В. Современное понятие и содержание профессиональной преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3 (33). С. 90–93.

*Дубинина Е. Н.¹,
доцент кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И СОВЕТА ЕВРОПЫ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Коррупция стала международным феноменом по своему масштабу, содержанию и последствиям. Формы коррупции воспроизводятся и передаются из одной страны в другую. Правительства, международные агентства, неправительственные организации, организации по оказанию помощи и транснациональные корпорации, естественно, обеспокоены глобальными масштабами явления. Именно поэтому в последние годы наблюдается рост международных усилий по решению проблемы коррупции.

Международное сообщество, действуя через международные и межправительственные организации, активизировало усилия по борьбе с коррупцией в 1990-е гг. из-за ее подрывного воздействия на верховенство права, демократические институты, социальную сплоченность и экономическое развитие, а также из-за растущей угрозы стабильности и безопасности стран.

Для Совета Европы как одной из самых авторитетных международных организаций коррупция была и остается серьезной угрозой функционированию демократических институтов государства, подрывает основы нормального функционирования общества. Это также в конечном счете является оскорблением прав человека, которые лежат в самом сердце ценностей Совета Европы. Поэтому принятие мер, направленных на борьбу с коррупционными деяниями, является одной из первостепенных задач функционирования Совета Европы.

Совет Европы обладает целым арсеналом правовых инструментов борьбы с коррупцией, среди которых основными можно назвать:

- Конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (1999 г.) [3];
- Конвенцию Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (1999 г.) [2].
- Дополнительный протокол к Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (2003 г.).

Кроме того, с точки зрения борьбы с коррупцией уместен ряд других договоров, включая, например, Страсбургскую конвенцию 1990 г. «Об отмывании, розыске, аресте и конфискации доходов от преступной деятельности» [5] (пересмотренную и распространенную на борьбу с финансированием терроризма в 2005 г.) и Конвенцию 2009 г. «О доступе к официальным документам». Эти

¹ © Дубинина Е. Н., 2020.

конвенции часто допускают присоединение к ним государств, не являющихся членами Евросоюза, – как европейских, так и неевропейских.

Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию подкрепляется Пояснительным докладом [4]. В 2005 г. вступил в силу дополнительный протокол к Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию [1], который распространил сферу действия Конвенции на третейских судей по арбитражным, гражданским и иным делам, а также на присяжных заседателей, тем самым дополнив положения Конвенции Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию», цель которых была направлена на защиту судебных органов от коррупции.

В 2003 г. вступила в силу Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, которая дополнила усилия Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, создав правовую основу для того, чтобы жертвы коррупции могли инициировать иски о возмещении ущерба. Это был исторический шаг в развитии всеобъемлющего правового режима борьбы с коррупцией и ее последствиями. До сих пор основное внимание по-прежнему уделялось превентивным и правоохранительным (т. е. уголовным) мерам. Статья 4 Конвенции содержит более узкое определение коррупции. Это объективно требует от стран-членов предусмотреть возможность гражданского судопроизводства. Магистральной целью Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию является обеспечение во внутреннем праве каждого государства-участника эффективных средств правовой защиты для лиц, понесших ущерб в результате коррупции, позволяющих им защищать свои права и интересы, включая возможность получения компенсации за ущерб. Данная Конвенция также имеет дело с определением коррупции, ответственностью, неосторожностью пострадавшего, способствовавшей причинению или усугублению ущерба, сроками исковой давности, юридической силой сделок, защитой работников, отчетностью.

Существует эффективный механизм мониторинга соблюдения вышеуказанных Конвенций (в том числе Конвенции ООН против коррупции), который реализуется путем функционирования Группы государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО), и он достигает этого с помощью докладов об оценке.

Другие органы – департаменты Совета Европы отвечают за осуществление учебных программ по наращиванию потенциала и других мероприятий в области технического сотрудничества.

ГРЕКО была учреждена в 1999 г. Советом Европы. Членство в ГРЕКО не является закрытым и не ограничивается исключительно государствами – членами Совета Европы. В настоящее время в состав ГРЕКО входят 49 стран (47 государств – членов Совета Европы, Республика Беларусь и Соединенные Штаты Америки).

Функционирование этой организации направлено на повышение квалификации своих экспертов в области борьбы с коррупцией путем контроля за соблюдением ими стандартов Совета Европы. Благодаря динамичному и целенаправленному процессу взаимной оценки и стимулированию со стороны коллег ГРЕКО помогает выявлять недостатки в Национальной антикоррупционной политике, побуждая к необходимым законодательным, институциональным и практическим

реформам. Она также обеспечивает платформу для обмена передовым опытом в области предупреждения и выявления коррупции.

Мониторинг ГРЕКО [6] состоит из нескольких компонентов, а именно: процедуры оценки, которая основана на посещениях на местах и сопровождается оценкой воздействия (процедура соблюдения), изучающей меры, принятые для осуществления рекомендаций, вытекающих из страновых оценок. Применяется динамичный процесс взаимной оценки и давления со стороны коллег, объединяющий опыт практиков, выступающих в качестве оценщиков, и представителей государств, заседающих на пленарных заседаниях. Работа, проведенная ГРЕКО, привела к принятию значительного числа докладов, содержащих богатую фактическую информацию о европейской антикоррупционной политике и практике. В этих докладах выявляются достижения и недостатки в национальном законодательстве, нормативных актах, политике и институциональной структуре, а также содержатся рекомендации, направленные на укрепление потенциала государств в области противодействия коррупции.

ГРЕКО работает циклично, т. е. существуют тематические оценочные раунды.

Первый раунд оценки со стороны ГРЕКО проходил в 2000–2002 гг. На нем поднимались и рассматривались вопросы независимости, специализации и средств национальных органов, занимающихся борьбой с коррупцией, а также степени и сферы действия иммунитетов государственных должностных лиц от ареста и судебного преследования.

Второй раунд состоялся в 2003–2006 гг. и был направлен на конфискацию доходов от коррупции, предупреждение и выявление коррупции в государственном управлении и предотвращение использования юридических лиц в качестве щитов для коррупции.

В ходе третьего раунда, проходившего в 2007–2011 гг., рассматривались санкции, предусмотренные в Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию и прозрачность финансирования политических партий.

Четвертый раунд инициирован в январе 2012 г. и был посвящен предупреждению коррупции в отношении членов парламента, судей и прокуроров.

Российская Федерация вступила в ГРЕКО 1 февраля 2007 г. 2008 г. был значим для Российской Федерации еще и принятием Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». В настоящее время он действует в редакции Федерального закона от 24 апреля 2020 г. № 143-ФЗ.

В 2008 г. Россия в ускоренном режиме прошла процедуру оценки по I и II раундам, в том же году был опубликован оценочный отчет ГРЕКО по России относительно I и II раундов оценки [7]. России потребовалось 4 года на принятие соответствующих мер по соблюдению критериев оценки, и в 2012 г. был опубликован отчет по I и II раундам оценки.

Оценочный доклад по III раунду для России был выпущен в 2012 г. Эксперты ГРЕКО сформулировали 9 рекомендаций по теме криминализации и 12 рекомендаций по теме прозрачности финансирования партий. Доклад о выполнении был выпущен на 64-м пленарном заседании ГРЕКО в июне 2014 г. в Страсбурге. Было констатировано, что из 21 рекомендации: 3 – признаны полностью выполненными, 12 – частично выполненными, 6 – невыполненными. На их выполнение

потребовалось время. Второй доклад о выполнении – в 2016 г. В 2018 г. на 73-м пленарном заседании ГРЕКО вышло дополнение ко второму докладу о выполнении, на котором было констатируется, что невыполненных рекомендаций не осталось.

IV раунд «Предупреждение коррупции в отношении членов парламента, судей и прокуроров» был инициирован ГРЕКО в 2012 г. Россию этот раунд коснулся лишь в 2016 г. В октябре 2017 г. на 77-м пленарном заседании ГРЕКО в Страсбурге Россия опубликовала свой доклад.

В настоящее время в Российской Федерации ситуация по выполнению рекомендаций ГРЕКО обстоит следующим образом: 3 сентября 2019 г. ГРЕКО опубликовала IV оценочный доклад о мерах по выполнению оставшихся рекомендаций о прозрачности финансирования политических партий и о криминализации преступных деяний, принятых российскими властями с момента опубликования предыдущего доклада в 2018 г.

Несмотря на существующие негативные моменты, Россия остается активным членом Совета Европы и следит за правилами и процедурами, установленными в рамках мониторинга ГРЕКО. Однако в группе часто принимаются аргументы российских властей без каких-либо дополнительных консультаций и обсуждений с гражданским обществом. Очевидно, что такой подход в дальнейшем может обесценить главную цель ГРЕКО – наращивание возможностей стран-участниц в борьбе с коррупцией.

Список литературы

1. Дополнительный протокол к Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию ETS № 191 (Страсбург, 15.05.2003) // Совет Европы. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/html/191.htm>.
2. Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (ETS № 174) «Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов» (Страсбург, 04.11.1999) // АО «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/90185891>.
3. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27.01.1999) / Совет Европы. URL: <https://www.coe.int/fr/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007f58c>.
4. Подробная информация о Договоре № 173: Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию // Совет Европы. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Reports/Html/173.htm>.
5. Страсбургская конвенция Совета Европы от 8 ноября 1990 г. «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» // Альянс Медиа. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_39137.html.
6. Group of States against Corruption // Совет Европы. URL: www.coe.int/t/dghl/monitoring/greco.
7. Joint First and Second Evaluation Rounds: Evaluation Report on the Russian Federation // Совет Европы. URL: <https://rm.coe.int/16806c7d06>.

Жеребченко А. В.¹,
*доцент кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ И ДРАГОЦЕННЫХ КАМНЕЙ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЮ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

В рамках борьбы с тем или иным видом преступлений особое значение всегда имеет исследование не только отечественного, но и зарубежного уголовного законодательства, касающегося конкретной сферы общественной жизни. Особенно это касается анализа уголовно-правовых норм об ответственности за преступления транснационального характера. В этом смысле представляет немалый интерес юридическое противодействие незаконному обороту драгоценных металлов и драгоценных камней по нормам зарубежных стран, а также сопоставление с положениями уголовного законодательства Российской Федерации.

Посагательства на установленный порядок оборота таких полезных ископаемых являются уголовно наказуемыми далеко не во всех развитых странах мира. В государствах англо-саксонской правовой системы (Великобритании, США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии и бывших колониях Британской империи) почти полностью отсутствуют специальные уголовно-правовые нормы в сфере защиты от незаконной деятельности, связанной с обращением драгоценных металлов и драгоценных камней. В национальном законодательстве стран, объединенных в романо-германскую правовую семью (государствах континентальной Европы, Латинской Америки, большинстве стран Африки и отдельных государствах Азии), также не уделяется должного внимания организованной борьбе с данным негативным социальным явлением. Страны социалистической (Куба, КНДР) и религиозной (ОАЭ, Катар, Иран, Иордания и др.) правовых семей в этом вопросе занимают аналогичную позицию.

Таким образом, уголовно-правовые запреты в области незаконного оборота драгоценностей присущи в большей степени законодательству некоторых государств, ранее входивших в состав СССР, в связи с чем стоит более подробно остановиться на их рассмотрении.

Уголовный кодекс Республики Беларусь [1] в ч. 1 ст. 223 гл. 25 «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности» устанавливает ответственность за совершение в нарушение установленных правил сделки с драгоценными металлами и (или) драгоценными камнями в крупном размере (сумме, в тысячу и более раз превышающей размер базовой величины, установленной на день совершения преступления). Квалифицированный состав этого преступления запрещает совершение таких действий повторно, либо организованной группой, либо в особо крупном размере (превышение в две тысячи и

¹ © Жеребченко А. В., 2020.

более раз). Санкция нормы, включенной в ч. 1 указанной статьи, предусматривает наиболее строгое наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, а по второй части – от трех до восьми лет.

В Уголовном законодательстве Республики Таджикистан [2] анализируемые нами общественные отношения урегулированы гл. 27 «Преступления в сфере экономической деятельности», а именно ст. 284, диспозиция которой фактически аналогична диспозиции ч. 4 ст. 191 УК РФ. Крупный размер (стоимость драгоценных металлов, природных драгоценных камней либо жемчуга свыше одной тысячи показателей для расчетов) совершенной незаконной сделки, незаконных хранения, перевозки или пересылки не является составообразующим признаком преступления, а образует квалифицированный состав наряду с такими признаками, как совершение деяния повторно, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Еще одно отличие заключается в том, что существенные преобразования уголовного законодательства России, касающиеся оборота полезных ископаемых, повлекли некоторые корректировки при формулировании некоторых терминов, касающихся предмета преступления, в частности слово «природные» по отношению к драгоценным металлам в целях устранения расхождений с отраслевым законодательством было исключено из названия и диспозиции ст. 191 УК РФ. В УК Республики Таджикистан словосочетание «природные драгоценные камни» осталось неизменным. Наряду с вышеуказанным следует отметить, что ст. 285 УК Таджикистана полностью идентична ст. 192 УК РФ и предусматривает ответственность за нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней.

В уголовном законе Туркменистана [3] ответственность за совершение интересующих нас общественно опасных деяний размещена законодателем в гл. 27 «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности», а их особенность заключается в следующем: статья 255, посвященная незаконному обороту драгоценностей, сформулирована так же, как ст. 284 в УК Республики Таджикистан. Расхождения усматриваются лишь в части одного из составляющих диспозицию альтернативных действий: хранение драгоценных металлов, природных драгоценных камней либо жемчуга по уголовному законодательству Туркменистана не наказуемо. Крупный размер для целей данной статьи установлен в виде стоимости полезных ископаемых свыше ста среднемесячных МРОТ. Статья 256 рассматриваемого закона без всяких исключений аналогична ст. 285 УК Республики Таджикистан и, соответственно, УК РФ.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет анализ рассматриваемых преступлений по уголовному законодательству Республики Узбекистан [4]. В разделе VIII уголовного закона этого государства, посвященном правовому значению терминов, указано на относимость драгоценных металлов и драгоценных камней к числу валютных ценностей, причем определения данных понятий совпадают по смыслу с их уголовно-правовым пониманием в нашей стране. Стоит также отметить, что действующее законодательство России драгоценные металлы и драгоценные камни к валютным ценностям уже не относит, в то время как в Республике Узбекистан такая тенденция сохранилась до сих пор. Таким образом, ст. 177 УК этого государства предусматривает ответственность за незаконные приобретение или сбыт валютных ценностей. В ч. 1 рассматриваемой

статьи закреплён уголовно-правовой запрет на совершение таких действий после применения административного взыскания за аналогичное деяние, в ч. 2 запрещается совершение такого преступления в значительном размере, а в ч. 3 – повторно или опасным рецидивистом, либо в крупном размере, либо по предварительному сговору группой лиц; ч. 4 статьи устанавливает ответственность за незаконные приобретение или сбыт валютных ценностей в особо крупном размере либо организованной группой или в ее интересах.

Отдельного внимания заслуживает то обстоятельство, что по сравнению с уголовным законодательством других стран в ст. 177 УК Республики Узбекистан предусмотрен специальный вид освобождения лица от уголовной ответственности. Он охватывает случаи добровольного заявления гражданина о готовящемся или совершаемом преступлении и активном способствовании его раскрытию. Кроме того, нормы, касающиеся оборота полезных ископаемых, содержатся и в других статьях уголовного законодательства Республики Узбекистан. В частности, ст. 185 посвящена нарушению правил сдачи государству драгоценных металлов или камней, а ст. 185.1 регламентирует ответственность за нарушение правил заготовки, приобретения, использования и сбыта цветных металлов, их лома и отходов. Все вышеуказанные общественно опасные деяния в УК Республики Узбекистан предусмотрены гл. XII «Преступления против основ экономики».

В Уголовном кодексе Украины [5] в разделе VII «Преступления в сфере хозяйственной деятельности» Особенной части закреплена ст. 213, предусматривающая ответственность за нарушение порядка операций с ломом цветных и черных металлов. В то же время ст. 214 «Нарушение правил сдачи драгоценных металлов и драгоценных камней» и ст. 217 «Незаконное изготовление, сбыт или использование государственного пробирного клейма» были декриминализированы в 2011 г.

При анализе зарубежного опыта в части установления уголовной ответственности за незаконный оборот драгоценных металлов, драгоценных камней или жемчуга нельзя не упомянуть Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ [6] – рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств.

Так, в ст. 276 Кодекса предусмотрена уголовная ответственность за совершение незаконной сделки с валютными ценностями в виде драгоценных металлов или природных драгоценных камней либо жемчуга в значительном размере, а в ст. 277 – за нарушение правил сдачи государству данных полезных ископаемых. Примечательно, что название и диспозиция ст. 277 Модельного Уголовного кодекса полностью идентичны содержащимся в действующей редакции ст. 192 УК РФ, в то время как ст. 191 УК РФ имеет определенные отличия по отношению к ст. 276 указанного рекомендательного акта, прежде всего связанные с расширенным перечнем запрещенных диспозицией действий, не ограничивающимся запретом на совершение только лишь незаконной сделки.

Кроме того, с изменением законодательства о валютном регулировании и валютном контроле [7] к числу валютных ценностей в Российской Федерации стали относиться исключительно иностранная валюта и внешние ценные бумаги, в связи с чем драгоценные металлы и драгоценные камни перестали входить в

предмет регулирования данного закона, что также обуславливает расхождения между анализируемыми нормами.

Сопоставив положения Модельного Уголовного кодекса, касающиеся оборота драгоценных металлов и драгоценных камней, с соответствующими нормами в уголовном законодательстве отдельных государств, ранее входивших в состав СССР, можно сделать следующие выводы.

В большей степени сходства проявляются в нормах, посвященных нарушению правил сдачи государству данных полезных ископаемых: статьи уголовных законов Республики Таджикистан, Республики Узбекистан, Туркменистана и Российской Федерации являются наиболее близкими по содержанию к ст. 277 указанного рекомендательного акта. В то же время ст. 276 Кодекса также не осталась без внимания и заложила определенные предпосылки для криминализации деяний, связанных с незаконным оборотом драгоценностей.

Таким образом, выйдя из единого правового пространства – СССР, государства – участники СНГ переняли многие советские нормотворческие традиции в области уголовно-правового регулирования, что подтверждается большим количеством сходств при конструировании норм, касающихся оборота драгоценных металлов и драгоценных камней. Рассмотренные положения Модельного Уголовного кодекса, по мнению законодателей, были сформулированы достаточно удачно и потому послужили некой основой при криминализации ст.ст. 191 и 192 УК РФ.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.11.2019) // Параграф: информационные системы. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414984.
2. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.01.2020) // ИС «Континент». URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325.
3. Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-I (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.11.2019) // Параграф: информационные системы. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286.
4. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.12.2019) // Параграф: информационные системы. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30421110.
5. Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 г. № 2341-III (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.12.2019) // Параграф: информационные системы. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30418109.
6. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17.02.1996) // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 1997. № 10.
7. Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4859.

Иванцов С. В.¹,
*профессор кафедры криминологии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор*

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Современная преступность и ее различные формы являются серьезной проблемой для предупредительной и правоприменительной деятельности. Для разрешения вопросов эффективного противодействия преступности необходимо учитывать как современные реалии в развитии преступности в целом, так и правовые возможности воздействия на нее. Очевидно, что предупреждение преступлений террористической направленности должно представлять собой единую систему правовых, организационных, технических и иных мер, планируемых, реализуемых и контролируемых на международном и национальном уровнях при согласованном задействовании всех государственных и муниципальных органов власти, учреждений и иных институтов. Ключевым элементом международной стратегии предупреждения терроризма, от которого в первую очередь зависит эффективность ее практической реализации, должно быть именно сотрудничество государств – членов ООН, причем не только и даже не столько по уголовным делам, сколько при формировании комплекса мер, направленных на устранение детерминирующих факторов, в первую очередь тех, что обуславливают транснационализацию террористической деятельности [6].

Этот процесс значительно осложняется продолжающейся консолидацией и саморазвитием организованных форм преступности, что способствуют распространению пропаганды идей терроризма и взглядов, которые определяют современный терроризм как серьезную проблему для всего мирового сообщества. Это обусловлено возрастающей террористической активностью в мире, увеличением количества преступлений, совершаемых на почве национальной, религиозной, политической и иной ненависти и вражды. Такжестораживают неблагоприятные тенденции расширения географии и масштабов терроризма, факты организованного вовлечения в террористическую деятельность все большего числа людей [1].

Не случайно в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации говорится о необходимости повышения эффективности мер противодействия терроризму, в том числе распространению присущей ему идеологии с использованием возможностей современных информационных и коммуникационных технологий [12]. В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [13] (пп. 12 и 13) подчеркивается, что информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть «Интернет», стали основным средством коммуникации для экстремистских и террористических организаций,

¹ © Иванцов С. В., 2020.

используемым ими для вовлечения в эти формирования новых членов, координации их криминальной деятельности и распространения идеологии терроризма и т. д. [7]. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным особо подчеркнута необходимость превентивных мер в области противодействия терроризму, Конституционный Суд Российской Федерации в своих определениях указывает, что УК РФ призван обеспечивать реализацию положений конституционного и международного права. Все это говорит о том, что положения отдельных международно-правовых актов имеют существенное значение для характеристики уголовно-правовых особенностей преступлений террористической направленности, совершаемых различными способами.

Так, в п. 2 Декларации Организации Объединенных Наций о мерах по ликвидации международного терроризма [3] указано, что акты, методы и практика терроризма грубое пренебрегают целями и принципами ООН и могут посягать на международный мир и безопасность, угрожать дружественным отношениям между странами, создавать препятствия для международного сотрудничества, подрывать права человека, основные свободы и демократические основы общества. В п. 4 и подп. «е» п. 5 Декларации указаны такие обязанности государств-членов, как воздерживаться от того, чтобы попустительствовать или поощрять деятельность, направленную на совершение терактов, предпринимать все необходимые шаги к реализации на практике международных конвенций о борьбе с терроризмом, в том числе привести национальное законодательство в соответствие с ними. В ст. 3 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [14] также обязывает участвующие в ней государства принимать меры, включая национальное законодательство, для того чтобы терроризм, сепаратизм и экстремизм ни при каких обстоятельствах не подлежали оправданию на основе исключительно политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного либо иного аналогичного характера и были наказуемы с учетом степени их тяжести.

В ст. 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма, закреплено, что стороны принимают необходимые меры для признания публичного подстрекательства к совершению террористического преступления [8]. В Конвенции под публичным подстрекательством к совершению террористического преступления понимаются действия по распространению либо иному представлению какого-либо обращения к общественности, направленного на побуждение к осуществлению данного преступления, если такое поведение, вне независимо от того, пропагандирует оно непосредственно террористические преступления, создает опасность совершения одного или нескольких из них. В ст. 6 Конвенции приводится определение понятия вербовки террористов, раскрываемое через действия по привлечению кого-либо к осуществлению или участию в осуществлении террористического преступления либо к присоединению к какому-либо объединению (группе) для содействия совершению этим объединением (группой) одного или более террористических преступлений.

В российском уголовном законе данное международно-правовое положение было воспринято посредством введения в Особенную часть УК РФ ст. 205.2 об ответственности за публичные призывы к осуществлению террористической

деятельности или публичное оправдание терроризма. В этой норме криминализовано такое обращение к широкому, неограниченному кругу лиц, которое хотя и не склоняет их к совершению конкретного преступления террористической направленности, однако определенным образом воздействует на их мотивационную сферу, создавая тем самым опасность совершения одного или нескольких уголовно наказуемых деяний данной направленности. Если же говорить о склонении к конкретным преступлениям, которое осуществляется в отношении определенных лиц и не обязательно публично, то соответствующее поведение изначально запрещено УК РФ, поскольку оно представляет собой такой вид соучастия в преступлении, как подстрекательство к его совершению [2; 5].

По УК РФ вербовка или иное вовлечение других лиц в совершение преступлений террористической направленности может содержать состав содействия террористической деятельности (чч. 1.11 или 2 ст. 205.1 УК РФ), а вовлечение в совершение акта международного терроризма – состав преступления, предусмотренный ст. 361 УК РФ. При этом термин «вербовка», рекомендованный Европейской конвенцией, в составах преступлений, предусмотренных чч. 1 и 2 ст. 205.1 УК РФ, приобрел отличающуюся смысловую нагрузку, поскольку обозначается в них как разновидность деяния, охватываемого термином «вовлечение», также содержащимся в данной уголовно-правовой норме.

В Дополнительном протоколе к данной Конвенции [4] регламентированы положения, касающиеся введения в национальное законодательство государств-участников этого Протокола уголовно-правовых запретов, касающихся участия в объединении или группе в целях совершения либо содействия совершению одного или нескольких террористических преступлений таким объединением или группой (ст. 2); подготовки террористов, понимаемой как инструктирование, в том числе получение знаний либо практических навыков от другого лица относительно вопросов изготовления или использования взрывчатых веществ, огнестрельного или иного оружия, ядовитых или вредных веществ либо относительно вопросов использования других определенных методов или приемов с целью совершения, или содействия совершению террористического преступления (ст. 3); поездки в другое государство в целях совершения террористического преступления (ст. 4); финансирование указанной выше поездки (ст. 5) и организацию таких поездок или иное содействие таковым (ст. 6).

Положения, содержащиеся в статьях 2 и 3 Дополнительного протокола к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма, в которых указывается необходимость криминализации участия в объединении или группе в целях терроризма, а также прохождения террористической подготовки, учтены в ст.ст. 205.3, 205.4 и 205.5 УК РФ об ответственности за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности, организацию террористического сообщества и участие в нем, организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности террористической организации. Финансирование поездок в другое государство в целях совершения террористических преступлений, их организация или иное содействие им могут содержать признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 205.1 УК РФ об ответственности за содействие террористической деятельности.

Вопросы системного международно-правового противодействия регламентированы и в других международно-правовых актах: в Международной конвенции о борьбе с захватом заложников [10], Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом [9], Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма [11] и др.

Все вышеотмеченное говорит о том, что законодательство о противодействии терроризму, в том числе отечественное уголовное законодательство, сегодня весьма динамично, о чем свидетельствуют изменения, внесенные в правовую основу противодействия террористической деятельности. При этом такие изменения, как правило, учитывают или основываются на нормативных правовых актах международного уровня, принимаемых в ООН и на уровне Евросоюза, а международно-правовая характеристика террористической деятельности выступает одним из главных критериев (оснований) криминализации различных ее видов.

Список литературы

1. Бадамшин С. К. Преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 3–4.
2. Борисов С. В., Иванцов С. В. Организованные формы экстремистской и террористической деятельности: регламентация и реализация ответственности // Общество и право. 2016. № 2. С. 91–97.
3. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма (принята 09.12.1994 резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи ООН) // Действующее международное право. Т. 3. М. : Московский независимый институт международного права, 1997. С. 90–94.
4. Дополнительный Протокол к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма (CETS № 217) (Рига, 22 октября 2015 г.) // Совет Европы. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/217>.
5. Иванцов С. В. К вопросу о противоречиях законодательной регламентации уголовной ответственности за организованную, террористическую и экстремистскую деятельность // Закон и право. 2016. № 4. С. 21–25.
6. Иванцов С. В., Бадамшин С. К. Преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика : монография. М. : Юнити-Дана, 2019.
7. Иванцов С. В., Узембаева Г. И. Противодействие преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовые и криминологические аспекты : монография. М. : Юрлитинформ, 2018.
8. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (CETS № 196) (Варшава, 16 мая 2005 г.) // Бюллетень международных договоров. 2009. № 9. С. 30–57.

9. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (Нью-Йорк, 15 декабря 1997 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 35. Ст. 3513.

10. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (Нью-Йорк, 17 декабря 1979 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIII. М., 1989. С. 99–105.

11. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (Нью-Йорк, 9 декабря 1999 г.) // Организация Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml.

12. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

13. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом Российской Федерации 28.11.2014 Пр-2753) // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/State/document130>.

14. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 41. Ст. 3947.

Коннов В. А.¹,
*начальник кафедры прав человека
и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

СООТНОШЕНИЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ СУДЕБНЫХ И ВНЕСУДЕБНЫХ ОРГАНОВ ПО ВОПРОСАМ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ЭКСТРАДИЦИИ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Экстрадиция в настоящее время выступает одной из наиболее эффективных форм международного сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью. Оказание одним государством содействия другому государству в привлечении к уголовной ответственности лиц, находящихся вне национальной юрисдикции запрашивающей стороны, путем их передачи является одним из основных способов обеспечения неотвратимости наказания. За продолжительное время существования института экстрадиции накоплен большой опыт проведения данных мероприятий, отработаны методики и алгоритмы действий, нашедшие закрепление как в нормах международного права, так и в национальной нормативной базе. Вместе с тем развитие международно-правового регулирования в области защиты прав человека способствовало формированию наиболее общих представлений о гарантиях лицам, находящимся в условиях уголовного преследования, в том числе тех, кому грозит экстрадиция. Ряд универсальных и региональных договоров закрепляет в настоящее время отдельные аспекты прав экстрадируемых лиц в контексте общих гарантий для подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений². При этом особое значение для защиты прав данной категории людей приобретает толкование международно-правовых норм международными судебными и внесудебными органами в случае рассмотрения жалоб экстрадируемых лиц или их родственников. Формулируемые в данном случае правовые позиции расширяют сферу действия таких норм и создают дополнительные, более специализированные гарантии.

В рамках настоящей статьи мы остановимся на тех правовых позициях в отношении прав экстрадируемых лиц, которые, будучи сформулированными такими международными органами, как Европейский Суд по правам человека (далее – Суд или ЕСПЧ) и Комитет ООН против пыток, имеют сходную трактовку и отражают унифицированный взгляд на нарушения прав таких лиц, а равно на случаи непризнания фактов нарушений.

¹ © Коннов В. А., 2020.

² Например: Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.; Конвенция ООН о статусе беженцев 1951 г.; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

Наиболее часто вопрос о нарушении прав человека в контексте экстрадиции возникает по поводу принятия национальными властями решения о выдаче в страну, где лицо может подвергнуться жесткому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Запрет на такое обращение закреплен в настоящее время в международных договорах универсального и регионального уровня и подразумевает абсолютный характер. Это означает, что никакие обстоятельства, в том числе чрезвычайные, не могут быть основаниями для отступления от обязательств неприменения пыток и жестокого обращения. С жалобами на нарушения государствами своих обязательств в данной сфере граждане регулярно обращаются в такие международные институты, как ЕСПЧ, Комитет ООН по правам человека, а также в Комитет ООН против пыток, которые выступают в качестве контрольных механизмов обеспечения выполнения соответствующих договоров. Их практика по вопросу о выдаче подозреваемых и обвиняемых в страну, где к ним может быть применено жестокое обращение, основана в настоящее время на оценке двух аспектов. Их анализ дает основание международным судебным и внесудебным органам оценивать действия (или намерения) властей по экстрадиции как нарушающие или не нарушающие международные нормы по защите прав человека.

Первый оцениваемый аспект – это общая ситуация с соблюдением прав человека в стране, власти которой запрашивают экстрадицию. Важным фактором формирования правовых позиций по данному аспекту являются источники информации, которые используют международные органы для оценки ситуации. Европейский Суд более всех других продвинулся в данном вопросе. В различных постановлениях по жалобам против Российской Федерации в качестве источников информации о ситуации с соблюдением прав человека фигурировали отчеты международных межправительственных организаций по защите прав человека¹, а также международных неправительственных правозащитных организаций (например, *International Amnesty*)².

Весьма важным обстоятельством в формировании правовых позиций ЕСПЧ по вопросам экстрадиции является то, что сведения, полученные из указанных выше информационных источников, сами по себе становятся только основанием для толкования международно-правовых норм. Суд неоднократно указывает, что ссылки на общие проблемы соблюдения прав человека в стране не могут выступать однозначным основанием отказа от выдачи запрашиваемого лица (дело Мусаева³). Более того, позиция ЕСПЧ связывает оценку таких проблем с конкретными личными обстоятельствами в деле заявителя. Также Суд отвергает в

¹ Пункт 60 постановления от 1 марта 2016 г. по делу «Холмуродов против Российской Федерации» (жалоба № 58923/14) // Европейский Суд по правам человека. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-161405>.

² Пункт 113 постановления от 19 июня 2008 г. по делу «Рябкин против Российской Федерации» (жалоба № 8320/04) // Европейский Суд по правам человека. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-87132>.

³ Пункт 39 решения 27 от 23 сентября 2014 г. по делу «Ибрагим Хасан Оглы Мусаев против Российской Федерации» (жалоба № 55091/13) // Европейский Суд по правам человека. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-147503>.

качестве аргумента наличия нарушения прав человека экстрадицию в страну, где присутствует сложная общественно-политическая ситуация, введено чрезвычайное положение и т. д.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, как на формирование правовых позиций ЕСПЧ в вопросах выдачи влияет факт наличия юридических гарантий неприменения пыток или жестокого обращения в запрашивающем государстве, а равно факт ратификации этим государством международных актов в области прав человека. Суд в данном случае оставляет за собой право не учитывать такие факты, поскольку, по его мнению, существование национального законодательства и ратификация международных договоров не всегда могут рассматриваться как достаточные гарантии от пыток или жестокого обращения¹.

В Замечаниях общего порядка Комитета ООН против пыток аспект, связанный с источниками информации о возможном применении к выдаваемому лицу пыток и жестокого обращения, раскрывается не так широко, как в постановлениях ЕСПЧ, однако имеет входную коннотацию. В частности, в ряде своих решений Комитет указывает, что следует обращать внимание на то, каким именно образом ситуацию с соблюдением прав человека оценивают в своих докладах эксперты органов ООН и независимые эксперты. При вынесении решений о допустимости экстрадиции компетентные органы запрашиваемого государства должны принимать во внимание такие доклады и оценивать риски для гражданина².

Таким образом, следует констатировать, что в аспекте источника информации о возможности жестокого обращения с экстрадируемым лицом международные судебные и внесудебные органы для формирования своих позиций используют в качестве основы материалы докладов международных межправительственных и неправительственных организаций. При этом они не рассматриваются как единственные источники для формирования позиции. Используется принцип индивидуализации, когда в качестве дополнительных аргументов учитываются обстоятельства конкретного дела. При этом международные судебные и внесудебные органы по защите прав человека отвергают ссылки на общие и неконкретизированные сведения о неблагоприятном состоянии общественно-политической ситуации в стране как основание признания нарушений в отношении экстрадируемого лица.

Вторым аспектом, анализ которого дает основание международным судебным и внесудебным органам оценивать действия (или намерения) властей в части экстрадиции как нарушение международных норм по защите прав человека, является установление наличия личной угрозы лицу в запрашиваемом государстве.

¹ Пункт 132 постановления от 28 мая 2014 г. по делу «Акрам Каримов против Российской Федерации» (жалоба № 62892/12) // Европейский Суд по правам человека. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-144149>.

² Пункт 3 Замечания общего порядка № 1 «Осуществление статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22 (возвращение и сообщения)»: принято Комитетом против пыток на его 16-й сессии в 1996 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации <http://www.cdep.ru/mps/4/ch5/GC1.pdf>.

Основным принципом формирования правовой позиции ЕСПЧ по данному вопросу стало возложение бремени доказательства наличия личной угрозы подвергнуться жестокому обращению на самого заявителя. Это, в частности, нашло отражение в деле «Ходжаев против Российской Федерации»¹. Также Европейский Суд указывает на необходимость учитывать то, обращался ли заявитель к властям за предоставлением статуса беженца прежде, чем в отношении него были предприняты экстрадиционные мероприятия, но после своего прибытия в страну. Суд рассматривает данное обращение как эффективный механизм обеспечения защиты от применения жестокого обращения в случае экстрадиции. Отсутствие запроса от заявителя на предоставление статуса беженца снижает вес его аргументов при рассмотрении жалобы.

Комитет ООН против пыток также возлагает бремя доказательства наличия личной угрозы на экстрадируемое лицо. В п. 5 Замечания общего характера № 1 прямо указывается, что автор заявления должен подкреплять свои утверждения достаточным фактическим материалом. Однако Комитет выработал дополнительные и не в полной мере зависящие от автора критерии оценки наличия личной угрозы. В качестве таковых можно назвать сведения из медицинских источников о том, что лицо ранее подвергалось жестокому обращению в запрашивающем государстве; сведения о занятии ранее политической деятельностью и репрессивной реакции на это официальных властей.

Таким образом, в вопросах оценки наличия личной угрозы экстрадируемому лицу международные судебные и внесудебные органы по защите прав человека придерживаются сходной позиции, основой которой является его способность доказать факт угрозы. Следовательно, в отличие от оценки источника информации о возможности жестокого обращения с экстрадируемым лицом, в данном случае инициативная роль международных органов в поиске подтверждающих аргументов значительно ниже. Это обстоятельство побуждает заявителей заранее озаботиться необходимой доказательной базой, способной сформировать правовую позицию.

Список литературы

1. Иванов Д. В. Международная защита прав вынужденных мигрантов в решениях Европейского Суда по правам человека (часть 1) // Московский журнал международного права. 2013. № 4 (92). С. 38–55.
2. Кононов А. М., Песковая Ю. В. О некоторых проблемах представления интересов Российской Федерации при рассмотрении Европейским Судом по правам человека жалоб, связанных с деятельностью МВД России // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 244–250.
3. Глазова А. П. Решения о применении временных мер Европейского Суда по правам человека с целью предотвращения высылки и экстрадиции: проблемы исполнения и оценка эффективности // *Ius Publicum et Privatum*. 2018. № 1 (1). С. 21–23.

¹ Пункт 100 постановления от 12 мая 2010 г. по делу «Рустам Ходжаев против Российской Федерации» (жалоба № 21049/06) // Европейский Суд по правам человека. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-158909>.

4. Карамышева О. В. Позиции ЕСПЧ по вопросам ареста и экстрадиции: практика 2010–2011 годов // Уголовный процесс. 2012. № 2 (86). С. 54–61.

5. Ковлер А. И. Эволютивное толкование Европейской конвенции по правам человека: возможности и пределы. Европейский Суд по правам человека как субъект толкования права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3 (58). С. 92–100.

Константинов В. Н.¹,
доцент кафедры
тактико-специальной и огневой подготовки
Восточно-Сибирского института МВД России,
кандидат педагогических наук, доцент

ПОДГОТОВКА ВНЕШТАТНЫХ ИНСТРУКТОРОВ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ

Анализ литературных источников, научных исследований ряда специалистов стрельбы, результаты инспекторских проверок показывают недостаточный уровень огневой подготовленности сотрудников ОВД России.

Одной из причин такого положения, на наш взгляд, является низкий уровень методической подготовленности руководителей стрельб. По мнению А. Н. Пышьева и Н. В. Астафьева, главной причиной снижения уровня огневой подготовленности сотрудников ОВД является низкий уровень профессиональной подготовленности инспекторского состава и руководителей групп, организующих и проводящих стрельбы [1, с. 6].

Приказ МВД России от 23 ноября 2017 г. № 880 «Об утверждении Наставления по организации огневой подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» предъявляет определенные требования к подготовленности сотрудников, проводящих стрельбы. Он должен:

- знать методику проведения занятий по огневой подготовке, методику обучения применения оружия и боеприпасов;
- выполнять контрольные упражнения стрельб на оценку «удовлетворительно».

Сотрудников, а тем более выпускников образовательных организаций МВД России, уверенно выполняющих контрольные упражнения стрельб, достаточно много. Однако сотрудников, владеющих методикой обучения стрельбе, тем более из различных видов оружия, мало [7, с. 23]. Поэтому практические занятия и стрельбы в большинстве подразделений ОВД часто проводят лица, знающие только действия обучающихся по командам, да и то не всегда правильно. Такие руководители слабо умеют устранять задержки при стрельбе, не имеют практического опыта действий в возникающих нестандартных ситуациях во время стрельб, не могут объяснить обучающимся ошибки при стрельбе [5, с. 120]. Приказ МВД России № 880 определил, что все руководители стрельб должны проходить учебные сборы не реже одного раза в три года. Однако, как показывает анализ, такие сборы чаще всего скоротечны и планируются бессистемно.

Умелое владение руководителем стрельб личным оружием является одной из составляющих их готовности в решении задач учебно-тренировочного процесса, так как уровень и качество владения личным оружием лежит в основе их огневой подготовленности [6, с. 25].

¹ © Константинов В. Н., 2020.

Однако не менее важным для руководителя стрельб является умение методически грамотно построить занятие, научить других сотрудников быстрой и меткой стрельбе из табельного оружия.

О необходимости подготовки в образовательных организациях МВД России специалистов по огневой и физической подготовке для подразделений ОВД говорили А. В. Агеевец (1997), В. Г. Колухов (2001). По их мнению, данную проблему можно решить подготовкой специалистов в образовательных организациях МВД России или их обучением дополнительной специализации. По мнению Н. В. Астафьева (2003) и автора, существует другой способ решения данной проблемы – факультативное обучение внештатных инструкторов огневой подготовки в образовательных организациях МВД России [1, с. 6].

Более десяти лет назад были проведены серьезные научные исследования по данной проблеме сотрудниками Сибирского юридического института МВД России Н. В. Астафьевым, В. А. Глубоким, О. А. Чудиновой. ДГСК МВД России пытался решить эту проблему обучением штатных инструкторов физической и огневой подготовки в одной из образовательных организаций МВД России (по примеру Вооруженных Сил Российской Федерации), которая не увенчалась успехом.

Считаем, что одним из способов решения проблемы на данном этапе является возвращение к гипотезе обучения внештатных инструкторов как огневой, так и физической подготовки во всех образовательных организациях МВД России [2, с. 4].

Анализ научных исследований по педагогике в области физического воспитания, а также мнение специалистов огневой подготовки позволили определить цель подготовки внештатных инструкторов как формирование готовности выпускников к педагогической деятельности по обучению сотрудников ОВД России стрельбе из табельного оружия [3, с. 4].

Проанализировав результаты исследований специалистов Сибирского юридического института МВД России, мы предположили необходимый уровень знаний и умений для внештатных инструкторов огневой подготовки, на основании которого разработали примерную программу годичного обучения в Восточно-Сибирском институте МВД России. Проведя предварительное исследование по данной проблеме, мы разработали квалификационные требования с перечнем знаний, умений и навыков для успешного выполнения профессиональных обязанностей внештатного инструктора огневой подготовки. Проанализировав нормативные документы МВД России, мы пришли к выводу, что знания и умения внештатного инструктора по теоретическому разделу должны соответствовать второму уровню воспроизведения информации («знания – копия»), а методические знания – третьему уровню («знания – умения»). По мнению преподавательского состава, содержание теоретического раздела программы обучения внештатного инструктора должно быть с преобладанием не педагогической, а методической подготовки [2, с. 11]. Исходя из функциональных обязанностей руководителя стрельб, инструктор должен не только знать методические приемы проведения практических занятий и уметь проводить стрельбы, но и владеть умениями и навыками оценивания уровня огневой подготовленности обучающихся [4, с. 36].

Проанализировав литературу по методике физической культуры, мы определили предполагаемые минимально необходимые методические знания и умения для внештатных инструкторов огневой подготовки, а именно: подбор подготовительных и подводящих упражнений; организация обучающихся во время занятий; определение дозирования тренировочных нагрузок; выявление и устранение у обучающихся технических ошибок в стрельбе; использование методических приемов обучения [4, с. 52].

Анализ исследований, определяющих качества педагога в области физической культуры, позволил нам выделить организаторские, коммуникативные и прогностические требования к профессиональной деятельности и педагогической подготовленности внештатного инструктора.

В Восточно-Сибирском институте МВД России были проведены исследование и практический эксперимент по обучению 15 внештатных инструкторов огневой подготовки из некоторой части выпускников для подразделений ГУ МВД России по Иркутской области. Целью исследования являлась разработка программно-нормативных и методических основ инструкторской подготовки.

Выпускники института, которые прошли обучение по разработанной нами программе, в настоящее время служат во многих подразделениях Сибирского федерального округа. Полученные на экспериментальных факультативных занятиях знания и практические умения внештатных инструкторов пригодились выпускникам при проведении стрельб и организации соревнований. Результаты эксперимента были признаны отделом профессиональной подготовки ГУ МВД России по Иркутской области положительными, получена заявка на подготовку следующих выпускников Института по данной программе.

Таким образом, нами накоплен определенный опыт по практическому обучению внештатных инструкторов огневой подготовки для подразделений ОВД, которые помогут повысить уровень огневой подготовленности сотрудников.

Список литературы

1. Астафьев Н. В. К вопросу об обучении в вузах МВД России специалистов по служебно-боевой подготовке для подразделений ОВД // Современные подходы к подготовке кадров для ОВД : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2002.
2. Глубокий В. А. Факультативное обучение в вузах МВД России внештатных инструкторов физической подготовки : автореф. ... канд. пед. наук : 13.00.04. Красноярск, 2006.
3. Каримов А. А. Некоторые аспекты по совершенствованию огневой подготовки сотрудников ОВД исходя из статистики применения табельного оружия // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. № 1 (68). С. 3–8.
4. Каримов А. А., Константинов В. Н. Применение методики обучения, разработанной «Федерацией практической стрельбы России» в огневой подготовке сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : учебно-методическое пособие. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2017.
5. Крючин В. А. Практическая стрельба. Челябинск : Аркаим, 2006.

6. Сысоев А. А., Труфанов Н. И., Кавецкий Д. Б. Особенности привлечения сотрудников органов внутренних дел к участию в ликвидации последствий ЧС природного и техногенного характера : учебное пособие. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2018.

7. Труфанов Н. И., Тамбовцев Е. А., Подлиняев О. Л. Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел : учебное пособие. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2017.

Котляров И. И.¹,
 профессор кафедры прав человека
 и международного права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 доктор юридических наук, профессор

ВКЛАД ЕВРОПОЛА В ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

Неоценимый вклад в раскрытие и расследование преступлений в сфере информационных технологий вносит Европол, который с 1 мая 2017 г. после вступления в силу нового Регламента² официально стал Агентством Европейского союза по сотрудничеству в правоохранительной сфере [5].

В 2013 г. Европол учредил в своей структуре Европейский центр по киберпреступности (далее – ЕЦК или Центр) для усиления реакции правоохранительных органов на киберпреступность в Евросоюзе и для защиты граждан Союза, предприятий и правительств от противоправных действий в онлайн-сфере. С момента своего создания Центр внес значительный вклад в борьбу с киберпреступностью: он участвовал в десятках крупных операций и в сотнях развертываний оперативной поддержки, что привело к многочисленным задержаниям и арестам виновных лиц³ [1].

В своей работе Центр использует трехсторонний подход к борьбе с киберпреступностью, реализуя сотрудничество правоохранительных органов по следующим направлениям: криминалистика, стратегии и проведение операций.

Криминалистика. В ЕЦК работают две команды по судебной экспертизе, цифровой криминалистике и экспертизе документов, каждая из которых занимается оперативной поддержкой, а также исследованиями и разработкам в сфере ИТ.

Стратегия. В структуре ЕЦК функционируют две группы специалистов, деятельность которых направлена на стратегический анализ, разработку политики и законодательных мер в сфере безопасного управления интернетом, а также на развитие партнерских отношений с различными негосударственными заинтересованными сторонами в таких ключевых областях, как безопасность в интернете, телекоммуникации и финансовые услуги.

Операции. Полицейское киберсотрудничество реализуется по следующим направлениям: преступления, связанные с использованием киберпространства;

¹ © Котляров И. И., 2020.

² Regulation (EU) 2016/794 of the European Parliament and of the Council of 11 May 2016 on the European Union Agency for Law Enforcement Cooperation (Europol) and replacing and repealing Council Decisions 2009/371/JHA, 2009/934/JHA, 2009/935/JHA, 2009/936/JHA and 2009/968/JHA // European Union Agency for Law Enforcement Cooperation. URL: <https://www.europol.europa.eu/publications-documents/regulation-eu-2016/794-of-european-parliament-and-of-council-of-11-may-2016>.

³ European Cybercrime Centre (EC3) // European Union Agency for Law Enforcement Cooperation. URL: <https://www.europol.europa.eu/about-europol/european-cybercrime-centre-ec3>.

сексуальная эксплуатация детей в интернете; мошенничество с использованием средств платежа¹ [4].

Работа Европейского центра по киберпреступности поддерживается сотрудничеством со специалистами Группы киберразведки (*Cyber Intelligence Team – CIT*), аналитики которой собирают и обрабатывают информацию о киберпреступности из государственных, частных и открытых источников и выявляют возникающие угрозы, заранее информируя правоохранительные органы о тенденциях IT-преступности.

Основная практическая работа по раскрытию и расследованию наиболее важных транснациональных киберпреступлений, затрагивающих интересы государств – членов Евросоюза и их граждан, возложена на Совместную рабочую группу по борьбе с киберпреступностью (*Joint Cybercrime Action Taskforce – J-CAT*), созданную в сентябре 2014 г. и входящую в структуру Европейского центра по киберпреступности.

Ключевые задачи в работе *J-CAT*: на основе оперативных правоохранительных данных осуществлять скоординированное международное расследование преступлений в сфере информационных технологий, проводить трансграничные расследования и полицейские операции со своими партнерами; осуществлять совместное выявление и определение приоритетов для борьбы с ключевыми угрозами в сфере IT.

На сегодняшний день Рабочая группа провела несколько громких киберопераций, внося значительный вклад в борьбу с преступлениями в сфере IT на территории ЕС.

Операция *Imminent Monitor Remote Access (IM-RAT)* – транграничное расследование, проведенное Федеральной полицией Австралии с участием многочисленных судебных и правоохранительных органов в Европе, Колумбии и Австралии, координируемое Европолом, Евроюстом и Совместной группой по борьбе с киберпреступностью, которое привело к уничтожению трояна удаленного доступа *IM-RAT* и наказанию лиц, виновных в его разработке и распространении². Разработчики вируса предлагали киберпреступникам за 25 долл. полный удаленный контроль над компьютером жертвы: хакеры получали возможность отключить антивирусное программное обеспечение, выполнять такие команды, как запись нажатия клавиш, красть данные и пароли и наблюдать за жертвами через свои веб-камеры. В рамках расследования были выявлены доказательства украденных личных данных, паролей, частных фотографий, видеозаписей и иной персональной информации. Программный вирус использовался в 124 странах и был продан более чем 14,5 тыс. покупателям. На данном этапе установлены десятки тысяч жертв этих преступных действий.

¹ European Cybercrime Centre – EC3 // European Union Agency for Law Enforcement Cooperation. URL: <https://www.europol.europa.eu/about-europol/european-cybercrime-centre-ec3>.

² International crackdown on RAT spyware, which takes total control of victims' pcs. 29 November 2019. Press Release // European Union Agency for Law Enforcement Cooperation. URL: <https://www.europol.europa.eu/newsroom/news/international-crackdown-rat-spyware-which-takes-total-control-of-victims%E2%80%99-pcs>.

Операция *Chemosh* представляет собой успешное правоохранительное сотрудничество полицейских органов Испании, Италии и Франции, возглавляемое Рабочей группой по борьбе с киберпреступностью, которое привело к арестам лиц, причастных к созданию зашифрованных групп *WhatsApp* для обмена материалами о сексуальном насилии над детьми¹. Этот обмен включал создание смайликов-стикеров с изображением сексуального насилия над детьми и другие запрещенные материалы с последующим распространением в интернете. В рамках операции были выявлены группы, в которых участвовали и обменивались информацией несовершеннолетние и взрослые, проявляющие сексуальный интерес к детям. Всего в рамках операции *Chemosh* (2017–2019 гг.) было инициировано 33 расследования, из них 26 – в Испании [4].

Каждый год Европейский центр киберпреступности Европола публикует «Оценку угроз от организованной преступности в Интернете» (*Internet Organised Crime Threat Assessment – IOCTA*) – базовый годовой стратегический отчет о состоянии информационной безопасности и актуальных угрозах со стороны киберпреступности в Евросоюзе. В документе помимо аналитических обзоров содержатся ключевые рекомендации правоохранительным органам и органам власти Союза, позволяющие эффективно и согласованно реагировать на вызовы и угрозы от организованной преступности в интернете, а также формировать стратегию, политику и тактику борьбы с киберпреступностью. Кроме того, *IOCTA* содержит краткий обзор географических угроз от киберпреступности на пяти континентах.

В последнем отчете «Оценка угроз от организованной преступности в Интернете» от 2019 г. отмечено, что киберпреступность в Евросоюзе стремительно набирает обороты² [2].

Рассмотренная система специализированных структур, входящих в Европол и координирующих различные вопросы в рамках раскрытия и расследования преступлений в сфере информационных технологий, позволяет отметить, что внутри Евросоюза создана прочная организационная система по противодействию возрастающим угрозам организованной преступности в интернете, которая:

- служит ключевым центром сбора оперативной информации и разведданных;
- позволяет успешно реализовывать трансграничные полицейские операции и расследования, инициированные со стороны государств-членов, обеспечивая оперативный анализ, координацию и передовой практический опыт;

¹ Operation Chemosh: how encrypted chat groups exchanged emoji “stickers” of child sexual abuse. 11 December 2019. News Article // European Union Agency for Law Enforcement Cooperation. URL: <https://www.europol.europa.eu/newsroom/news/operation-chemosh-how-encrypted-chat-groups-exchanged-emoji-%E2%80%98stickers%E2%80%99-of-child-sexual-abuse>.

² Internet Organised Crime Threat Assessment (IOCTA). Report. 2019 // European Union Agency for Law Enforcement Cooperation. URL: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/internet-organised-crime-threat-assessment-iocta-2019>.

- предоставляет разнообразные продукты стратегического анализа, позволяющие принимать обоснованные решения на тактическом и стратегическом уровнях по борьбе с киберпреступностью;
- обеспечивает комплексную информационно-пропагандистскую функцию, связывающую правоохранительные органы, занимающиеся борьбой с киберпреступностью, с частным сектором, научными кругами и другими партнерами, не связанными с государственными органами;
- поддерживает обучение и наращивание потенциала специалистов как в сфере ИТ, так и в правоохранительных структурах государств-членов;
- предоставляет узкоспециализированные возможности технической и цифровой поддержки при проведении расследований и трансграничных полицейских операций;
- представляет «правоохранительное сообщество Евросоюза» при взаимодействии с другими партнерами.

Европейский центр киберпреступности Европола, будучи аналитическим центром противодействия киберпреступности и платформой для сотрудничества правоохранительных органов с частным сектором, играет значительную роль в предупреждении и расследовании кибератак, сексуальной эксплуатации детей, мошенничества с платежами, онлайн-торговли нелегальными товарами и других преступлений в сфере информационных технологий [1].

Список литературы

1. Мысина А. И. К вопросу о региональных правовых основах сотрудничества государств по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий // Российская юстиция. 2019. № 5. С. 20–24.
2. Мысина А. И. Приоритетные направления сотрудничества государств по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 6. С. 200–203.
3. Мысина А. И. Региональные механизмы сотрудничества государств по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий // Современное право. 2020. № 1. С. 119–124.
4. Пузырева Ю. В., Мысина А. И. Международное полицейское сотрудничество по вопросам раскрытия и расследования преступлений в сфере информационных технологий : монография. М. : Инфра-М, 2020.
5. Правовые и организационные основы международного полицейского сотрудничества : учебное пособие. М. : Московский университет МВД России, 2017.

Кошелев Е. В.¹,
 доцент кафедры
 конституционного и международного права
 Омской академии МВД России,
 кандидат юридических наук, доцент

Честнов А. В.²,
 преподаватель кафедры
 конституционного и международного права
 Омской академии МВД России

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

На сегодняшний день государства и их компетентные органы объединяют свои усилия в противодействии транснациональным преступлениям. Борьба с ними осуществляется, как правило, посредством комплекса мер, предпринимаемых в отношении отдельных преступлений и преступности в целом. Наряду с государственными структурами в борьбе с транснациональной преступностью важное место занимают международные и межправительственные организации (ООН, ИКАО, ИМО, МАГАТЭ, ШОС и др.). Они решают разнообразные задачи: от разработки проектов международных договоров до осуществления конкретных мер профилактики преступности. Отдельные международные и межправительственные организации специально созданы для решения задач борьбы с такой преступностью (Интерпол, Европол). Их дополняют специальные международные органы, не являющиеся международными организациями, создаваемые для борьбы с конкретными преступлениями, а также иные объединения, в рамках которых осуществляется согласование подходов к актуальным международным проблемам. Как правило, речь идет о фиксации намерения сторон придерживаться согласованной линии или о рекомендациях другим участникам международных отношений применять определенные подходы в решении тех или иных вопросов, в том числе в предупреждении в деле борьбы с транснациональной преступностью.

Без ущерба для норм общего международного права Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. не исключает осуществления любой уголовной юрисдикции, установленной в соответствии со своим внутренним законодательством. Государства-участники оказывают друг другу самую широкую взаимную правовую помощь в расследовании, уголовном преследовании и судебном разбирательстве в связи с преступлениями, охватываемыми указанной Конвенцией, и на взаимной основе предоставляют друг другу иную аналогичную помощь. Взаимная правовая помощь предоставляется в объеме, максимально возможном согласно соответствующим законам, договорам,

¹ © Кошелев Е. В., 2020.

² © Честнов А. В., 2020.

соглашениям и договоренностям запрашиваемого государства-участника, в отношении расследования, уголовного преследования и судебного разбирательства в связи с преступлениями [1].

Для целей практического применения государства-участники рассматривают возможность заключения двусторонних или многосторонних соглашений или договоренностей о непосредственном сотрудничестве между их правоохранными органами, а в тех случаях, когда такие соглашения или договоренности уже имеются, государства-участники, насколько это возможно, в координации друг с другом, а также с международными и региональными организациями предпринимают конкретные усилия в области [2]:

1) активизации своего сотрудничества на различных уровнях с развивающимися странами в целях укрепления возможностей этих стран в области предупреждения транснациональной организованной преступности и борьбы с ней;

2) расширения финансовой и материальной помощи в целях поддержки усилий развивающихся стран по эффективному противодействию транснациональной организованной преступности и оказания им помощи для успешного осуществления Конвенции;

3) оказания технической помощи развивающимся странам и странам с переходной экономикой в целях содействия удовлетворению их потребностей в связи с осуществлением Конвенции [3].

Предупреждение транснациональной организованной преступности состоит в том, что государства-участники стремятся разрабатывать и оценивать эффективность национальных проектов, а также выявлять и внедрять оптимальные виды практики и политики, направленные на предупреждение транснациональной организованной преступности.

Международное взаимодействие и сотрудничество в рассматриваемой сфере – это деятельность государств и международных организаций по определению основных направлений борьбы с преступностью, согласованию и координации усилий, направленных на оказание правовой помощи по уголовным делам, розыску преступников, защите населения от беззакония и произвола. На современном этапе сформировался механизм взаимодействия и борьбы с транснациональной преступностью, но в связи с высокой динамикой развития и появления новых видов преступлений имеющаяся система борьбы с транснациональной преступностью также должна развиваться и совершенствоваться.

Для Российской Федерации актуальным вопросом остается принятие стратегии борьбы с транснациональной преступностью. Модель, которая существует в Соединенных Штатах Америки, на законодательном уровне закрепляет стратегию противодействия на национальном уровне конкретным преступлениям, которые указаны в гл. II [4]. По нашему мнению, формулирование стратегии борьбы с транснациональной преступностью является элементом общей организации борьбы с нею, предопределяющей предупредительную и правоохранный деятельность, в которой Российская Федерация нуждается.

Исходя из того, что транснациональные преступления затрагивают интересы двух или более государств, построение национальной стратегии борьбы с ними должно быть в значительной степени основано на положениях международных

документов. В настоящее время основополагающим документом в области борьбы с транснациональной организованной преступностью является Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности.

Стоит отметить, что принятие стратегии на законодательном уровне способствовало бы охране национальных интересов и национальной безопасности Российской Федерации. Такой комплексный документ, обладающий доктринальным характером для законотворческой и правоохранительной деятельности, направленной на реализацию всесторонних мероприятий по борьбе с транснациональной преступностью, ее предупреждению и профилактике, может являться опорой ее противодействия.

Стратегия должна содержать систему долгосрочных приоритетов, целей и задач государственного управления, направленных на предупреждение транснациональной преступности и борьбу с ней, детализированные цели, направления, индикаторы, планируемые промежуточные и окончательные результаты деятельности участников соответствующей деятельности и обеспечивать реализацию стратегии.

Список литературы

1. Голощапов А. М. Конституционные основы становления государственно-правовой стратегии Российской Федерации // Государство и право. 2005. № 11. С. 95–100.
2. Трунцевский Ю. В. Понятие транснационального преступления // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. № 3. С. 9–12.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15.11.2000) // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml.
4. Strategy to Combat Transnational Organized Crime. July 19, 2011. Washington : The White House, 2011. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/Strategy_to_Combat_Transnational_Organized_Crime_July_2011.pdf.

Крайнюкова Л. М.¹,
*ассистент кафедры международного права
Астраханского государственного университета*

НЕПРАВОМЕРНЫЙ ДОСТУП К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И КВАЛИФИКАЦИИ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ И ЗАРУБЕЖНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Киберпреступность имеет множество форм и проявлений. Специфика данного вида преступлений такова, что преступные действия, будучи совершенными на территории одного государства, в подавляющем большинстве случаев влекут наступление общественно опасных последствий в виде причинения ущерба на территории другого государства. Здесь стоит отметить наличие особого признака – некую виртуальную составляющую, когда преступнику (хакеру) для совершения преступного деяния вовсе не обязательно физическое присутствие и установление непосредственного контакта с предметом посягательства. Большинство подобных преступлений совершается удаленно. Это объясняется уникальностью сетевой архитектуры интернет-пространства и стремлением преступников «скрыть» следы этих самых виртуальных действий и в конечном счете остаться безнаказанными, пользуясь «безопасными укрытиями». В качестве таких «укрытий» могут выступать государства, в законодательстве которых отсутствуют необходимые нормы об уголовной ответственности за те или иные деяния. Отсутствие единых подходов к криминализации данного вида преступлений в национальном законодательстве различных государств и недостаточная международная кооперация порождают проблемы квалификации, юрисдикции и привлечения виновных лиц к ответственности [12].

Безусловно, подобные вопросы должны быть рассмотрены в контексте борьбы с транснациональной преступностью. Часть 2 ст. 3 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности дает нам основания расценивать киберпреступления в качестве преступлений транснационального характера, поскольку данное преступное деяние может быть совершено в более чем одном государстве либо, будучи совершенным в одном государстве, существенная часть подготовки, планирования, руководства или контроля имеет место в другом государстве [1] (пп. «а» и «b» ч. 2 ст. 3).

При решении вопроса о криминализации тех или иных деяний и совершенствования законодательства Российской Федерации в сфере информационной безопасности важен анализ международного законодательства и опыта зарубежных стран. Проблема правового вакуума в сфере борьбы с киберпреступностью остается по-прежнему актуальной. Тем не менее стоит отметить прогрессивную работу в этом направлении. Эксперты выделяют пять групп международных и региональных документов, разработанных в рамках: Совета Европы или Европейского союза, Содружества Независимых Государств или Шанхайской организации сотрудничества, межправительственных африканских организаций,

¹ © Крайнюкова Л. М., 2020.

Лиги арабских государств и Организации Объединенных Наций [10]. Лишь некоторые из них направлены непосредственно на криминализацию преступных деяний в данной сфере и содержат в себе перечень и описание составов преступлений и условие об имплементации данных составов во внутреннее уголовное законодательство стран-участниц. Среди них: Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации от 23 ноября 2001 г. (не ратифицирована Российской Федерацией) и дополнительный протокол (2003 г.) [3], Конвенция Совета Европы о защите детей от эксплуатации и надругательств сексуального характера (2007 г.), Соглашение Содружества Независимых Государств о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (2001 г.) [2]; Соглашение Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (2009 г.) [4]; Конвенция Африканского союза о кибербезопасности и защите персональных данных (2014 г.) [6]; Конвенция Лиги арабских государств о борьбе с преступлениями в области информационных технологий (2010 г.) [5].

Принятие указанных конвенций обозначило тенденцию международно-правового сотрудничества государств в вопросе борьбы с киберпреступностью и стремление к унификации уголовного законодательства посредством разработки и определения единообразных составов компьютерных преступлений.

Неправомерный доступ к компьютерной информации обозначен в качестве преступного деяния во всех указанных документах. При этом прослеживается различный подход. В Соглашении СНГ, Соглашении ШОС под уголовно наказуемым понимается такой неправомерный доступ, который повлек определенные последствия в виде уничтожения, блокирования, модификации или копирования информации, нарушения работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети (что нашло свое отражение в формулировке диспозиции ст. 272 УК РФ). В это же время Конвенция Совета Европы 2001 г., Конвенция Африканского союза 2014 г. и Конвенция Лиги арабских государств 2010 г. в качестве преступного деяния рассматривают непосредственно доступ к компьютерной системе в целом или к ее части без права на это, не связывая это с условием наступления негативных последствий.

Обращаясь к подробному анализу формулировки, применяемой законодателем в ст. 272 УК РФ [7], выявляем следующее: в действующей редакции уголовно наказуемым признается такой неправомерный доступ к компьютерной информации, который повлек уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации. То есть наступление уголовной ответственности законодатель поставил под условие наступления неблагоприятных последствий.

Такая «ограничительная» диспозиция действующей нормы позволяет безнаказанно «взламывать», т. е. фактически совершать активные действия по преодолению средств программно-технической защиты информации, если при этом лицо (хакер) не уничтожило, не блокировало, не модифицировало и не скопировало компьютерную информацию. Считаем, что данный пробел в правовой норме, с одной стороны, не обеспечивает право владельцев компьютерной информации на информационную безопасность. (Здесь можно провести аналогию с действующей ст. 139 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за

нарушение неприкосновенности жилища – само проникновение в жилище против воли проживающего в нем лица независимо от дальнейших действий виновного лица является уголовно наказуемым.)

С другой стороны, даже в ситуации, если хакер не имел целью причинить какой-либо вред владельцу компьютерной информации, разработанный им механизм взлома впоследствии может быть им передан или продан другим лицам для использования его в преступных целях.

Таким образом, введение уголовной ответственности за неправомерный доступ к компьютерной информации без условия наступления последствий в виде уничтожения, блокирования, модификации и копирования должно способствовать упреждению попыток осуществлять неправомерные взломы компьютерных систем.

Следует отметить, что за неправомерный доступ к компьютерной информации, т. е. за так называемое чистое хакерство без последствий для конфиденциальности, доступности и целостности информации, установлена ответственность по УК Китайской Народной Республики (ст. 285) [8], Республики Беларусь (ст. 349) [9] и ряда других государств.

Заслуживает внимание еще одно обстоятельство. Согласно УК РФ наказуемым является доступ к компьютерной информации, в то время как Конвенция Совета Европы, Конвенция Африканского союза и Конвенция Лиги арабских государств, как и УК многих зарубежных стран, подразумевают незаконный доступ к компьютерной системе в целом или ее части. Подобная формулировка представляется более приемлемой, поскольку она акцентирует внимание на том, что неправомерным является доступ к компьютерной системе как к устройству. В этом случае нормы уголовного законодательства вступают в действие на более ранней стадии незаконного доступа и создают нужный барьер.

Ряд исследователей проводит аналогию с традиционными составами преступлений. Так, согласно ч. 1 ст. 158 УК РФ кража имущества (компьютерной информации) запрещена. Кража с незаконным проникновением в хранилище (доступ к компьютерной системе) указана в ч. 2 ст. 158, а само нарушение неприкосновенности жилища (преодоление средств защиты компьютерной системы) – в ст. 139 УК РФ. Таким образом, мы видим, что уголовный закон в равной степени охраняет как неприкосновенность жилища, так и имущество, которое может в нем находиться. Если выделить в самостоятельный формальный состав незаконный доступ, то он условно будет корреспондировать ст. 139 УК РФ. При этом незаконное копирование данных будет корреспондировать ч. 1 ст. 158, а незаконный доступ, повлекший незаконное копирование, – ч. 2 ст. 158 УК РФ [11].

Объединение нескольких составов криминальных деяний в сфере информационной безопасности в диспозиции одной статьи является, скорее, минусом ст. 272, а не ее плюсом. На основе многолетнего опыта борьбы с компьютерными преступлениями за рубежом пришли к выводу о необходимости формулировки самостоятельных составов доступа и саботажа. В связи с этим правоприменители не испытывают каких-либо проблем. Возможно, подобное объединение было оправданным на первом этапе, при небольшом количестве и разнообразии преступлений данного вида, но в настоящее время требуются расширение круга уголовно наказуемых деяний гл. 28 УК РФ, их более детальная проработка и конкретизация.

Список литературы

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15.11.2000) // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml.
2. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (заключено в г. Минске 01.06.2001) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 13. Ст. 1460.
3. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185) (заключена в г. Будапеште 23.11.2001) (с изм. от 28.01.2003) // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://base.garant.ru/4089723>.
4. Соглашение между Правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (Вместе с Перечнями основных понятий и видов угроз, их источников и признаков) (заключено в г. Екатеринбурге 16.06.2009) // Бюллетень международных договоров. 2012. № 1. С. 13–21.
5. The Arab Convention on Combating Information Technology Offences (Cairo, 21 December 2010; hereafter: Arab ITO Convention) // Academic library – free online college e-textbooks. URL: https://ebrary.net/57669/law/league_arab_states.
6. African Union Convention on Cyber Security and Personal Data Protection (EN) June 27, 2014 // The African Union Commission. URL: <https://au.int/en/treaties/african-union-convention-cyber-security-and-personal-data-protection>.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
8. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики: принят на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей шестого созыва 14 марта 1997 г. // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm>.
9. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. // Кодексы Республики Беларусь. URL: <https://уголовный-кодекс.бел>.
10. Всестороннее исследование проблемы киберпреступности и ответных мер со стороны государств-членов, международного сообщества и частного сектора: Группа экспертов для проведения всестороннего исследования киберпреступности (Вена, 25–28 февраля 2013 г.) // Cyber Safety Unit. URL: https://cybersafetyunit.com/download/pdf/UNODC_2013_2_R.pdf.
11. Красненкова Е. В. Обеспечение информационной безопасности в Российской Федерации уголовно-правовыми средствами : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2014.
12. Суслопаров А. В. Компьютерные преступления как разновидность преступлений информационного характера : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Владивосток, 2010.

Кулешова А. Н.¹,
*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ТРАНСГРАНИЧНОГО ОБОРОТА НЕФТИ И НЕФТЕПРОДУКТОВ

В настоящее время топливно-энергетический потенциал активно используется во всех странах мира, в связи с чем создается криминогенная обстановка и увеличивается число преступных посягательств. Спрос на продукцию растет с каждым годом, однако мировой нефтегазовый рынок претерпевает значительные потрясения в последние полгода. Цены на нефть резко упали в начале года и достигли минимума с начала 2000-х гг. По сути, случился тройной удар по рынкам. Во-первых, шок спроса, вызванный пандемией коронавируса; во-вторых, избыток предложения на нефтяном рынке в результате провала сделки Организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК+) от 6 марта 2020 г.; и, наконец, усилившееся соперничество между мировыми игроками нефтегазового рынка, которое привело к торговому противостоянию, санкциям и разногласиям по поводу мер для стабилизации рынка «черного золота». Как отмечает Б. В. Пимонов, сегодняшнее кризисное состояние российской экономики, пожалуй, многие связывают с нестабильностью на мировом сырьевом рынке, в частности с высокой волатильностью цен на углеводородное сырье и продукты его переработки [3, с. 1991].

В данной статье уделим основное внимание борьбе с преступностью в сфере незаконного оборота нефти и нефтепродуктов, рассмотрим позицию России в сделке с ОПЕК+ по сокращению производства, осветим некоторые причины, по которым страна и ее нефтяные компании чувствовали себя уверенно, занимая настойчивую позицию в переговорах как с Саудовской Аравией, так и с США. Россия, безусловно, является неотъемлемой частью «большой тройки» производителей и мировым экспортером нефти, на долю которых приходится более трети мировых поставок нефти. Их последовательные действия станут ключом для будущего формирования мирового рынка нефти, в результате чего стратегия России и ее позиция в отношении ОПЕК+ и текущего кризиса заслуживают тщательного анализа и рассмотрения.

В начале марта выяснилось, что Россия, отказавшись от требований Саудовской Аравии о сокращении производства со стороны группы ОПЕК+, была вовлечена в ценовое противостояние и вынуждена претерпевать издержки и потери от ценовой борьбы за покупателя на рынке нефти.

Данное решение было обусловлено разногласиями партнеров по поводу количества и выгоды от сокращения добычи нефти, а также убеждением России в том, что ее государственный бюджет и нефтяной сектор находятся в сильной позиции по отношению к своим основным конкурентам благодаря гибкой политике

¹ © Кулешова А. Н., 2020.

обменного курса, объемному финансовому резерву, регулируемой налоговой системе и низким издержкам производства. Однако через месяц страна решила полностью изменить свою позицию и согласиться на значительное сокращение добычи, эквивалентное примерно 20 % добычи нефти.

Совершенно очевидно, что реальность воздействия пандемии *COVID-19* и вызванного ею глобального экономического коллапса сыграла свою роль, поскольку скорость распространения эпидемии потрясла даже те страны, которые считали себя подготовленными к такому развитию событий. Обвал спроса на нефть и, как следствие, падение цены на нефть, как никогда ранее, протестировали уровень стресса во всех нефтедобывающих странах и стали катализатором вопросов об их экономически жизнеспособных издержках производства, безубыточности бюджета и эластичности спроса и предложения в быстро меняющихся рыночных условиях.

Безусловно, все эти факторы повлияли и на преступность в сфере незаконного оборота нефти и нефтепродуктов, но в настоящее время цены на нефть нормализуются, преступная активность повышается. Мировой нелегальный рынок нефти и нефтепродуктов схож по своей структуре с официальной нефтяной индустрией: происходят добыча, транспортировка, хранение, переработка и реализация. Однако есть одно существенное отличие – этой деятельностью занимаются организованные преступные группы. Как правило, все случаи хищения нефти тщательно спланированы, длительное время подготавливаются группой участников, которые обладают специальными знаниями или умениями для изготовления врезок. Такие группы используют специальное, высокотехнологичное, современное оборудование длительного использования в целях хищения, а также специализированный автотранспорт для перевозки нефти. У подобных групп налажены устойчивые каналы для незаконных транспортировки, хранения, реализации продукции, существуют прочные связи в правоохранительных органах, прокуратуре и суде. Как отмечает заместитель вице-президента компании «Транснефть» С. А. Хардыкин, в составе организованной преступной группы иногда оказываются и сотрудники безопасности «Транснефти».

Ответственность за правонарушения в сфере незаконного потребления нефти и нефтепродуктов установлена не только в уголовном праве [1], но и в административном. Так, ст. 7.19 КоАП РФ предусматривает ответственность за самовольное подключение и использование электрической, тепловой энергии, нефти или газа [2]. В данном случае объектом является собственность, на право которого и направлено посягательство.

Как отмечает К. Б. Карабашев, наиболее массовый характер приобрели факты организованных преступных посягательств на предприятия по добыче, переработке, реализации и транспортировке нефти и нефтепродуктов [4]. Выделим основные из них:

1. Совершение мошеннических сделок с нефтью и нефтепродуктами (обман потребителя путем недолива, продажа низкосортного товара, присвоение чужих товаров с помощью фальсифицированных документов и т. д.).
2. Хищения нефтепродуктов путем несанкционированных врезок.

3. Незаконная предпринимательская деятельность при производстве и реализации нефтепродуктов.

4. Хищения нефтепродуктов с использованием служебного положения.

5. Производство и транспортировка нефтепродуктов без получения лицензии.

6. Хищения нефтепродуктов на железнодорожном и водном транспорте.

7. Хищение экспортной выручки путем совершения встречных закупок в режиме товарообмена.

8. Незаконный экспорт российской продукции – контрабанда нефтепродуктов.

9. Занижение реального объема нефтепродуктов при транспортировке за рубеж.

10. Увод активов нефтегазовых компаний в офшоры и др.

Для правоохранительных органов самой сложной является классификация преступления, а именно: на какой стадии оно выявлено (приготовление к преступлению, покушение на него или оконченное посягательство). Сохраняется тенденция неправильной классификации преступного поведения лиц и индивидуализации их ответственности за данное преступления в сфере незаконного оборота нефти и нефтепродуктов.

Исходя из этого следует изучать каждый состав преступления как совокупность присущих именно ему признаков и, соответственно, устанавливать тождество фактического состава преступления и состава, установленного нормами уголовного права. Например, согласно п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ кража, совершенная из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода, обладает и общими, и специфическими признаками, такими как многообъектность и общепасный способ совершения преступления [1].

Отличительной чертой экономических преступлений в сфере незаконного оборота нефти и нефтепродуктов является их замаскированный характер. Так как данные преступления совершаются группой лиц по предварительному сговору, в которые зачастую входят и сотрудники нефтедобывающей или транспортной компании, зачастую они знают технологии производственных процессов и могут завуалировать данные в бухгалтерском или ином учете. Преступники при совершении вышеуказанных преступлений стремятся замаскировать свою деятельность под нормальные законные хозяйственные операции, поэтому выявить их без специальных познаний трудно.

Нередко можно найти сразу несколько элементов состава преступлений в конкретном преступном деянии. В случае кражи из нефтепровода затрагиваются интересы государственной и муниципальной службы, возникает угроза общественной и экологической безопасности, присутствуют незаконно созданные элементы инфраструктуры, обеспечивающие добычу и транспортировку нефти. В таком случае устанавливается наказание по нескольким статьям УК РФ.

На практике необходимо правильно разграничивать составы смежных преступлений, например ст. 215.3 УК РФ «Самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведение их в негодность». Так, в большинстве случаев конкретное преступное посягательство содержит признаки обоих составов, однако следует разграничивать их, выявляя объект, мотивы и цели преступления.

Знание признаков состава преступления способствует правильной его характеристике, а в дальнейшем – организации профилактических работ. Развитие института ответственности за незаконный оборот нефти и нефтепродуктов подразумевает устранение противоречий в правовом определении права собственности на данные ресурсы и восполнение пробелов в правовом регулировании отдельных видов экономических отношений.

В заключение следует сказать, что, несмотря на все изменения, происходящие в мире относительно уменьшения объемов добычи нефти и нефтепродуктов, скачка цен и заключений многочисленных соглашений в данной сфере, преступления в этой области будут только развиваться, а борьба с ними должна детально регулироваться и совершенствоваться, начиная с законодательного уровня. Необходимо разработать и принять официальное толкование норм об ответственности за вышеуказанные преступления, выстроить грамотный понятийный аппарат для возможности правильной классификации, а также совершенствовать правовое регулирование деятельности органов внутренних дел в сфере борьбы с незаконным оборотом нефти и нефтепродуктов.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
3. Пимонов Б. В. Взаимодействие следственных и оперативных подразделений при раскрытии и расследовании незаконного предпринимательства, совершенного в сфере оборота нефти и нефтепродуктов // Концепт. 2016. Т. 15. С. 1991–1995. URL: <http://e-koncept.ru/2016/96317.htm>.
4. Карабашев К. Б. Характеристика преступлений, совершаемых на объектах добычи, переработки и реализации нефти и нефтепродуктов, расположенных в Южном федеральном округе // Мудрый юрист. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/30699-kharakteristika-prestuplenij-sovershaemykh-obektakh-dobychi-pere-rabotki-realizacii>.

*Лановая Г. М.¹,
профессор кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент*

ФУНКЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Вопрос о функциях международной правоохранительной политики относится к числу практически не исследованных, более того, сама его постановка является не вполне привычной для современной отечественной науки международного права. Вместе с тем представляется, что поскольку решение вопроса позволяет лучше понять специфику организации международного сотрудничества в борьбе с преступностью, постольку его можно считать значимым как в теоретическом, так и в практическом плане.

Необходимая теоретическая основа для исследования функций международной правоохранительной деятельности сегодня фактически отсутствует, так как в теории государства и права как фундаментальной юридической науке нет единства в понимании того, какие функции присущи правоохранительной политике как таковой [4, с. 34–35; 3, с. 306–307; 1]. Более того, отсутствует общее мнение относительно того, что следует понимать под функциями, и вследствие этого оказывается, что данным термином далеко не всегда обозначаются одни и те же характеристики правовой политики.

В теории государства и права существует, по крайней мере, два широко распространенных подхода к интерпретации функций правовой политики. В рамках первого они определяются в качестве основных направлений деятельности (воздействия) [5, с. 46], в рамках второго – как ключевые направления воздействия субъектов [2, с. 95]. Оба подхода, однако, вызывают серьезные возражения. Реализация первого, как представляется, способна мало что дать для понимания и самих функций международной правоохранительной политики, и их содержания, и их роли в решении актуальных для международного сообщества задач в сфере борьбы с преступностью. Что касается второго подхода, то «направления воздействия субъектов», по всей видимости, можно рассматривать в лучшем случае в качестве функций, реализуемых субъектами. В то же время такие функции не совпадают и не могут совпадать с функциями международной правоохранительной политики как деятельности особого рода.

Представляется, что более точным можно было бы признать определение функций международной правоохранительной политики в качестве тех ролей, которые играет названная политика в реализации значимых для международного сообщества целей и задач в сфере правоохраны.

¹ © Лановая Г. М., 2020.

Привести исчерпывающий перечень функций международной правоохранительной политики невозможно и в силу их множественности и разнообразия, и в силу исторической изменчивости тех целей, которые реализуются посредством такой политики. Однако можно выделить основные функции современной международной правоохранительной политики. К ним можно причислить: выработку базовых принципов и стандартов, реализация которых определяет основные направления международной правоохранительной деятельности и международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью в долгосрочной перспективе; обеспечение гармоничного развития нормативной основы международной правоохранительной деятельности и сотрудничества государств в борьбе с преступностью; своевременное обновление инструментария международной правоохранительной деятельности с учетом тех изменений, которые происходят как в жизни современных обществ, так и в структуре и динамике преступности; обеспечение соответствия международной правоохранительной деятельности международным стандартам в области прав и свобод человека; создание условий для гармонизации национального правозащитного законодательства с базовыми принципами международной правоохранительной деятельности и приведение в соответствие с этими стандартами деятельности правоохранительных органов национальных государств; обеспечение условий, благоприятствующих углублению сотрудничества в сфере борьбы с преступностью тех государств, правовые культуры которых имеют существенные различия.

Список литературы

1. Арутюнова М. Г. К вопросу о функциях правоохранительной политики в России // Современные проблемы юридической науки : сборник материалов Международной научно-практической конференции / под ред. С. А. Жинкина. Краснодар, 2013. С. 10–17.
2. Голуб К. Ю. Функции правовой политики в сфере внешнеэкономической деятельности // Власть. 2012. № 4. С. 93–95.
3. Захарцев Н. С. К вопросу о формировании понятия «правоохранительная политика» // Вестник ТГУ. 2010. Вып. 7. С. 304–309.
4. Малько А. В., Нырков В. В. Методологические основы формирования концепции правоохранительной политики // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1. С. 34–37.
5. Струсь К. А. Функции правовой политики в сфере формирования гражданского общества // Известия высших учебных заведений: Поволжский регион. Общественные науки. 2009. № 4. С. 46–55.

*Лимарь А. С.¹,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
по кафедре криминологии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА КАК ОСНОВА МИНИМИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЕЙ И ПРОВЕДЕНИЕМ АЗАРТНЫХ ИГР

С увеличением количества игорных заведений растет число людей, которых привлекает этот вид досуга². Бесконтрольное распространение игорного бизнеса в России способствовало росту числа лиц, страдающих болезненным влечением к азартным играм (лудоманов). По данным НИИ имени В.М. Бехтерева, игровой зависимостью страдают от 15 до 24 % населения России [7, с. 300]. По оценкам Национального научного центра наркологии Министерства здравоохранения Российской Федерации, число лудоманов³ в России превышает 300 тыс. человек⁴. С нашей точки зрения, в связи с высокой латентностью данного заболевания число лиц, зависимых от азартных игр, в несколько раз больше. К примеру, в 2019 г. в Национальный научный центр наркологии Минздрава России за консультацией обратилось 200 человек, 50 из которых потребовалась квалифицированная медицинская помощь⁵.

На основе проведенных исследований [8; 12] нами составлен среднестатистический портрет российского патологически азартного игрока: это мужчина в возрасте 21–30 лет, в половине случаев холостой или разведенный, со средним образованием, отягощенный алкогольной зависимостью.

Стоит отметить, что опасность игромании состоит не только в психологической, но и в долговой зависимости, на фоне которых нередко развивается суицидальное поведение, тем самым превращая игромана в жертву.

К примеру, 11 февраля 2011 г. в больницу г. Пятигорска была доставлена 24-летняя девушка с диагнозом «отравление медицинским препаратом». В ходе доследственной проверки установлено, что жительница г. Пятигорска на протяжении шести месяцев регулярно проигрывала крупные суммы денег в игровом клубе «Рыбачий курень». Только с 8 по 11 февраля 2011 г. девушка проиграла

¹ © Лимарь А. С., 2020.

² Фонд «Общественное мнение» // URL: <http://fom.ru/search#q=игорный+бизнес&from=&to=&p%5B4%5D=1>.

³ Патологическое влечение к азартным играм // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Лудомания>.

⁴ Харитонов А. Спасти проигранные души // Русская линия. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=155855>.

⁵ Игромания – зависимость, лечение от игромании // Наркологическая клиника «Боткинский». URL: http://www.narkohelp.ru/publications/igromaniya_v_rossii_segodnya.html.

400 тыс. руб., которые получила от своего знакомого в качестве займа под проценты. Не имея возможности вернуть долг, в целях самоубийства она употребила лекарственный препарат, повлекший отравление. Однако благодаря своевременно оказанной медицинской помощи девушку удалось спасти¹.

Т. В. Варчук справедливо отмечала: «Уровень нравственности представляет собой виктимологический измеритель социального иммунитета» [3, с. 208]. В настоящее время наблюдается стремительное моральное разложение общества, создающее благоприятную почву для преступности, в том числе в сфере игровой деятельности. Таким образом, десоциализация личности выступает одним из важнейших факторов усиления виктимогенности общества [4].

На основе изученных материалов исследований, связанных с влиянием на общественную безопасность игровой деятельности, нами сделан вывод, что поведение потерпевшего в большинстве случаев является девиантным, т. е. отклоняющимся от социально-психологических и нравственных норм [11].

Процесс виктимизации включает в себя сложную систему явлений, связанных с участием жертвы в формировании преступного мотива; взаимодействием с преступником в условиях конкретной жизненной ситуации [5, с. 210]. В мотивации поведения зависимого человека на первый план выходят эгоцентрические побуждения, низменные влечения и инстинкты, аморальные и антисоциальные склонности, которые способствуют созданию конкретных жизненных ситуаций криминогенного характера [9, с. 216]. Экономический механизм распространения азартных игр предусматривает практику манипуляции общественным сознанием, которая лишь усиливает зависимость общества [10].

Распространение игромании в большинстве цивилизованных стран представляется как негативное последствие сверхбыстрого расширения игровой индустрии. В связи с этим необходимо отметить, что зависимость начинается там, где возникает удовлетворение игровых потребностей, т. е. в нашем случае – в местах незаконных организации и проведения азартных игр. На основании этого можем сделать вывод, что игровая зависимость выступает фактором, оказывающим непосредственное влияние на существование и развитие незаконных организации и проведения азартных игр. Представляется, что приоритетным направлением по снижению риска стать жертвой патологической зависимости от азартных игр является виктимологическая профилактика.

Основу виктимологической профилактики составляет деятельность субъектов профилактики по девиктимизации игроков, ослаблению зависимости от азартных игр, выявлению детерминантов виктимизации, а также минимизации социальных последствий, связанных с незаконными организацией и проведением азартных игр. Другими словами, целью виктимологической профилактики выступает воздействие на незаконную игровую деятельность, взаимодополняя меры специально-криминалогического предупреждения незаконных организации и проведения азартных игр.

¹ Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации // URL: <http://www.sledcom.ru/news/45330.html>.

В числе первоочередных мер по совершенствованию виктимологической профилактики игромании как фактора, продуцирующего развитие незаконных организации и проведения азартных игр, должны быть просвещение и информирование граждан через заседания общественных организаций и средства массовой информации о негативных социальных последствиях азартных игр, проведение организованных сотрудниками правоохранительных органов лекций и бесед в организациях и учреждениях региона. На сегодняшний день организаторы азартных игр осуществляют активное вовлечение интересующихся азартными играми в интернете [2] путем всплывающих окон, вирусного заражения либо рассылок спам-рекламы, а деятельность интернет-казино практически невозможно контролировать. К тому же, если в реальные игорные заведения согласно ст. 7 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты» лицам младше 18 лет вход закрыт, то в виртуальное казино попасть могут все желающие, включая детей¹.

В целях ограничения доступа к азартным играм в интернете представляется необходимым предусмотреть на средствах телекоммуникации установку функции запрета на контент, содержащий информацию подобного рода. Для защиты нравственности несовершеннолетних положительным моментом выступила бы установка «родительского контроля», функциональной основой которого будет служить запрет на посещение нежелательных интернет-сайтов, ограничение в доступе к услугам связи, а также контроль работы с приложениями на устройстве².

Таким образом, путем ограничения доступа хотя бы части населения к информации об азартных играх, местах их организации и проведения, будут частично реализованы меры по защите нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан. По мнению 59 % участников проведенного нами анкетирования, важной составляющей виктимологической профилактической работы и оказания помощи лицам, страдающим патологической зависимостью, является разработка программ по социализации игроманов, направленных на формирование активного и социально полезного мировоззрения, а также отказа от азартных игр. В рамках оказания медицинской помощи лицам с патологической склонностью к азартным играм стоит особое внимание уделить развитию системы общедоступных государственных учреждений по лечению зависимости от азартных игр (данного мнения придерживаются 94 % респондентов), деятельность которых была бы направлена на восстановление социальных, профессиональных, материальных и семейных ценностей жертвы азартных игр.

На сегодняшний день в Российской Федерации, а также за рубежом открыто большое количество реабилитационных центров по борьбе с алкоголизмом, наркоманией и игроманией. Однако, как показало проведенное нами

¹ Васильева Ю. Казино получили отсрочку // Российская газета. № 675. URL: <http://www.rg.ru/2008/10/14/kazino.html>.

² Родительский контроль на смартфонах: как выбрать нужное приложение // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/science/20120907/745244218.html>.

исследование, услуги таких медицинских учреждений недоступны большинству обреченных людей. Стоимость нахождения в реабилитационном центре составляет от 2 000 руб. в сутки, а в стационаре – от 4 900 руб. При этом срок реабилитации для зависимых лиц составляет от 3 до 6 месяцев¹. В связи с этим, на наш взгляд, необходимо разработать программу государственного финансирования общедоступных реабилитационных центров, а также общественных пунктов по оказанию неотложной психологической помощи.

Актуально формирование банка данных, содержащих информацию о малоимущих, ограниченно дееспособных, лицах, имеющих долговые обязательства, а также лицах, обращавшихся за психологической помощью, у которых ранее диагностирована игровая зависимость. Наличие соответствующих данных у организаторов азартных игр в игорных заведениях, букмекерских конторах и тотализаторах ограничит возможность заключения основанных на риске соглашений о выигрыше, пари и приема ставок.

Анализ криминогенной ситуации в сфере игровой деятельности выявил негативную картину, где игрок из статуса «потерпевший» превращается в преступника, совершая преступления в целях завладения денежными средствами для дальнейшей игры. В связи с этим достаточно важным направлением наряду с виктимологической профилактикой выступает осуществление индивидуальной профилактики [1], которая должна представлять собой системную деятельность. А. П. Закалюк справедливо отмечал, что «именно установление круга лиц, в отношении которых необходимо осуществление профилактического воздействия, является одной из важнейших проблем индивидуальной профилактики преступлений» [6, с. 84]. Как отмечают криминологи Е. С. Шигарев и А. В. Черняев, «предупредить преступное поведение при помощи только внешних усилий и средств, но вопреки желаниям самой личности, – очень сложная задача. В этом деле необходимо включение и внутренних сил самого человека...» [13, с. 184].

Вышесказанное позволило нам сделать вывод о необходимости комплексного подхода к профилактике незаконных организации и проведения азартных игр. Виктимологическая профилактика азартных игр лежит в основе специально-криминологического предупреждения незаконных организации и проведения азартных игр путем воздействия на участников азартных игр.

Список литературы

1. Антонян Ю. М. Проблемы индивидуальной профилактики преступлений // Пути совершенствования мер по предупреждению преступности. М., 1988. С. 64–70.
2. Багров Д. Доступный азарт // ЭЖ-Юрист. 2010. № 39.
3. Варчук Т. В. Виктимологическое моделирование в криминологии и практике предупреждения преступности: монография. – М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2012.
4. Вишневецкий К. В. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.08. М., 2008.

¹ Центр реабилитации «Единство» // URL: <http://центр-помощи.рф>.

5. Вишневецкий К. В. Место виктимологической теории в криминологии // Общество и право. 2010. № 1 (28). С. 208–213.
6. Закалюк А. П. Личность, подлежащая индивидуальной профилактике // Советское государство и право. 1984. № 2. С. 84–87.
7. Иванова О. А. Азартные игры как угроза общественной нравственности // Молодой ученый. 2013. № 9. С. 299–302.
8. Лимарь А. С. Криминологическая характеристика лиц, участвующих в незаконных организациях и проведении азартных игр // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 110–112.
9. Лимарь А. С. Социальные предпосылки вовлечения населения в азартные игры // Общество и право. 2016. № 2 (56). С. 215–217.
10. Пережогин Л. О., Вострокнутов Н. В. Нехимические зависимости в детской психиатрической практике // Российский психиатрический журнал. 2009. № 4. С. 86–91.
11. Репецкая А. Л. Виновное поведение потерпевшего и проблемы реализации принципа справедливости в уголовной политике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 1992.
12. Севостьянов Р. А., Просвирин Е. В. Проблемы уголовно-правового регулирования организации и ведения незаконного игорного бизнеса : монография. М. : Юрлитинформ, 2013.
13. Шигарев Е. С., Черняев А. В. Криминологическая теория и религия христианства о преступном поведении и его предупреждении. М., 2006.

*Лимонцева В. А.¹,
доцент кафедры теории
и истории государства и права
Государственного академического
университета гуманитарных наук,
кандидат юридических наук, доцент*

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СУЩНОСТИ ТЕРРОРИЗМА

Терроризм и экстремизм в настоящее время представляют не только основную угрозу целостности государства, его конституционного строя, но и опасность для всего мирового сообщества.

В последние десятилетия XX в. волна терроризма захлестнула мир. Размах террористических проявлений и их последствия позволяют утверждать, что началась третья мировая война – война с терроризмом.

Терроризм и обеспечение социальной, политической и экономической безопасности граждан в последние десятилетия стали насущными проблемами общественной жизни. По своим масштабам, интенсивности, жестокости и парализующему влиянию на людей терроризм превратился в злостное явление глобального характера и имеет тенденцию к постоянному и устойчивому росту.

Во многих странах, прежде всего в странах арабского мира и Ближнего Востока, политическими и националистическими радикалами созданы сотни террористических группировок, насчитывающих многие тысячи боевиков, организована разветвленная сеть лагерей. Для прикрытия таких организаций создана система банков, фондов, компаний и фирм.

«Под экстремизмом в уголовном праве понимается приверженность крайним мерам противодействия существующим в обществе отношениям, поставленным под охрану Конституции и других законодательных актов Российской Федерации» [9, с. 83]. Экстремизм во всех его проявлениях ведет к нарушению гражданского мира и согласия, подрывает общественную безопасность и государственную целостность Российской Федерации, создает реальную угрозу сохранению основ конституционного строя, межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия [7].

В исследовании Д. А. Лазарева и И. В. Полонца указано: «Экстремизм, согласно данным опроса, воспринимается как угроза личной безопасности (41 %), как угроза безопасности для своих близких (35 %) и как угроза безопасности для всех россиян (24 %)» [3].

Успехи борьбы с терроризмом могут быть достигнуты лишь совокупными усилиями различных социально-политических, юридических, военных и специальных наук.

В настоящее время не существует единого, общепринятого понятия «терроризм». Терроризм определяется как идеология насилия и практика воздействия

¹ © Лимонцева В. А., 2020.

на общественное сознание, на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [10].

В настоящее время в мире насчитывается более трехсот определений террора и терроризма.

Современное общество сталкивается с различными проявлениями терроризма, этот термин лишился четкой и однозначной смысловой нагрузки. Под терроризмом понимаются и уголовные похищения людей в целях выкупа, и политические убийства, и взрывы в местах скопления людей, и угоны самолетов, и акты насилия, направленные против государств и проводимой ими политики, против политических деятелей, собственности и интересов граждан. Термин «терроризм» нередко употребляется как синонимичный термину «террор», впервые появившемуся во Франции в период буржуазной революции 1789–1791 гг. В переводе с латинского языка терроризм означает «страх», «ужас».

Специалисты расходятся во мнении относительно времени возникновения терроризма. Массовым явлением и предметом пристального внимания общественности и научных исследований терроризм стал лишь в последние десятилетия. Причиной тому явились многочисленные террористические акты, происходящие как у нас в стране, так и в других государствах.

Последствия терроризма влекут за собой массовые человеческие жертвы. Наносится невосполнимый моральный и материальный ущерб, порождаются страх, недоверие и ненависть между народами, социальными и национальными группами. Терроризм – явление, существующее как реакция отдельных групп в том или ином обществе, не согласных с политикой и правом государства с тем, чтобы добиться желаемого результата.

Ввиду крайней сложности решения вопроса о сущности терроризма напрашивается некоторая аналогия терроризма с войной. Долгое время война представлялась явлением, неподвластным научному объяснению. В начале XIX в. немецким военным теоретиком К. Клаузевицем было выработано определение сущности войны, которое ученый связал с политикой. В трехтомном труде «О природе войны» Клаузевиц описал природу, цели и сущность войны, а также формы и способы ее ведения.

Заслуга Клаузевица – в данном им определении сущности войны «как продолжении политики другими средствами»: «...поскольку именно политика порождает войну, представляет собой ее направляющий разум, то война есть только инструмент политики, но не наоборот»¹ [2, с. 458]. На определение Клаузевица о сущности войны ссылается в своей работе В. И. Ленин: «...война есть продолжение политики другими» [4, с. 224].

Современный терроризм и, прежде всего, международный терроризм представляет сегодня глобальную опасность в мире, связан с политикой и является ее специфическим продолжением и средством достижения политических целей.

¹ Оригинал: «...daß der Krieg nichts ist als die fortgesetzte Staatspolitik mit anderen Mitteln».

История свидетельствует о том, что терроризм зарождался как политическое явление. С 1972 г. ООН стала заниматься этой проблемой. Понятие «терроризм» обычно формулируется в национальном законодательстве. Общепризнанного определения международного терроризма пока не выработано.

Терроризм признан международным преступлением, что сформулировано в декларациях, принятых Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1994 г. № 49/60, 17 декабря 1996 г. № 51/210, в ряде других международных актов, таких как Декларация 1000-летия, принятая в ООН в 2000 г., в резолюциях, принятых на юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2005 г.

Еще в бытность существования СССР на VIII Международном конгрессе ООН, состоявшемся в Гаване в 1990 г., названы причины терроризма: бедность, безработица, неграмотность, нехватка доступного жилья, несовершенство системы образования и подготовки кадров, отсутствие жизненных перспектив, отчуждение и маргинализация населения, обострение социального неравенства, ослабление семейных и социальных связей, негативные последствия миграции, распространение средствами массовой информации идей и взглядов, ведущих к росту насилия, неравенства и нетерпимости. Эти же причины порождают терроризм и в наши дни.

С распадом СССР в целом ряде регионов бывшего Советского Союза, прежде всего на Северном Кавказе, сложились условия, ставшие питательной почвой для терроризма. Этим пользуются международные террористические организации, приславшие в регион своих представителей, эмиссаров, сумевших направить стихийный социальный, политический и религиозный протест и недовольство в русло террористических действий. Волна терроризма сначала захлестнула Северный Кавказ, а затем дошла и до Центральной России, включая ее мегаполисы – Москву и Санкт-Петербург.

Анализ причин, породивших терроризм в России на исходе XX в., – чрезвычайно сложная и многоплановая проблема. В. В. Собольников и В. Д. Путятин отмечают: «Преступления совершаются по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды по отношению к какой-либо социальной группе. Эти мотивы становятся внутренними побуждениями людей, выражающимися в стремлении показать неполноценность потерпевшего в связи с его расовой, национальной, религиозной принадлежностью» [8, с. 41].

Сегодня актуальными становятся и экономические аспекты терроризма. Террористические акты, будучи направленными против крупных ядерных и промышленных объектов, складов, узлов транспорта и связи, гидротехнических сооружений, нефте- и газопроводов и других важных экономических объектов, представляют для них большую опасность и могут нанести экономике страны огромный ущерб. Для организации и координации этой деятельности в России создан специальный орган – Национальный антитеррористический комитет (НАК), и его деятельность принесла положительные результаты. В арсенале средств борьбы с терроризмом находятся и традиционные методы, применяющиеся спецслужбами многих государств. Особенно показателен опыт Израиля, осуществляющего борьбу с терроризмом, разрабатывающего приемы и методы

с учетом современного опыта мирового сообщества. Создание на предприятиях эффективной системы охраны и защиты от возможных терактов, система современной технической и инженерной защиты предприятий, пропускной режим, широкая пропаганда мер по предупреждению терроризма, воспитание у сотрудников и всех работающих на предприятии бдительности по поводу угрозы возможных терактов, обеспечение безопасности этих объектов на всех уровнях являются важными мерами по противодействию терроризму.

Успех в борьбе с терроризмом может быть достигнут только при условии заблаговременного вскрытия и выявления готовящихся терактов. Важным при этом является не поиск и задержание лиц, уже совершивших теракт, а выявление готовящихся терактов и их предотвращение в очагах террористического подполья. По вполне понятным причинам значительная часть работы силовых структур, связанных с предотвращением терактов, не рекламируется, – это тайный фронт борьбы с терроризмом. Однако нетрудно догадаться, что все акты по ликвидации главарей подпольных бандитских террористических формирований на Северном Кавказе были осуществлены именно благодаря скрытой от глаз общества эффективной работе спецслужб.

Вместе с тем можно говорить и о специальных мерах по обеспечению безопасности тех или иных объектов экономики от террористических посягательств. Но как социально-политическое явление терроризм может быть искоренен лишь при условии ликвидации причин, его порождающих. В связи с этим Э. С. Габидуллин обращает внимание на тот факт, что «лидеры экстремистских организаций оставаясь на свободе при ликвидации группы и обладая специфическими организационными навыками и финансовыми ресурсами, продолжают свою преступную деятельность» [1, с. 33]. И. С. Макеева отмечает: «...широкое использование во всех сферах деятельности современных террористов информационных технологий сети Интернет, которая служит для экстремистских и террористических организаций средством связи, “пунктом” координации действий при подготовке экстремистских акций, центром обучения методам конспирации, вербовки новых членов, “архивом” экстремистских материалов» [6, с. 52].

И если ликвидация причин, порождающих международный терроризм, – задача заведомо невыполнимая, то причины терроризма внутри страны, порождаемые внутренними противоречиями, могут и должны устраняться усилиями российских властей. Названные выше бедность и нищета, безработица, обострение социального неравенства, ослабление семейных и социальных связей, недостатки воспитания продолжают оставаться действенными социальными причинами воспроизводства идеологии и практики терроризма в стране. К сожалению, в направлении ликвидации этих причин существенного прогресса сегодня не наблюдается.

В качестве серьезного фактора общественной опасности организованной преступности В. В. Макаров, например, указывает на способность к самодетерминации. Ученым выделены важные элементы этого опасного явления: «1) слияние общеуголовной и экономической составляющей; 2) непрерывный процесс легализации денежных средств, полученных преступным путем; 3) коррумпированные

связи; 4) внедрение в политическую сферу; 5) наличие международных криминальных связей и др.» [5].

Таким образом, социальная и политическая безопасность выступает составной частью национальной безопасности России, является ее стержнем для отражения террористической угрозы. Необходим комплекс мер политического и экономического характера, которые должны быть направлены на устранение истоков терроризма.

Список литературы

1. Габидуллин Э. С. Социальная обусловленность уголовной ответственности за организацию преступных сообществ (организаций) при совершении преступлений террористического характера и экстремистской направленности // Российский следователь. 2017. № 19. С. 33–37.
2. фон Клаузевиц К. О войне. М. : Эксмо : Мидгард, 2007.
3. Лазарев Д. А., Полонец И. В. Социологический анализ общественного мнения россиян о проблеме экстремизма // Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты : материалы II Всероссийской научно-практической конференции : сборник научных статей. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2015. С. 356–360.
4. Ленин В. И. О значении воинствующего материализма // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 26.
5. Макаров В. В. Самодетерминация преступности посредством ее организованных форм // Поволжский педагогический поиск. 2013. № 4. С. 142–144.
6. Макеева И. С. О криминализации преступлений экстремистской направленности, посягающих на основы конституционного строя и безопасности государства // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 4 (22). С. 50–55.
7. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утверждена Президентом Российской Федерации 28.11.2014 № Пр-2753) // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: через коммерческую версию.
8. Собольников В. В., Путятин В. Д. Терроризм как юридико-психологическое явление: проблемно-психологический анализ и перспективы противодействия // Российский следователь. 2016. № 10. С. 40–43.
9. Тяжкова И. М. Экстремистские преступления как посягательства на внутреннюю безопасность государства // Вестник Московского университета. Серия: Право. 2012. № 4. С. 83–100.

Малов А. А.¹,

*прокурор отдела международного сотрудничества
по особо важным делам*

Главного управления

международно-правового сотрудничества

Генеральной прокуратуры Российской Федерации,

старший советник юстиции,

кандидат юридических наук

СИНТЕЗ ИНСТИТУТА ЭКСТРАДИЦИИ И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Институт экстрадиции по-прежнему остается основной формой международного сотрудничества в достижении целей уголовного судопроизводства. Выдавая обвиняемое или осужденное лицо, скрывающееся от правосудия, государство оказывает помощь в обеспечении суверенного исполнения юрисдикции запрашивающего государства над преступлением или приговором. Прерогатива реализации государственного суверенитета при экстрадиции является центральной и в перспективе имеет свое продолжение в принципе взаимности, поскольку таким образом государство обеспечивает себе аналогичное отношение в случае необходимости реализации уже своего собственного суверенитета при возникновении затруднений в его осуществлении.

Полноценная реализация государственного суверенитета на осуществление правосудия невозможна без действия правила «запрета на расследование» иностранным государством обстоятельств совершения преступления, послужившего основанием для направления запроса об экстрадиции. Иначе говоря, процедура выдачи не предназначена для определения обоснованности уголовного преследования в отношении запрашиваемого лица, что является и остается исключительной компетенцией надлежащих судебных органов запрашивающего государства.

В контексте действующих межгосударственных соглашений институт экстрадиции рассматривал выдаваемое лицо не более чем как объект при оказании межгосударственной правовой помощи. К примеру, Европейская конвенция о выдаче (в редакции от 13.12.1957), как и Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. не содержит положений, исключающих выдачу при наличии риска нарушения прав человека.

Таким образом, в силу действия правила «запрета на расследование» право на справедливое судебное разбирательство в соответствии со ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (далее – Конвенция) и все производные от него права не должны применяться к самой процедуре выдачи.

Однако последовательная позиция Европейского Суда по правам человека (далее – Европейский Суд, Суд) в вопросах экстрадиции изменила данное

¹ © Малов А. А., 2020.

правило. В деле *Soering v. the United Kingdom* Суд впервые установил, что государство может быть привлечено к ответственности за решение о выдаче лица при наличии риска жестокого обращения в запрашивающей стране независимо от того, является ли она участницей Конвенции.

Позиция, сформированная практикой Европейского Суда, как, впрочем, и позиции российских судов, первоначально придерживающихся правила «запрета на расследование», однако в последующем подвергшихся правовой нивелировке со стороны Суда, может быть выражена в следующем: правовая помощь должна быть законной и предоставляться законным способом. Данная концепция не ограничивается принципами, установленными международными соглашениями о выдаче и, тем более, национальным законодательством, но провозглашает главенство закрепленных в Конвенции основных прав запрашиваемого лица.

Эта позиция при принятии решения о выдаче или иной форме высылки лица связывает государства обязательствами по соблюдению прав человека, что накладывает на власти обязанность детального исследования и учета вероятности нарушения неотъемлемых прав человека, таких как права на защиту от пыток, жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, на справедливое судебное разбирательство, правовую определенность и свободу от дискриминации.

Отчасти требования по соблюдению прав человека нашли свое отражение в ст. 3 Второго дополнительного протокола к Европейской конвенции о выдаче от 17 марта 1978 г. (с изменениями от 20.09.2012), закрепившей право государства на отказ в выдаче лица для приведения в исполнение приговора или постановления об аресте в соответствии с решением, вынесенным в его отсутствие, если судебное разбирательство не удовлетворяло минимальным правам на защиту.

Рамочное решение Совета Европейского союза «О европейском ордере на арест и процедурах передачи лиц между государствами-членами» от 13 июня 2002 г. (с изменениями и дополнениями от 26.02.2009) прямо предусматривает возможность отказа в передаче лица, если будет установлено, что уголовное преследование или наказание осуществляется по мотивам его пола, расы, религии, этнического происхождения, гражданства, языка, политических взглядов или сексуальной ориентации.

Таким образом, выдаваемое лицо из объекта межгосударственной правовой помощи превратилось в полноценный субъект права. И вследствие такой эволюции основных прав человека страдает существовавшая до недавнего времени парадигма межгосударственного сотрудничества по уголовным делам, связующим элементом в которой является правило «запрета на расследование». Будучи обусловленной необходимостью исследования и оценки соблюдения прав человека запрашивающим государством, запрашиваемая страна поставлена в позицию вынужденного ущемления права на осуществление правосудия другим суверенным государством.

Не будем скрывать, что растущее влияние прав человека все в большей степени препятствует процедурам выдачи. Можно говорить о снижении государственного суверенитета в связи с расширением прав человека и взаимообусловленном влиянии судебных прецедентов на экстрадиционную практику

заинтересованных в международном сотрудничестве стран¹. При этом властями многих государств защита прав человека воспринимается как вмешательство в процесс оказания межгосударственной правовой помощи.

Сложности применения в процедурах экстрадиции основных прав запрашиваемого лица обусловлены тем, что вывод об их соблюдении в запрашивающем государстве носит весьма относительный и оценочный характер. К примеру, источниками информации, которыми Европейский Суд оперирует при оценке ситуации с соблюдением прав и свобод человека, выступают материалы крупнейших, позиционирующих себя в качестве правозащитных неправительственных организаций, таких как *Human Rights Watch* и *Amnesty International*, ежегодно выпускающих доклады о соблюдении прав человека в различных государствах. Актуальность проблемы с соблюдением прав и свобод человека в конкретном государстве подтверждается ссылками на публикации средств массовой информации и правозащитников, как правило, базирующихся на Западе и оппозиционно настроенных к властям государства принадлежности.

К тому же тенденция применения основных прав запрашиваемого лица обуславливается все более расширяющимся толкованием. В настоящее время превалирует правовая позиция, что выдача негативно влияет на запрашиваемое лицо и его семью, поскольку приводит к задержанию, к тому же существуют риски, связанные с его окончательной передачей. Данная позиция нашла свое выражение в деле *Launder v. the United Kingdom*, где заявитель утверждал, что его выдача в Гонконг будет препятствовать семейной жизни и несоразмерна цели экстрадиции. По вопросу соразмерности Суд заявил: «...в исключительных обстоятельствах частная или семейная жизнь заявителя в договариваемся государстве будет перевешивать законную цель, преследуемую его выдачей». Перечень таких исключительных обстоятельств не носит исчерпывающего характера и может также расширяться в каждом конкретном случае экстрадиции.

Расширительное толкование прав человека – далеко не исчерпывающий перечень оснований, усиливающих напряженность между конкурирующими аспектами межгосударственной правовой помощи. Этому могут способствовать процедуры предоставления убежища, либо статуса беженца запрошенному лицу, либо членам его семьи.

Усложнить традиции отношений между двумя государствами может также участие в вопросах экстрадиции помимо запрашивающего и запрашиваемого государства третьей страны. В силу прецедентного решения Большой палаты Суда Европейского союза (СЕС) от 6 сентября 2016 г. (дело в отношении Петрухина) установлен приоритет европейского ордера на арест перед запросом о выдаче третьего государства.

Эффективность взаимного сотрудничества между странами при расследовании уголовных дел существенным образом обусловлена также политической конструкцией межгосударственных отношений, основой которой выступает элемент доверия. Отсутствие доверия к правовой системе государства обусловлено

¹ Подробнее: Малов А. А. Эволюция правозащитной функции института экстрадиции. Законность. 2020. № 9. С. 48–52.

действием верховенства права и связано с такими проблемами, как жестокое обращение либо нестандартные условия содержания подозреваемых (осужденных), национальные стандарты уголовных процедур и судебной практики, например использование клетки в судебных разбирательствах, соразмерность наказания и т. д.

Таким образом, концепция Европейского Суда о главенстве основных прав запрашиваемого лица над принципами, установленными международными соглашениями о выдаче, превратила процедуру экстрадиции в полноценный состязательный процесс, характеризуемый в настоящее время правовой неопределенностью с уровнем стандартов прав человека и отсутствием четкой и вразумительной прецедентной судебной практики.

Малянова К. П.¹,

доцент кафедры криминалистики

и оперативно-разыскной деятельности

Ростовского юридического института МВД России,

кандидат юридических наук

Осяк В. В.²,

заместитель начальника кафедры

криминалистики и оперативно-разыскной деятельности

Ростовского юридического института МВД России,

кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Юридическая доктрина акцентирует внимание на проблеме финансирования терроризма как одной из форм насильственного экстремизма, что является актуальным как в мировом сообществе, так и на национальном уровне. Данная угроза может исходить как от небольших террористических ячеек, так и от отдельных террористов, которые в силах произвести террористические акты и таким образом посягают на безопасность личности, общества и государства. Поэтому необходимо обозначать и ликвидировать все направления и сети финансирования террористических группировок.

Понятие «финансирование терроризма» трактуется и на международном уровне, и в нормативных актах государств. Финансирование терроризма представляет собой деятельность субъектов, которая направлена на предоставление, а также сбор средств, в том числе финансовых, целью которой является их использование для подготовки и совершения преступления, террористического характера [1, с. 77–79; 2]³.

Международный процесс ограничения вторжения государственных органов в экономическую деятельность, инновационные технологии достижения в области средств связи, создание больших экономических областей с либеральным регулированием финансовых потоков значительно влияют на экономическое развитие государств. Они же являются сподвижниками заметного роста производительности и возникновения новых направлений получения прибыли в рамках как законной экономики, так и нелегальной деятельности по получению финансовых средств, которая имеет непосредственное отношение к террористической деятельности.

Всемирное объединение в различных сферах жизнедеятельности общества, таких как: экономическая, культурная, духовная и пр., – приводит к тому, что один

¹ © Малянова К. П., 2020.

² © Осяк В. В., 2020.

³ Осяк В. В., Донской Д. Д. Терроризм как угроза национальной безопасности России // Деятельность правоохранительных органов по противодействию экстремизму и терроризму : материалы международного круглого стола, 16 ноября 2018 г.

масштабный террористический акт, произошедший в одном из наиболее развивающихся государств, наносит значительный ущерб сохранению и поддержанию высокого уровня безопасности населения в других странах. По экспертной оценке, после террористического акта в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. количество бедствующих во всем мире возросло на 10 млн, а всеобщий материальный ущерб для международной экономики составил примерно 80 млрд долл.

За последнее время международные террористические организации за счет нахождения в их собственности драгоценностей различных видов оружия, а также наркотических средств и их прекурсоров имеют качественно взаимодействующую финансовую систему самообеспечения. Упомянутые организации финансируют многие оппозиционные митинги и протесты, а также другие преступления, несущие угрозу государственному аппарату и конституционному строю различных стран.

Следует учитывать тот факт, что для реализации акций и поддержки своих сетей, распространенных по всему миру, террористическим организациям требуется обширное финансирование. И если раньше основным доходом экстремистских организаций являлись такие криминальные способы, как рэкет, похищение людей в целях вымогательства, шантаж, то сейчас террористы имеют различные источники финансирования.

В настоящее время к типичным способам финансирования терроризма, сведения о которых закономерно отражаются в экономической информации, можно отнести, например, следующие:

1. Перечисления денежных средств организации под видом оплаты каких-либо услуг или товаров на счета подконтрольных террористическим организациям или лицам, связанным с террористами, за рубежом. Причем такие перечисления могут осуществляться не напрямую организациям или лицам, связанным с террористической деятельностью, а через ряд стран и организаций или лиц в целях «оторвать» источник происхождения денег от конечного получателя.

2. Средства, полученные в результате преступной деятельности террористических организаций, вкладываются в уставные капиталы подконтрольных террористам легально созданных и действующих организаций в целях получения прибыли, направляемой в дальнейшем на финансирование терроризма.

3. Денежные средства, предназначенные на финансирование терроризма, направляются под видом пожертвований в благотворительные фонды, подконтрольные террористам, откуда эти денежные средства в дальнейшем перечисляются или выдаются под видом помощи лицам, связанным с террористической деятельностью.

4. Денежные средства аккумулируются в подконтрольных террористическим организациям страховых организациях, откуда они затем выплачиваются под видом страхового возмещения лицам или организациям, связанным с террористами.

5. Приобретение ценных бумаг на фондовом рынке, которые затем перепродаются лицам или организациям, связанным с террористической деятельностью, по явно заниженным ценам. Последние продают их по реальным рыночным ценам. Таким образом, за счет разницы в ценах покупки и продажи ценных бумаг

образуется прибыль, которая является источником денежных средств, направляемых на финансирование терроризма.

6. Для финансирования терроризма могут использоваться и игорные заведения. В таких заведениях средства на финансирование получают под видом выигрыша в игры, а выдача средств на финансирование осуществляется под видом выигрышей лицам, связанным с террористической деятельностью. Естественно, само игорное заведение находится под контролем террористической организации. Могут использоваться и другие модели финансирования терроризма.

7. Способы финансирования являются различные средства, в том числе электронные кошельки, целенаправленный перевод средств и криптовалюты. При этом отработка алгоритма противодействия финансированию терроризма и экстремизма находится в завершающей стадии [3].

На современном этапе в связи сохранением обостренной обстановки, связанной с пандемией *COVID-19*, внимание властей, в том числе исполнительных органов, сфокусировано на обеспечении безопасности и здоровья граждан. Террористические ячейки вполне способны активизировать деятельность в области финансирования терроризма на фоне всемирной борьбы с новой коронавирусной инфекцией. Следует отметить, что преступники используют в своих интересах пандемию *COVID-19* для совершения недобросовестных мошеннических действий, в том числе размещения рекламы поддельных лекарств с последующим их незаконным оборотом и формирования фишинговых схем, призванных паразитировать на страхах, вызванных распространением вируса. Количество преступлений в киберпространстве, сборов средств для фиктивных благотворительных организаций, мошенничеств в медицинской сфере, приводящих к невинным жертвам, вероятно, возрастет, поскольку преступники пытаются извлечь выгоду из пандемии, используя нуждающихся в срочной помощи людей, злоупотребляя отзывчивостью широкой общественности, распространяя дезинформацию о *COVID-19*. Так, данная проблема уже актуальна для региона Сахель (Африка). На фоне распространения инфекции членами РГТФ (региональные группы по типу ФАТФ) отмечены действия по сбору, перемещению средств, а также активизации противоправной деятельности в целях финансирования своих операций.

Согласно данным Прокуратуры Российской Федерации, с января по сентябрь 2020 г. было выявлено 544 лица, совершивших преступления террористического характера, в том числе связанных с финансированием терроризма.

Важно отметить, что для дестабилизации финансовых потоков террористических организаций важным аспектом в данном процессе является взаимодействие государств. В качестве примера рассмотрим способ противодействия терроризму блокчейн – это распределенная база данных, которая хранит информацию обо всех транзакциях участников системы в виде «цепочки блоков» (именно так с англ. переводится *blockchain*). Доступ к реестру есть у всех пользователей блокчейна, выступающих в качестве коллективного нотариуса, который подтверждает истинность информации в базе данных. Блокчейн может применяться для финансовых операций, идентификации пользователей, создания технологий кибербезопасности и др. Опыт применения технологии блокчейн в области противодействия

финансированию терроризма необходимо взять на вооружение всем государствам как оправдавший себя, прогрессивный и эффективный метод.

В связи с этим стоит отметить, что органы внутренних дел участвуют в борьбе с финансированием терроризма посредством разработки и реализации профилактических, режимных, организационных, воспитательных и иных мер предупреждения, выявления и пресечения террористической деятельности; создания и поддержания в необходимой готовности ведомственных систем противодействия совершению преступлений террористического характера; предоставления материально-технических и финансовых средств, информации, транспортных средств и средств связи, медицинского оборудования и медикаментов, а также в иных формах, исходя из потребностей в области борьбы с терроризмом.

Таким образом, при обеспечении комплексного решения борьбы с организованной преступностью и финансированием терроризма основу этой деятельности должна составлять глубокая, активная и наступательная работа правоохранительных органов Российской Федерации в сотрудничестве с международными организациями.

В заключение следует отметить, что международное взаимодействие в области противодействия финансированию терроризма возможно при наличии продуманной воли каждого государства, а также при осуществлении эффективной совместной деятельности, основанной на согласовании национальных интересов [4]. Разработанная единая политика позволит объединить воли всех государств в рамках единой, совместно выработанной методики борьбы с финансированием терроризма.

Следует отметить, что задача формирования новой архитектуры международной безопасности на сегодня – одна из сложных задач, стоящих перед всеми странами. При этом нужно придерживаться следующего правила: безопасность неделима.

Список литературы

1. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 18.03.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840.
2. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (ред. от 20.07.2020 № 212-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834.
3. Корнаухова Т. В. От борьбы к профилактике терроризма // Известия вузов: Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 4. С. 26–33.
4. Бутенко А. С., Осяк В. В. Зарубежный опыт взаимодействия правоохранительных органов с институтами гражданского общества по противодействию экстремизму в сети Интернет // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2020. № 1 (45). С. 112–114.

Мурадян С. В.¹,
*преподаватель кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТЫ

Инновации создаются для того, чтобы двигать общество вперед. Государственная политика в силах установить правовой режим, направленный на создание условий, которые помогают процветать новаторскому духу, но в целях защиты общества может и создать среду, в которой дух новаторства будет сдерживаться. Достичь определенного баланса в данной сфере крайне сложно, поскольку технологические инновации в большинстве своем провоцируют создание «лазеек» для их использования в незаконных целях. Развитие общества всегда происходит быстрее, чем успевает среагировать государство путем совершенствования своей правовой системы и закрытия появляющихся пробелов.

Грамотная государственная политика и справедливое и равноправное исполнение такой политики могут помочь согласовать такие два фактора модернизации экономики, как развитие и регулирование. И даже несмотря на то, что чрезмерное регулирование, несомненно, подавляет инновации, иногда отсутствие защиты закона может поставить под угрозу прогресс в обоих измерениях.

Сегодня немногие технологии находятся на стыке этого баланса настолько близко и так остро реагируют на правовые ответы государства в их адрес, насколько криптовалюты, поскольку последние обладают реальными возможностями преобразования и в то же время разрушения как потенциально подверженные злоупотреблениям.

По сути, криптовалюта – это форма виртуального актива, который использует криптографию для защиты финансовых транзакций.

В свете выбранного акцента по освещению проблем криптовалюты приведем мнение Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), согласно рекомендациям которой криптовалюты представляют собой разновидность виртуальных денег, а именно децентрализованные, конвертируемые, распределенные, основанные на математических принципах пиринговые виртуальные валюты с открытым исходным кодом, у которых нет центрального администратора и отсутствует централизованный контроль или надзор [17, с. 4].

Криптовалюты не являются деньгами. Они не могут полноценно выполнять функции денег и не имеют надежного гаранта, который бы обеспечивал легитимность и безопасность их создания и использования. Криптовалюты нельзя использовать для повсеместной оплаты товаров и услуг, а потому их нельзя признать средством расчета. Они не могут быть использованы в качестве меры

¹ © Мурадян С. В., 2020.

стоимости и средства долгосрочного сбережения, учитывая нестабильность их собственной стоимости, если оценивать ее в официальных денежных единицах. Их цена и курс обмена на деньги подвержены значительным колебаниям.

В свете изложенного можно сделать вывод, что криптовалюта интересна в основном для проведения анонимных платежей или при необходимости устранения посреднических расходов. В связи с возможностью такого практического применения транзакции с этим видов активов часто ассоциируются с применением в целях ОД/ФТ/ФРОМУ и для обслуживания теневого оборота. По мнению ряда авторов, использование криптовалют при совершении финансовых операций может создать угрозу международным стандартам применения мер идентификации клиентов в России как члене ФАТФ. Оказание услуг на основе технологии блокчейн может сделать невозможным осуществление в их отношении государственного контроля в финансово-бюджетной сфере [11, с. 51–52].

Предполагаем, что такая позиция несколько преувеличена, учитывая имеющиеся у криптовалюты несомненные преимущества. Эмиссия криптовалют децентрализована, что позволяет добиться высокой безопасности операций с криптовалютами. В целях завладения такой цифровой валютой лицам, обладающим преступными намерениями, необходимо взломать значительное число компьютеров. В качестве пользы для пользователей отметим, что технология распределенного реестра также делает невозможным блокирование транзакций со стороны государства или банков, вследствие чего подавляющее их большинство проходит успешно. Трансграничные транзакции криптовалюты проходят мгновенно, в отличие от необходимого времени на территориально отдаленные операции с фиатной валютой.

Резюмируя, криптовалюта предстает неким новаторским решением цифровой экономики, которое одновременно вызывает заметный интерес у частного сектора и изрядное беспокойство со стороны системы государственных органов. Криптовалюты обнаруживают абсолютно новые возможности для предпринимательской деятельности, развития инвестиционного процесса, но при этом представляют собой совершенное средство для осуществления незаконных операций, вплоть до легализации денежных средств, полученных преступным путем, и финансирования терроризма. Определяющими характеристиками криптовалюты являются децентрализованность, анонимность и трансграничность. Именно благодаря им такое инновационное явление, как криптовалюта, наряду с многочисленными возможностями возлагает на государство и существенные правовые проблемы и риски, которые могут затронуть интересы юридических и физических лиц, использующих, например, биткоины в своих операциях, а также для безопасности государства в целом [8, с. 132].

Вместе с тем пользователи открытых, децентрализованных, анонимных криптовалютных сетей совершенно не заинтересованы в том, чтобы государственные органы предпринимали попытки по установлению определенного контроля на их свободном рынке.

Надо признать, что данный сектор цифровой экономики объективно обладает высокой степенью уязвимости. Это обусловлено двумя факторами. Во-первых, недостаточностью законодательного регулирования оборота криптовалют, что

позволяет совершать анонимные операции без возможности определения их целей и конечных получателей. Во-вторых, сложностью идентификации лиц, осуществляющих платежи с использованием новых финансовых технологий.

Отмеченные автором особенности криптовалюты, включая децентрализованное управление и контроль, а в некоторых случаях и высокую степень анонимности, создают новые и уникальные проблемы для общественной безопасности, которые необходимо решать, чтобы технология не использовалась преимущественно для преступной деятельности.

На сегодняшний день построение актуальной и рациональной правовой системы, направленной на регулирование оборота цифровой валюты, в частности криптовалюты, представляет собой необходимый инструмент противодействия финансированию терроризма в условиях цифровой экономики.

Однако в рамках оценки в рейтинге рисков ФАТФ перемещения средств для финансирования терроризма с использованием нерегулируемых субъектов, к которым и относятся операции с использованием криптовалют, получили весьма низкий уровень угрозы. Такая картина обуславливается невысокой частотой выявления данных фактов перемещения средств в материалах правоохранительных органов и органов финансовой разведки (в России – это Росфинмониторинг). Поскольку данный показатель основан на статистических данных, он может не отражать реального состояния дел, так как потенциально возможно существование террористических групп, использующих криптовалюту, особенно в организационных целях, но отсутствие должного государственного регулирования не позволяет объективно оценить объемы средств, находящихся в обороте в вышеуказанных сферах.

В настоящее время любое физическое или юридическое лицо имеет правовую возможность по созданию собственной криптовалюты. Вопрос стоит только в наличии необходимого технического, организационного и финансового обеспечения. В связи с этим государства часто демонстрируют консервативное отношение к цифровым активам. Чаще всего меры, направленные на их регулирование, связаны с построением системы ПОД/ФТ/ФРОМУ, учитывая высокие реальные риски государств в данных областях.

В ряде стран обращение криптовалюты запрещено. К их числу относятся: Алжир, Боливия, Вьетнам, Египет, Ирак, Марокко, Непал, ОАЭ, Пакистан. Не столь очевидный, но все равно запрет действует в Бахрейне, Бангладеш, Доминиканской Республике, Индонезии, Иране, Катар, Китае, Колумбии, Кувейте, Литве, Макао, Омане, Саудовской Аравии, Тайване, Таиланде [16].

В США сохраняется заметное стремление дать криптовалюте ясный правовой статус. В рамках 116-го созыва Конгресса, начавшего свою работу в январе 2019 г., члены нижней палаты и сенаторы США представили более 30 законопроектов, связанных с оборотом криптовалют. Тем не менее большая часть предложений касается криптовалюты косвенно, в рамках мер против отмывания денег, торговли людьми, проституции и финансирования терроризма [9].

В Европейском союзе криптовалюта была классифицирована Европейским центральным банком как конвертируемая, децентрализованная виртуальная валюта. Однако европейским банкам рекомендовано воздерживаться от проведения

операций с криптовалютами до установления их полного правового режима. В 2016 г. Европейская комиссия предложила установить дополнительное регулирование для криптовалютных бирж и компаний, предоставляющих криптовалютные кошельки пользователям, обеспечив обязательную регистрацию или лицензирование деятельности криптовалютных бирж, осуществляющих обмен криптовалюты на фиатные деньги, и наоборот, компаний, предоставляющих криптовалютные кошельки пользователям. С 15 декабря 2017 г. Директива Евросоюза о борьбе с отмыванием денежных средств была дополнена положениями, направленными на снижение риска использования криптовалюты в целях отмывания доходов, полученных преступным путем. Страны – члены Евросоюза одобрили решение об обязательной идентификации пользователей криптовалютных бирж. С января 2020 г. вступила в силу Пятая директива о борьбе с отмыванием денег (AMLD V), которая ликвидирует анонимность [14]. Согласно директиве, компании обязаны хранить информацию о том, как их клиенты используют криптовалюту. Формально эта мера призвана остановить использование токенов для нелегальных деятельности. Организации, деятельность которых связана с криптовалютой, должны регистрироваться и предоставлять информацию о клиентах в соответствующие органы.

Основоположником в сфере законодательного регулирования криптовалюты как вероятного средства ОД/ФТ является Канада. Еще до появления самого термина, 19 июня 2014 г. генерал-губернатор Канады утвердил законопроект C-31, в который были включены поправки к законам Канады о доходах от отмывания денег, добытых преступным путем, и о финансировании терроризма, связанные с цифровой валютой. С тех пор Канада лишь постепенно усиливает регулирование в данной области. Так, с 1 июня 2020 г. все криптовалютные биржи в Канаде должны регистрироваться в Канадском центре анализа финансовых операций и отчетов (*FinTRAC*) [9].

Интересная ситуация сложилась в Великобритании. В 2014 г. Управление по налогам и таможенным пошлинам заявило, что биткоин – это и не валюта, и не деньги, поэтому криптовалюта не подпадает под финансовое законодательство страны и под действие Закона Великобритании о легализации (отмывании) доходов, полученных преступным путем. Ситуация поменялась только с января текущего года, когда контроль за криптоактивами в Великобритании возложили на FCA (*Financial Conduct Authority* – финансовый регулирующий орган в Соединенном Королевстве), который, в свою очередь, занимается борьбой с отмыванием денег и финансированием терроризма.

В рамках своего отчета от 30 июня 2020 г. «О результатах исследования рынка криптовалют» (*Cryptoasset consumer research 2020*) FCA пришел к выводу, что 89 % держателей криптовалют (частных лиц) отдают себе отчет в том, что их сделки не подлежат достаточному регулированию и не являются защищенными [15]. На данный момент в правовом поле Великобритании ведется работа по поиску вышеупомянутого баланса, когда реализация политики государства сможет устранить возможные риски, связанные с криптовалютой, но поощрение и развитие инноваций в интересах потребителей в этой сфере не будет серьезно ущемлено.

Анализ деятельности государств в рассматриваемой области позволяет сделать вывод, что до сегодняшнего дня мировому сообществу так и не удалось выработать единого подхода в вопросах формирования предупредительной политики в сфере оборота криптовалюты. ФАТФ в числе основных препятствий для сотрудничества государств в сфере выявления и пресечения отмывания преступных доходов и финансирования терроризма с использованием цифровой валюты указала на неконтролируемые масштабы легализуемых средств, анонимные отношения между пользователями, невозможность идентификации клиента, отсутствие единого координационного органа для выработки единой уголовной политики в отношении незаконных криптотранзакций [7].

В Российской Федерации использование криптовалюты также является распространенным средством финансирования терроризма.

В целях развития цифровой экономики Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. [5]. Отметим, что плодотворная работа по реализации положений Стратегии возможна только в рамках комплексной модификации существующей инфраструктуры и выработки путей грамотного правового регулирования объектов цифровой экономики. Здесь мы снова возвращаемся к необходимому балансу. Представляется, что достичь такого баланса и внедрить его в правовые системы всех государств без активной отрицательной реакции со стороны бизнес-сообщества стало бы возможно после выработки единой правовой позиции на международном уровне.

В настоящее время в России на национальном правовом поле ведется работа по реализации указанной Стратегии, в том числе путем совершенствования законодательства в сфере противодействия финансированию терроризма, осуществляемого с помощью новых финансовых технологий.

Самым крупным шагом в данной области стало принятие Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который вступит в силу с 1 января 2021 г. [4].

В нем подлежит определению статус цифровых технологий, применяемых в финансовой сфере, и их основных понятий, включая криптовалюты, а также разработан механизм регулирования оборота криптовалют в соответствии со стандартами ФАТФ.

Данным Федеральным законом законодатель поставил под фискальный контроль максимально большой объем операций с денежными притязаниями, а также включил организации, осуществляющие операции с применением финансовых технологий, в субъекты Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [2].

Разграничение понятий «цифровая валюта» и «цифровые финансовые активы», закрепленное в анализируемом законе, должно повлечь за собой внесение изменений в ГК РФ, поскольку цифровая валюта признается имуществом, но не цифровыми правами.

18 марта 2019 г. уже был принят Федеральный закон № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», который дополнил ГК РФ ст. 141.1 «Цифровые права» [3]. В соответствии с п. 1 ст. 141.1 ГК РФ цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

Цифровые финансовые активы представляют собой разновидность цифрового права и, соответственно, выступают законным объектом гражданско-правовых сделок. Цифровая валюта объектом гражданского права прямо не признана, а именно к ней и относятся криптовалюты.

В связи с этим предлагается дополнить ст. 128 ГК РФ дополнительным видом объекта гражданского права – цифровой валютой – в свете принятия Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ.

И. А. Покровский писал, что «закон, даже самый совершенный, неизбежно отстает от жизни...» [12, с. 94–95]. Процесс законотворчества, а затем и внедрения в жизнь принятых в рамках законов положений занимает достаточно много времени, он менее подвижен, чем деятельность судебной системы. Это доказывает и уже существующая ее реакция на появление криптовалюты в рамках института уголовного права.

Решение вопросов использования цифровых финансовых активов в транзакциях, подпадающих под действие ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ, основана на правовой позиции, сформулированной в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» [6]. Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что исходя из положений ст. 1 Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16 мая 2005 г. и с учетом Рекомендации 15 ФАТФ предметом преступлений, предусмотренных ст.ст. 174 и 174.1 УК РФ, могут выступать в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления. Однако использование тех же цифровых финансовых активов в транзакциях, подпадающих под действие ч. 11 ст. 205.1 УК РФ, на данный момент нигде не урегулировано, и остается ждать вступления в силу Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ.

Согласно примечанию 1 к ст. 205.1 УК РФ под финансированием терроризма понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст.ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279,

360 и 361 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из указанных преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования или преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из указанных преступлений [1]. Из данного определения не совсем ясно, можно ли отнести криптовалюту к средствам в рамках финансирования терроризма. Стоит учесть, что «расширение сферы обращения и повышенный криминальный интерес к использованию криптовалюты все чаще вынуждают правоприменителя признавать ее предметом или средством преступления» [10, с. 89].

На сегодняшний день две области – технологическая, представленная блокчейн-технологией, и финансовая в виде криптовалюты – неразрывно связаны, но обладают разным значением, соответственно, и отношение к ним тоже сформировалось различное: на финансовый раздражитель – криптовалюту – у политиков срабатывали запретительные рефлексy, а технологический феномен – блокчейн – вызывал любопытство. Многие правительства одновременно рассматривали криптodenьги как потенциальную угрозу и изучали возможности блокчейна для собственных политических нужд.

Китай первым оповестил о заинтересованности в создании национальной криптовалюты, открыв в 2014 г. проект *DCEP (Digital Currency Electronic Payment)*. Система должна включать в себя два типа цифровой валюты: валюту для коммерческих банков и выпуск коммерческими банками цифровых денег для физических и юридических лиц. В итоге, 18 апреля текущего года Сельскохозяйственный банк уже опробовал в тестовом режиме приложение для использования национальной криптовалюты. А с конца апреля 2020 г. Китай планировал активизировать национальную платформу под названием *BSN*. Некоторые задержки связаны с пандемией *COVID-19*. Китай продолжает бороться за создание национальной криптовалюты, поскольку это позволит существенно повысить отслеживаемость и наладить систему контроля за транзакциями с цифровой валютой. На сегодняшний день движение в сторону внедрения криптоюаня подтверждается открытием крупным банком Китая *China Construction Bank (CCB)* регистрации кошельков для электронных юаней.

По подобному пути намерена двигаться и Россия. Банк России 13 октября 2020 г. выпустил доклад для общественных консультаций, посвященный возможности выпуска в России цифрового рубля – третьей формы денег наравне с наличными и безналичными деньгами. Для ответа на вопрос, будет ли цифровой рубль фиатной криптовалютой, необходимо решить, будет ли цифровой рубль основан на технологии распределенных реестров и будет ли использоваться электронная подпись для подтверждения прав владения и распоряжения им.

В докладе указано: «Цифровая валюта центрального банка может быть построена с использованием технологии распределенных реестров (*DLT*)». Это в явном виде говорит о том, что цифровой рубль может быть по своей природе криптовалютой, пусть и фиатной (фидуциарной) [13, с. 33]. Однако в том же разделе доклада отмечается, что система цифрового рубля также может быть

выполнена в централизованном или гибридном виде, из чего следует, что цифровой рубль может и не стать криптовалютой.

Однако уже сейчас возникают перспективы использования цифрового рубля в целях повышения прозрачности расчетов и снижения рисков ОД/ФТ/ФРОМУ, а также расходов финансовой индустрии на противодействие противоправным действиям. Одним из преимуществ введения цифрового рубля как раз является возможность проведения анализа на основе больших массивов данных об экономических субъектах и их платежах.

Открытым пока является вопрос о распределении контрольных функций по ПОД/ФТ/ФРОМУ между Банком России и финансовыми посредниками в условиях использования цифрового рубля. Это будет зависеть от характера доступа финансовых посредников к данным о транзакциях с ним.

Реалистичнее нам представляется реализация модели, при которой финансовые институты, являясь субъектами исполнения национального законодательства в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ, наделены соответствующими полномочиями, а их текущий функционал, реализуемый в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ, можно будет распространить в том числе и на операции клиентов с цифровым рублем. В рамках этих мероприятий финансовым институтам потребуется модернизировать имеющиеся ресурсы, применяемые в ходе анализа деятельности клиентов [13, с. 18].

Предпринятые государством шаги вполне оправданны. Учитывая отсутствие должного согласия в рамках международного сообщества, государства вынуждены искать пути по искусственному созданию условий, направленных на стагнацию распространения криптовалют. Так, планируется, что цифровая валюта Банка России будет эмитироваться с помощью цифровых технологий, что отвечает имеющимся трендам. Но, в отличие от криптовалюты, она представит собой равноценную форму национальной валюты, и ее устойчивое функционирование в интересах граждан и бизнеса будет обеспечиваться государством в лице Центрального банка Российской Федерации, доверием к уже существующей национальной валюте.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (ред. от 31.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834.
3. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398.
4. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные

законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753.

5. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: через коммерческую версию.

6. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: через коммерческую версию.

7. Отчет ФАТФ-2014 «Виртуальные валюты: ключевые определения и потенциальные риски в сфере ПОД/ФТ» // Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма. URL: https://eurasiangroup.org/files/FATF_docs/Virtualnye_valuty_FATF_2014.pdf.

8. Егорова М. А., Ефимова Л. Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // Lex Russica. 2019. № 7 (152). С. 130–140.

9. Как в разных странах регулируют криптовалюту: обзор законов 2020 // Habr. URL: <https://habr.com/ru/company/moneypipe/blog/523354>.

10. Ляскало А. Н. Криптовалюта как предмет и средство преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XVI Международной научно-практической конференции. М., 2019. С. 87–92.

11. Поветкина Н. А., Леднева Ю. В. «Финтех» и «регтех»: границы правового регулирования // Право: Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 46–67.

12. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 1998.

13. Цифровой рубль: Доклад для общественных консультаций // Банк России. URL: https://cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf.

14. Anti-money laundering (AMLD V) – Directive (EU) 2018/843 // European Union. URL: https://ec.europa.eu/info/law/anti-money-laundering-amld-v-directive-eu-2018-843_en.

15. Cryptoasset consumer research 2020 // Financial Conduct Authority. URL: <https://www.fca.org.uk/publication/research/research-note-cryptoasset-consumer-research-2020.pdf>.

16. Regulation of Cryptocurrency Around the World // The Law Library of Congress. URL: <https://www.loc.gov/law/help/cryptocurrency/world-survey.php>.

17. Virtual Currencies – Key Definitions and Potential AML/CFT Risks // The Financial Action Task Force (FATF). URL: <http://www.fatf-gafi.org/publications/methodsandtrends/documents/virtual-currency-definitions-aml-cft-risk.html>.

Мысина А. И.¹,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ЗНАЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пространство информационных технологий не знает ни физических, ни виртуальных границ, в связи с чем для органов внутренних дел Российской Федерации межгосударственное взаимодействие в борьбе с информационной преступностью представляется особенно значимым, поскольку злоумышленники все чаще совершают противоправные деяния, наказуемые в соответствии с нормами УК РФ на территории другого государства, или, например, скрываются за границей уже после совершения преступления, чтобы избежать ответственности [3]. В современных условиях развития общества киберпреступнику не нужно покидать собственный дом и пересекать национальные границы для совершения противоправных действий, причиняющих ущерб одновременно представителям нескольких государств [4]. Определенные трудности возникают также в ходе раскрытия и расследования преступлений в сфере информационных технологий, совершаемых организованными преступными группами, члены которых являются представителями различных государств.

Вопросы уголовно-правового характера, а также раскрытия и расследования противоправных деяний относятся к суверенному ведению государств, в связи с чем международное сотрудничество в рассматриваемой области требует соблюдения формальных процедур, нередко занимающих значительное количество времени [5]. Злоумышленники, в свою очередь, с высокой скоростью обмениваясь необходимой информацией при помощи возможностей интернета и даркнета, активно используют это время для сокрытия следов совершения преступлений.

Большое внимание в контексте исследуемой тематики уделяется соблюдению принципа *double criminality* (двойной криминальности) и возникающей в данной ситуации проблеме гармонизации национального уголовного законодательства в сфере информационных технологий. Не менее важную роль для органов внутренних дел Российской Федерации играет также реализация обмена информацией по каналам связи международных правоохранительных организаций, например таких, как Интерпол, и использование международных баз данных и возможностей специализированных отраслевых структур, в частности Глобального комплекса инноваций Интерпола.

Кроме того, значительная роль отводится совершенствованию процессов обмена необходимой информацией между национальными правоохранительными

¹ © Мысина А. И., 2020.

органами различных государств [2]. В том числе, на сегодняшний день представляется обоснованным обеспечение возможности передачи информации в электронном виде, что значительно повышает скорость получения необходимых данных. В настоящее время в СНГ ведется работа по заключению двусторонних соглашений в рассматриваемой сфере. В частности, следует отметить Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь об информационном взаимодействии и обмене информацией в электронном виде по вопросам, относящимся к компетенции органов внутренних дел, 2018 г. Обозначенный международно-правовой акт предусматривает возможность обмена между компетентными органами государств необходимой информацией в электронном виде, в том числе допускается передача персональных данных. Указанный международный договор предусматривает разработку технических протоколов информационного взаимодействия, технологического взаимодействия и защиты информации. В обозначенных протоколах устанавливаются перечень передаваемых и получаемых в электронном виде сведений, технология и порядок передачи, хранения, уничтожения и защиты информации, а также доступа к ней, сроки установки технических средств, введения в эксплуатацию каналов связи, а также их обслуживания.

Международное сотрудничество по противодействию преступлениям в области информационных технологий имеет определенное значение для представителей различных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, например для следователей, экспертов-криминалистов, оперативных сотрудников полиции.

Так, в соответствии с положениями п. 3 ч. 2 ст. 151 УПК РФ предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных, к примеру, такими статьями УК РФ, как ст. 159.6 («Мошенничество в сфере компьютерной информации»), ст. 272 («Неправомерный доступ к компьютерной информации»), ст. 273 («Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ»), ст. 274 («Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей») осуществляется следователями органов внутренних дел Российской Федерации. Обозначенные составы преступлений нередко приобретают транснациональный характер. В подобных ситуациях успех расследования во многом зависит от эффективности межгосударственного взаимодействия. Кроме того, возникают проблемы определения юрисдикции и подследственности преступлений международного характера в сфере информационных технологий, что, в свою очередь, лишает правоохранительные органы перспективы расследования преступления по горячим следам и влечет утрату возможности своевременного проведения следственных действий, главным образом в связи с недолговечностью доказательств. Концептуально международно-правовая регламентация единообразных подходов к урегулированию вопросов борьбы с информационной преступностью на универсальном уровне, в том числе направленная на гармонизацию норм уголовного права в контексте заявленной проблематики, оказала бы положительное влияние на работу следователей, в частности применительно к реализации института экстрадиции, главным образом на основании

Европейской конвенции о выдаче 1957 г. и Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г.

Относительно профессиональной деятельности экспертов-криминалистов следует обратить внимание на необходимость совершенствования работы по проведению компьютерных экспертиз. Актуальность развития обозначенного направления экспертной деятельности стремительно возрастает, поскольку на сегодняшний день в процессе расследования преступлений все чаще возникает потребность в проведении компьютерной экспертизы. Значительное внимание в данном контексте следует уделить исследованию передового опыта международных организаций (например, таких как ООН и Интерпол) по профессиональной подготовке полицейских кадров в области проведения компьютерных экспертиз. С позиции автора нарастает необходимость в направлении представителей экспертно-криминалистических подразделений на стажировку в специализированные международные организации для изучения передового опыта в области проведения компьютерных экспертиз, а также увеличения набора курсантов в Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя по данной специальности. В современных условиях верховенства права [1] значительная роль также отводится разработке и принятию международно-правовых стандартов проведения компьютерной экспертизы в целях гармонизации норм национального права в рассматриваемой сфере. Указанные меры позволят с наибольшей результативностью использовать в расследовании преступлений результаты компьютерных экспертиз, проводимых компетентными органами иностранных государств. В свете развития транснационального сотрудничества по противодействию информационной преступности большое значение имеет налаживание двустороннего межгосударственного взаимодействия в области судебно-экспертной деятельности. Так, 12 октября 2017 г. подписано Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Государственным комитетом судебных экспертиз Республики Беларусь в сфере судебно-экспертной деятельности, которое нацелено на развитие межведомственного взаимодействия по проведению научных исследований в области судебно-экспертной деятельности, научно-методического обеспечения производства судебных экспертиз, а также экспертных исследований, оказания практического и методического содействия, в частности обмена опытом относительно экспертной практики¹.

Международное сотрудничество по противодействию информационной преступности представляется не менее актуальным и для оперативных сотрудников полиции, поскольку в п. 15 ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» предусмотрена возможность проведения оперативно-розыскного мероприятия «получение компьютерной

¹ В Минске подписано Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Государственным комитетом судебных экспертиз Республики Беларусь в сфере судебно-экспертной деятельности // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Centri/IEkspertno_kriminalisticheskij_centr/Publikacii_i_vistuplenija/item/11329811.

информации»¹, что, в свою очередь, имеет непосредственное значение для раскрытия преступлений в сфере информационных технологий. Кроме того, если рассматриваемые противоправные деяния приобретают транснациональный характер, возникает потребность в инициировании межгосударственного розыска в соответствии с положениями Инструкции о едином порядке осуществления межгосударственного розыска лиц, утвержденной на заседании СМВД 6 сентября 2007 г., или международного розыска по линии Интерпола. Более того, существует практика направления компетентным органам розыскных заданий, связанных с проведением различного рода оперативно-розыскных мероприятий на территории иностранного государства. В рамках борьбы с информационной преступностью розыскные задания последних лет нередко содержат просьбу иностранного государства относительно установления IP-адресов предполагаемых киберпреступников.

Подводя итоги вышеизложенному, необходимо сделать вывод о том, что международное сотрудничество в борьбе с информационной преступностью имеет большое значение для представителей различных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации. Значительную роль в данном контексте играет возможность информационного обмена по каналам связи международных правоохранительных организаций, таких как Интерпол и Европол, а также использование возможностей специализированных отраслевых структур. Большое значение также имеют выработка и международно-правовая регламентация единообразных подходов к осуществлению противодействия преступлениям в сфере информационных технологий, а также совершенствование процессов обмена данными между правоохранительными органами различных государств. Таким образом, органам внутренних дел Российской Федерации в контексте исследуемой проблематики необходимо и в дальнейшем принимать активное участие в налаживании диалога с зарубежными партнерами по развитию международного сотрудничества в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий в целях расширения технологических и нормативно-правовых возможностей противодействия преступлениям, совершаемым в данной области.

Список литературы

1. Водянов А. В., Пузырева Ю. В. Информационное обеспечение сотрудничества государств по линии Интерпола // Образование. Наука. Научные кадры. 2018. № 1. С. 48–51.
2. Галиев Р. С., Козлова А. А. Универсальные международные межправительственные организации как институциональная основа сотрудничества государств в противодействии преступности // Алтайский юридический вестник. 2018. № 3 (23). С. 7–12.
3. Козлова А. А. Международно-правовые основы сотрудничества государств в сфере противодействия незаконному обороту человеческих органов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М., 2019.

¹ Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изм. и доп.) // НПП «Гарант-сервис». URL: <http://base.garant.ru/10104229>.

4. Котляров И. И., Пузырева Ю. В. Международно-правовые аспекты деятельности органов внутренних дел России // Московский журнал международного права. 2015. № 3 (99). С. 37–57.
5. Котляров И. И., Пузырева Ю. В. Международное право и его роль в деятельности органов внутренних дел России // Вестник экономической безопасности. 2015. № 7. С. 52–61.
6. Мысина А. И. Региональные механизмы сотрудничества государств по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий // Современное право. 2020. № 1. С. 119–124.
7. Пузырева Ю. В., Мысина А. И. Международное полицейское сотрудничество по вопросам раскрытия и расследования преступлений в сфере информационных технологий. Монография. М. : Инфра-М, 2020.
8. Русскевич Е. А. Уголовное право и «цифровая преступность» : монография. М. : Инфра-М, 2019.

*Нарзуллозода С. С.¹,
преподаватель кафедры уголовного права,
криминологии и психологии факультета № 2
Академии МВД Республики Таджикистан*

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ТАДЖИКИСТАНА (1922–1961 ГГ.)

Институт ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатацию транспортных средств по уголовному законодательству Таджикистана имеет довольно насыщенную историю своего становления и развития. Изучение этой истории позволит дать четкое представление об особенностях формирования данного правового явления.

Историко-правовое исследование ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств по уголовному законодательству Таджикистана имеет немаловажное значение в силу того, что это важно, во-первых, для дальнейшего развития теории уголовного права, во-вторых, для совершенствования уголовного законодательства и, наконец, для его эффективного применения на практике.

Известно, что с помощью ретроспективного исследования можно выявить поэтапное становление уголовной ответственности за исследуемое преступление и определить закономерности его развития, а также использовать их в дальнейшем как более эффективные правовые средства в области борьбы с преступностью.

Кроме того, исследование становления и развития рассматриваемого преступления позволит извлечь уроки из прошлого для накопления опыта в настоящем и передачи информации будущим поколениям, так как, по справедливому замечанию отечественных ученых юристов, принцип историзма способствует анализу действующих уголовно-правовых норм [1, с. 3].

Говоря об истории развития цивилизации вообще, необходимо отметить, что таджики, как достойные представители человечества, внесли довольно весомый вклад в развитие цивилизации в целом, и в историю Ближнего и Среднего Востока в частности [2, с. 3].

Однако, говоря о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а уж тем более о становлении уголовной ответственности за эти нарушения, необходимо отметить, что эта история в таджикском уголовном законодательстве не настолько богата. Ведь возникновение транспортных правоотношений связана, прежде всего, с появлением самого транспортного средства.

У. А. Азизов отмечает, что после установления на территории Таджикистана Советской власти основным источником уголовного права на его территории стал Уголовный кодекс РСФСР от 1922 г. [3, с. 132] (далее – УК РСФСР или УК).

¹ © Нарзуллозода С. С., 2020.

Данный кодекс состоял из двух частей – Общей и Особенной, которые включали в себя 227 статей. Результат изучения этого кодекса показывает, что в нем отсутствовали нормы, связанные с исследуемыми нами преступлениями. Ученые, которые в той или иной степени рассматривали данный вопрос, объясняют это прежде всего тем, что в то время на территории РСФСР производство транспортных средств не было развито.

Так, по мнению А. П. Бохана, с 1908 г. впервые автомобили начали производить на Русско-Балтийском заводе в Риге, но до 1916 г. этим заводом было выпущено всего 450 автомобилей [4, с. 18–19].

М. В. Федорченко отмечает, что «в России первый автомобиль был построен в 1910 г. В начале XX в. автомобильный парк мира, сосредоточенный, в основном, в Северной Америке и Западной Европе, не превышал 15 тыс. автомобилей, произведенных в США, Германии, Франции и Великобритании» [5, с. 17].

Стоит отметить, что изучение отечественной истории свидетельствует о том, что на территории Таджикистана первый автомобиль появился в 1914 г. в г. Худжанд, и только в 1930 г. – в г. Душанбе [6, с. 5].

Как было отмечено ранее, производство транспортных средств в исследуемый период не было развито. Однако с началом технической революции, с расширением инфраструктуры дорог появилась реальная потребность в современных средствах передвижения, и в соответствии с этими требованиями количество транспортных средств ежегодно стало увеличиваться. Несмотря на прогресс в этом направлении, в УК РСФСР от 1922 г. отсутствовали нормы, регламентирующие вопросы, связанные с ответственностью за нарушение правил дорожного движения. Поэтому при исследовании возникает вполне логичный вопрос: если лицо нарушает правила дорожного движения или эксплуатацию транспортных средств, по какой статье УК оно привлекалось?

Отвечая на данный вопрос, И. В. Жулев подчеркивает, что «такие деяния в случае причинения смерти или телесных повреждений потерпевшим от транспортных происшествий квалифицировались по соответствующим статьям гл. V “Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности”. Прямого упоминания о транспортных средствах нет даже в статьях, устанавливающих ответственность за оставление в опасности (ст.ст. 163–165 УК РСФСР)» [7, с. 213].

А. Г. Рублев пишет, что при совершении данного преступления, повлекшего значительный имущественный ущерб, оно квалифицировалось по ст. 111 УК РСФСР как преступно-небрежное исполнение водителем своих служебных обязанностей [8, с. 227].

Сложно не согласиться с оценкой автора, так как по смыслу ст. 10 УК «в случае отсутствия в Уголовном кодексе прямых указаний на отдельные виды преступлений, наказания или меры социальной защиты применяются согласно статьям Уголовного кодекса, предусматривающим наиболее сходные по важности и роду преступления, с соблюдением правил общей части сего Кодекса» [9].

Необходимо отметить, что поначалу ст. 218 УК РСФСР предусматривалась уголовная ответственность только за неисполнение или нарушение правил, установленных законом, или обязательным постановлением для охраны порядка и

безопасности движения по железным дорогам и водным путям сообщения. Однако постановлением ВЦИК от 10 июля 1923 г. в ст. 218 УК РСФСР было вынесено изменение, суть которого заключалась в применении уголовной ответственности не только за нарушение правил безопасности движения на железных дорогах и водных путях, но также за нарушение правил передвижения по сухопутным дорогам [10].

В связи с тем, что данное изменение имеет исторический характер, считаем целесообразным отметить его значимые положения:

1. Ответственность за нарушение правил безопасности движения железнодорожного, водного и сухопутного транспорта объединялась в одной статье.

2. Это объединение было сделано на основании объекта данного преступления (общественные отношения в сфере охраны порядка и безопасности движения в общей сфере транспорта).

3. Именно в этот период впервые в истории уголовного законодательства стал употребляться термин «безопасность движения».

Однако некоторые правоведы отмечают, что вместе с положительными изменениями данная статья не смогла в достаточной степени обеспечить безопасность дорожного движения [7, с. 21]. Дело в том, что состав данного преступления являлся формальным, т. е. его диспозиция не предусматривала наступления последствий преступления. Кроме того, санкцией предусматривался штраф в размере до 300 руб. или обязательные работы, которые приравнивались в то время к административному наказанию.

Таким образом, проанализировав УК РСФСР от 1922 г., можно прийти к выводу, что в первом уголовном кодексе советского периода нормы, регулирующие транспортные преступления, не были объединены в единую специальную систему.

Несмотря на то, что УК РСФСР 1922 г. сыграл важную роль в истории таджикского уголовного законодательства, в 1926 г. его действие на территории Таджикистан было прекращено. Это было связано с тем, что в соответствии с постановлением Совета ЦИК Узбекской ССР от 16 июня 1926 г. в Таджикистане начал действовать Уголовный кодекс Узбекской ССР (далее – УК УзССР) [11].

Анализ УК УзССР показывает, что его нормы, связанные с рассматриваемыми нами преступлениями, не особо отличались от нормы УК РСФСР от 1922 г. Так, ст. 256 УК, предусматривающая уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения, была идентична ст. 218 УК РСФСР. Более того, понятие «безопасность движения», появившееся в УК РСФСР, в УК УзССР отсутствовало.

Необходимо констатировать тот факт, что уголовное законодательство в области безопасности дорожного движения того времени значительно отставало от реальной жизни. Это связано с тем, что в тот период времени не существовало единого подхода к применению наказания в отношении лиц, совершивших нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, которые привлекались к ответственности по различным статьям уголовного закона, что является доказательством отсутствия единообразного применения нормы кодекса. Однако процент преступлений, связанных с нарушением правил дорожного

движения и эксплуатацией транспортных средств, с каждым годом увеличивался. Именно этот факт послужил основанием для принятия постановления ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по усилению борьбы с транспортными преступлениями» [12, с. 243–244].

Почти в это же время было принято постановление Пленума Верховного Суда СССР (25 мая 1932 г.), согласно которому, если совершение такого преступления повлекло за собой смерть человека, такое деяние должно было квалифицироваться по ст. 111 УК, а в случае наступления смерти двух или более лиц – в соответствии со ст. 593в УК [5, с. 23].

Итак, как было отмечено выше, на территории Таджикистана вплоть до 1935 г. действовал УК УзССР. Действие данного кодекса было отменено постановлением II сессии ЦИК Советов Таджикской ССР, в соответствии с которым с 15 июня 1935 г. на территории Таджикской ССР вводился в действие Уголовный кодекс Таджикской ССР (далее – УК ТССР) [11].

По справедливому замечанию Р. Хамракулова, «накопленный к тому времени богатый опыт братских союзных республик в области кодификации в значительной степени облегчил создание первого УК Таджикской ССР» [13, с. 35]. Принятие УК ТССР стало важным этапом развития отечественного уголовного права и укрепления законности в республике. Надо сказать, что в основу УК ТССР легли «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик», ряд других общесоюзных законов. Однако при составлении УК ТССР наибольшее влияние оказали именно УК РСФСР и УК УзССР [14, с. 36].

Принятие первого УК ТССР в 1935 г. имело большое историческое значение еще и в силу того, что он был принят с учетом особенностей таджикского народа.

Проанализировав УК ТССР 1935 г., мы пришли к выводу о том, что в нем встречается ряд новых норм, связанных с темой нашего исследования. Так, появились новые термины и понятия, которые отсутствовали в предыдущих кодексах, действовавших на территории ТССР (*речь идет об УК РСФСР от 1922 г. и УК УзССР от 1926 г. – Н. С.*). Например, ст. 70 («Разрушение или повреждение железнодорожных или иных путей сообщения...»), ч. 2 ст. 91 («Нарушение правил регистрации автомобилей»), ст. 94 («Нарушение установленных норм по охране порядка и безопасности движения») [14].

Еще одним существенным новшеством в уголовном законе являлось появление ст. 71 («Нарушение работниками транспорта трудовой дисциплины»), из содержания которой можно выделить следующие ее особенности:

- субъектом данного преступления являлся специальный субъект – работник транспорта;
- последствия преступления установлены в диспозиции;
- статья разделена с учетом формы вины на две части – по неосторожности и умышленно;
- в санкции установлено более тяжкое наказание: ч. 1 предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет, а в ч. 2 – смертную казнь с конфискацией имущества.

В последующем в УК ТССР неоднократно выносились изменения и дополнения, однако ни в редакции от 15 апреля 1942 г. [15], ни в редакции от 1 июля

1951 г. [14] исследуемая нами статья не подверглась каким-либо существенным изменениям или дополнениям.

Таким образом, на основании историко-правового исследования норм отечественного уголовного законодательства института ответственности за нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств нами выделены два основных этапа его развития.

Первый этап (1922–1935 гг.) – появление общих норм об уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Этот период характеризуется отсутствием в УК систематизации норм, регулирующих отношения в области нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Уголовное законодательство в этой сфере значительно отставало от реальной действительности. При совершении нарушений, связанных с правилами дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, лицо привлекалось к ответственности по различным статьям УК, так как на практике единообразного применения норм УК в этой области не существовало. Однако эти нормы послужили предпосылкой для дальнейшего развития уголовного законодательства в рассматриваемой нами области.

Второй этап (1935–1961 гг.) – дальнейшее развитие в уголовном законодательстве Таджикистана института ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Этот период начинается с принятия постановления Президиума ЦИК Таджикской ССР о введении в действие с 15 июня 1935 г. первого УК Таджикской ССР, отличающегося от действовавших ранее уголовных кодексов появлением новых норм, регулирующих отношения в области безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. В частности, появились новые термины и понятия, которые отсутствовали в редакции предыдущих кодексов. Существенным прорывом в этой области, который говорит о преимуществах нового уголовного законодательства, следует считать ст. 71 УК Таджикской ССР, в которой конкретизирован субъект преступления; в диспозиции статьи были четко установлены последствия преступления, с учетом формы вины статья была разделена на две части, а санкция стала более жесткой.

Список литературы

1. Азизов У. А. Развитие уголовного законодательства Республики Таджикистан (1961–2007 гг.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Душанбе, 2008.
2. Халиков А. Г. Древнее уголовное право таджиков (Зороастрийская эпоха) : учебное пособие. Душанбе : Джамил, 2004.
3. Азизов У. А. Формирование Советского уголовного права и особенности развития институтов преступления и наказания в Таджикистане (1917–1924 гг.) // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики: Серия общественных наук. 2015. № 3 (3). С. 130–138.
4. Бохан А. П. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Ростов н/Д, 2002.

5. Федорченко М. В. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2005.

6. Собиров А. Т., Мунавваров Х. Х. Правила дорожного движения Республики Таджикистан с комментариями = Қоидаҳои Ҳаракат дар роҳҳои Љумъурии Тоҷикистон бо тафсираш. Душанбе : Академияи ВКД, 2009.

7. Комарикова С. А. Уголовно-правовая оценка нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (статья 264 УК РФ) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Омск, 2018.

8. Рублев А. Г. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Екатеринбург, 2006.

9. Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики от 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

10. Постановление ВЦИК X созыва от 10 июля 1923 г. // СУ. 1923. № 48. Ст. 479.

11. Уголовный кодекс Таджикской Советской Социалистической Республики (с изм. и доп. до 01.01.1938): Издание Народного комиссариата юстиции Таджикской ССР. Сталинабад : Таджикгосиздат, 1938.

12. Постановление ЦИК и СНК СССР 13 марта 1929 г. (СЗ № 21) «О мероприятиях по усилению борьбы с транспортными преступлениями» // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917–1953 гг. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1953. С. 243–244.

13. Хамракулов Р. Вопросы теории и практики кодификации уголовного законодательства союзной республики: по материалам Таджикской ССР. Душанбе : Таджикский государственный университет имени В.И. Ленина, 1962.

14. Муллаев М. М. История уголовного права Таджикской ССР : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Душанбе, 1968.

15. Уголовный кодекс Таджикской Советской Социалистической Республики (в ред. от 15.04.1942). 3-е изд. Сталинабад : Государственное издательство Таджикистана, 1942.

16. Уголовный кодекс Таджикской Советской Социалистической Республики (в ред. от 01.07.1951). Сталинабад : Таджикгосиздат, 1952.

Пихов А. Х.-А.¹,
*начальник кафедры деятельности
 органов внутренних дел в особых условиях
 учебно-научного комплекса специальной подготовки
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 доктор юридических наук, доцент*

ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ КВАЛИФИКАЦИЯ

Противодействие терроризму, приобретающему все более ярко выраженный транснациональный и международный характер, в настоящее время является одним из наиболее актуальных направлений уголовной политики для подавляющего числа государств, в том числе и Российской Федерации. Подтверждением тому служит российское уголовное законодательство, выступающее одним из индикаторов процессов, происходящих на международной и внутригосударственной политических аренах. Остановимся на критическом анализе изменений и дополнений УК РФ, произведенных в целях повышения эффективности противодействия преступлениям, относящимся к террористической деятельности.

Так, Федеральным законом от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ Особенная часть УК РФ была дополнена ст.ст. 205.3 «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности», 205.4 «Организация террористического сообщества и участие в нем» и 205.5 «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации». В дальнейшем данные статьи УК РФ подверглись изменениям, преимущественно коснувшимся их санкций в сторону повышения строгости наказания за соответствующие преступления террористической направленности [6]. Одновременно та же тенденция нашла свое отражение и в ряде статей Общей части УК РФ, регламентирующих для террористических преступлений срок наказания в виде лишения свободы, отягчающие обстоятельства, условное осуждение, сроки давности уголовной ответственности и наказания, отсрочку отбывания наказания. Кроме того, были внесены существенные изменения и дополнения в ст.ст. 205 «Террористический акт» и 205.1 «Содействие террористической деятельности»: в первой из них определение цели террористического акта в виде воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями была заменена формулировкой «дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений»; а ст. 205.1 УК РФ была дополнена ч. 4, предусматривающей ответственность за организацию совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст.ст. 205, 205.3, чч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211 УК РФ, или руководство его совершением, а равно организацию финансирования терроризма. Изучение данных изменений и дополнений уголовного законодательства позволило сформулировать

¹ © Пихов А. Х.-А., 2020.

ряд критических замечаний, касающихся нарушений принципа системности права и (или) способных снизить эффективность соответствующих новелл в сфере ответственности за преступления террористической направленности.

Во-первых, поддерживая в целом усиление наказания за преступления террористической направленности, законодателю следовало проявить большую последовательность и учесть системные свойства уголовного законодательства и уголовной политики. Так, ст. 56 УК РФ была дополнена положением о том, что при совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст.ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, чч. 3 и 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, ст.ст. 277, 278, 279, 353, 356, 357, 358 и 360 УК РФ, при частичном или полном сложении сроков лишения свободы при назначении наказаний по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы не может быть более тридцати лет, а по совокупности приговоров – более 35 лет. При этом возникают, по меньшей мере, два вопроса. Первый вопрос связан с сомнениями в обоснованности включения в указанный перечень не только особо тяжких, но и тяжких преступлений. При этом в двух преступлениях (захват заложника и захват судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава) учтены лишь особо квалифицированные составы, причем в последнем из них только посягательство, сопряженное с совершением террористического акта либо иным осуществлением террористической деятельности, хотя данные уголовно наказуемые деяния сами по себе являются проявлениями террористической деятельности уже на уровне их основных составов.

Второй же вопрос является продолжением предыдущего и касается целесообразности повышения максимального срока лишения свободы при назначении данного вида наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров только применительно к деяниям террористической направленности [3]. Представляется, что более правильным явилось бы закрепление данного правила относительно всех особо тяжких преступлений, в том числе включенных в объем понятия террористической деятельности. Данное направление совершенствования института назначения наказания требует самостоятельного исследования.

Указанный выше перечень преступлений террористической направленности повторяется и в дополнениях ст.ст. 64, 78, 82 и 83 УК РФ, поэтому решать выделенную проблему необходимо с учетом взаимосвязи соответствующих уголовно-правовых норм. Перечень таких уголовно наказуемых деяний следует приводить исходя из объема террористической деятельности, закрепленного в примечании 1 к ст. 205.1 УК РФ. Применительно же к освобождению от уголовной ответственности и наказания в связи с истечением сроков давности более последовательным сузить данный перечень посредством выделения только особо тяжких преступлений террористической направленности. В качестве уточнения отметим, что при внесении рассматриваемых дополнений в ст.ст. 64, 78, 82 и 83 УК РФ законодатель сделал оговорку о том, что преступления, предусмотренные ст.ст. 277, 278, 279 и 360 УК РФ, должны быть сопряжены с осуществлением террористической деятельности, хотя в соответствии с ч. 1 ст. 205.1 УК РФ и примечанием 1 к данной статье соответствующие деяния сами по себе являются проявлениями такой противоправной деятельности.

Во-вторых, проблемной представляется и ситуация с дифференциацией уголовной ответственности за преступления террористической направленности. Наиболее ярко эта проблема проявилась после включения в Особенную часть ст.ст. 205.3, 205.4 и 205.5 и последующего изменения их санкций. Например, в настоящее время прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности наказывается более строго, чем само осуществление такой деятельности на уровне основного и квалифицированного составов большинства преступлений террористической направленности [4]. То же самое касается и преступлений в виде создания террористического сообщества или террористической организации. Деяния, запрещаемые ст.ст. 205.3, 205.4 и 205.5 УК РФ, по своей сущности представляют собой умышленное создание условий для совершения других преступлений террористической направленности, что должно учитываться при формулировании санкций соответствующих уголовно-правовых норм.

В-третьих, изменения и дополнения уголовного законодательства в сфере противодействия терроризму за последние годы все более явственно отрывают соответствующие новеллы от институтов Общей части УК РФ. Например, дополнение ст. 205.1 УК РФ чч. 3 и 4 об ответственности за пособничество в террористическом акте и организацию совершения ряда преступлений террористической направленности, руководство их совершением либо организацию финансирования терроризма, является излишним, поскольку такие действия являются разновидностями соучастия в соответствующих преступлениях. Институт соучастия позволяет дифференцировать ответственность пособников и организаторов преступлений, учесть фактическую роль и значимость участия каждого из них, соотносить их ответственность с квалификацией действий исполнителей данных уголовно наказуемых деяний, чего не скажешь о чч. 3 и 4 ст. 205.1 УК РФ [1; 5]. Представляется, что наличие в Общей части УК РФ институтов соучастия в преступлении и неоконченного преступления делает излишним включение в Особенную часть УК РФ таких статей, как 205.1 и 205.3 об ответственности за содействие террористической деятельности и прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности.

В-четвертых, определение цели террористического акта в виде дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений является излишне широкой формулировкой, поскольку совершение любого из действий, относящихся к объективной стороне данного преступления, само по себе неизбежно дестабилизирует деятельность указанных органов и организаций. То есть такая дестабилизация полностью охватывается внешним проявлением террористического акта и может быть отнесена к признакам его объективной стороны.

Наконец, дополнение Особенной части УК РФ ст.ст. 205.4 и 205.5 об ответственности за организацию террористического сообщества или деятельности террористической организации, а равно за участие в них изначально обусловило искусственную конкуренцию данных уголовно-правовых норм.

Приведенные новеллы были введены с учетом законодательного опыта регламентации уголовной ответственности за организацию экстремистского сообщества либо деятельности экстремистской организации, однако без принятия во

внимание того факта, что последние имеют существенные отличия по видам подготавливаемых и совершаемых деяний: если экстремистское сообщество изначально ориентировано на совершение преступлений экстремистской направленности, то экстремистская организация может издавать и распространять экстремистские материалы, а равно совершать иные правонарушения, относящиеся к экстремистской деятельности [2], тогда как террористическое сообщество и террористическая организация связаны исключительно с уголовно наказуемыми деяниями. Последнее обстоятельство делает такие террористические объединения практически неразличимыми за исключением того признака, что террористическая организация ранее должна быть признана таковой. Не случайно санкции ст.ст. 205.4 и 205.5 УК РФ повторяют друг друга. Более обоснованным было бы установление уголовной ответственности за создание организованной группы для совершения преступлений террористической направленности, а равно за участие в таковой с повышением строгости наказания за возобновление деятельности такой группы после ее признания террористической организацией.

Список литературы

1. Иванцов С. В. К вопросу о противоречиях законодательной регламентации уголовной ответственности за организованную, террористическую и экстремистскую деятельность // Закон и право. 2016. № 4. С. 21–25.
2. Иванцов С. В., Борисов С. В. Организованные формы террористической и экстремистской деятельности: регламентация и реализация ответственности // Общество и право. 2016. № 2 (56). С. 91–98.
3. Натура А. И., Пихов А. Х.-А. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: организационно-правовые основы, процессуальный порядок и формы взаимодействия : учебно-практическое пособие. М. : Юрлитинформ, 2007.
4. Пихов А. Х.-А. Транснациональная преступность в контексте современных криминогенных процессов // Российский криминологический взгляд. 2013. № 3. С. 252–257.
5. Иванцов С. В., Бадамшин С. К. Преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика : монография. М. : Юнити-Дана, 2019.
6. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 19. Ст. 2335.

Попов А. М.¹,

доцент кафедры криминалистики

Московской академии

Следственного комитета Российской Федерации,

кандидат юридических наук, доцент

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СТАЦИОНАРНОЙ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Несмотря на относительно невысокий процент назначения и производства по уголовным делам стационарных судебно-психиатрических экспертиз, это одно из немногих следственных действий, которое требует существенных затрат сил, средств, а особенно – времени, и которое проводится не самим следователем, а специалистами в области судебной медицины, экспертами определенной квалификации.

В п. 3 ст. 196 УПК РФ говорится, что назначение и производство судебной экспертизы обязательно для установления психического и физического состояния подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве. В 2012 г. ст. 196 УПК РФ была дополнена п. 3.1, закрепляющим обязательное назначение судебной экспертизы, когда необходимо установить «психическое состояние подозреваемого, обвиняемого в совершении в возрасте старше восемнадцати лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего возраста четырнадцати лет, для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии)», а в 2013 г. включен п. 3.2, определяющий обязательное назначение судебной экспертизы в случае необходимости установить «психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда имеются основания полагать, что он является больным наркоманией».

Таким образом, законодатель, исходя из общих тенденций уголовно-правовой политики, только расширяет перечень оснований для обязательного назначения судебно-психиатрических экспертиз в отношении подозреваемых или обвиняемых.

В дополнение к сказанному Пленум Верховного суда Российской Федерации разъяснил, что необходимо понимать под сомнениями во вменяемости данной категории лиц: «К обстоятельствам, вызывающим такие сомнения, могут быть отнесены, например, наличие данных о том, что лицу в прошлом оказывалась психиатрическая помощь (у него диагностировалось врачами психическое расстройство, ему оказывалась амбулаторная психиатрическая помощь, он помещался в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, признавался невменяемым по другому уголовному делу,

¹ © Попов А. М., 2020.

негодным к военной службе по состоянию психического здоровья и т. п.), о нахождении его на обучении в учреждении для лиц с задержкой или отставанием в психическом развитии, о получении им в прошлом черепно-мозговых травм, а также странности в поступках и высказываниях лица, свидетельствующие о возможном наличии психического расстройства, его собственные высказывания об испытываемых им болезненных (психопатологических) переживаниях и др.».

Бесспорно, данные нормативные дополнения и разъяснения способствуют более качественному расследованию уголовных дел, устраняют неоднозначные толкования, унифицируют уголовное судопроизводство, а также гарантируют соблюдение прав и свобод участников процесса. Поэтому малейшее предположение или наличие достоверной информации о психическом расстройстве здоровья подозреваемого или обвиняемого обязывает должностное лицо назначить судебно-психиатрическую экспертизу.

В случаях, требующих более внимательного изучения обследуемого, экспертиза проводится не амбулаторно, а стационарно, т. е. с помещением лица на необходимый срок с санкции суда (если ранее не была избрана мера пресечения – заключение под стражу) в медицинское учреждение.

Если при назначении или производстве судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы возникает необходимость в стационарном обследовании подозреваемого или обвиняемого, он может быть помещен в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ч. 1 ст. 203 УПК РФ).

Причинами того, на наш взгляд, могут быть тяжесть совершенного деяния, необходимость привлечения дополнительных специалистов (комплексная экспертиза), социальная опасность обследуемого, наличие хронического психического заболевания и т. д.

Общий срок пребывания лица в указанной медицинской организации при производстве одной судебной экспертизы может достигать 90 дней (Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 26.07.2019)).

Длительный характер экспертизы связан не только с тем, что обычная стационарная судебно-психиатрическая экспертиза проводится около 30 дней, но и с тем, что назначению этой экспертизы предшествует сбор следователем материалов, характеризующих психическое здоровье подэкспертного (допросы родственников, соседей, педагогов; медицинские карты, выписки, справки и т. п.). А после того, как будут собраны все материалы, следователь может направить лицо на экспертизу только в тот день, когда его готовы будут принять в экспертном учреждении, т. е. в строго назначенную дату. При поступлении подозреваемого или обвиняемого на стационарную экспертизу его предварительно осматривают и готовят к переводу в палату. В случае обнаружения у помещаемого лица инфекционных, вирусных, кожных или иных заболеваний, что бывает практически в 50 % случаев, его отказываются помещать на экспертизу и отправляют обратно для полного излечения.

Приведенные обстоятельства иллюстрируют то, как иногда организационно сложно на практике поместить подозреваемого или обвиняемого на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу.

После проведения экспертного обследования требуется еще несколько дней для технической подготовки заключения.

Обязательным требованием при помещении лица на экспертизу является и передача эксперту-психиатру всех материалов уголовного дела, т. е. в течение всего периода проведения стационарной судебно-психиатрической экспертизы уголовное дело находится у лица, проводящего экспертизу.

Это свидетельствует о том, что следователь, не имея на руках материалов уголовного дела, фактически лишен возможности проводить другие следственные действия.

В то же время УПК РФ допускает проведение дополнительных допросов подозреваемого или обвиняемого во время его нахождения в стационаре с определенной оговоркой – «производство следственных действий с участием лица, находящегося в экспертном стационаре, допускается лишь в исключительных случаях» (Положение о производстве судебно-психиатрической экспертизы в Государственном научном центре социальной и судебной психиатрии имени В.П. Сербского от 20.02.1997).

Вышеизложенное не исчерпывает всего перечня особенностей и тонких моментов, затрагивающих институт судебно-психиатрических экспертиз. Так, в своих работах профессор П. А. Колмаков достаточно подробно и скрупулезно рассматривает и дает оценку проблемам, возникающим при производстве данного вида экспертиз [1; 2].

Мы солидарны с П. А. Колмаковым в том, что неопределенные, «размытые» экспертные заключения, выводы могут быть неправильно истолкованы следователем или судом, что в конечном счете влияет на итоговое решение по уголовному делу и привлекаемое к ответственности лицо. Также справедливо указывается на то, что практически никогда ни следователь, ни судья не ставят перед экспертами вопрос о возможности участия лица, страдающего психическими расстройствами, в проведении следственных действий. Это немаловажно для будущей доказательственной базы и их допустимости. А кроме того, иногда принципиально важно получить от подозреваемого или обвиняемого информацию, имеющую значение для дела, но сделать этого до проведения стационарной судебно-психиатрической экспертизы представлялось невозможным либо нецелесообразным.

Таким образом, назначение и производство стационарной судебно-психиатрической экспертизы по уголовным делам является важным и трудоемким следственным действием. Ввиду особенностей личности подозреваемого или обвиняемого, а также привлечения к следственному действию экспертов-психиатров оно требует тщательной подготовки и квалифицированного подхода к проведению.

Список литературы

1. Колмаков П. А. О существующих проблемах при производстве судебно-психиатрических экспертиз // Вестник института: преступление, наказание, исправление. Вологда. 2007. № 1. С. 48–51.
2. Колмаков П. А. Возвращаясь к проблемным вопросам при производстве судебно-психиатрических экспертиз // Человек: преступление и наказание. 2018. № 3. С. 264–268.

Пузырева Ю. В.¹,
 заместитель начальника кафедры
 прав человека и международного права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат юридических наук, доцент

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПОД ВЛИЯНИЕМ ПАНДЕМИИ COVID-19

Пандемия *COVID-19* оказала серьезное влияние не только на общественные и экономические отношения во многих государствах, но и на развитие форм организованной преступности и незаконных рынков, создав препятствия для одних видов организованной преступной деятельности и одновременно предоставив возможности для других. Виды преступлений постоянно эволюционируют, используя особенности онлайн-поведения и новых потребностей граждан в условиях эпидемии *COVID-19*². Эти изменения могут иметь долгосрочные последствия, в связи с чем в складывающихся обстоятельствах еще более обозначилась потребность в международном сотрудничестве по противодействию такого рода преступлениям. Различия стран в подходах к регулированию «виртуального пространства» не должны быть препятствием в совместной правоохранительной работе.

Международные полицейские организации, взаимодействуя друг с другом, отслеживают преступную деятельность в киберпространстве, повышают осведомленность лиц, принимающих политические решения, а также граждан и готовы координировать свои действия в случае необходимости³. Интерполу как универсальной полицейской организации, объединяющей правоохранительные интересы 194 государств-членов, удалось провести глобальный обзор состояния и изменений преступности в связи с пандемией *COVID-19* и определить развитие следующих ключевых криминальных угроз и тенденций в области информационных технологий.

Интернет-мошенничество и фишинг. Злоумышленники пересмотрели свои обычные схемы онлайн-мошенничества и фишинга. Развертывая фишинговые электронные письма на тему *COVID-19*, часто выдавая себя за правительство и

¹ © Пузырева Ю.В., 2020.

² Preventing crime and protecting police: Interpol's COVID-19 global threat assessment // INTERPOL. URL: <https://www.interpol.int/en/News-and-Events/News/2020/Preventing-crime-and-protecting-police-INTERPOL-s-COVID-19-global-threat-assessment>.

³ COVID-19 Cybercrime Analysis Report – August 2020 // INTERPOL. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2020/INTERPOL-report-shows-alarming-rate-of-cyberattacks-during-COVID-19> ; Beyond the pandemic – how COVID-19 will shape the serious and organised crime landscape in the EU // European Union Agency for Law Enforcement Cooperation. URL: <https://www.europol.europa.eu/publications-documents/beyond-pandemic-how-covid-19-will-shape-serious-and-organised-crime-landscape-in-eu>.

органы здравоохранения, киберпреступники побуждают жертв предоставлять свои личные данные и загружать вредоносный контент. Около двух третей государств – членов Интерпола, ответивших на глобальный опрос о киберпреступности, сообщили о значительном использовании тем *COVID-19* для фишинга и онлайн-мошенничества с момента эпидемии¹.

Злоумышленники очень быстро адаптировали известные схемы мошенничества к новым условиям, чтобы извлечь выгоду из кризиса, связанного с пандемией *COVID-19*. Ярким примером тому является продажа через интернет контрафактной медицинской продукции, востребованной в такое опасное для здоровья время, а именно хирургических масок, дезинфицирующих средств, противовирусных и противомаларийных препаратов (включая несуществующие лекарства от *COVID-19*), вакцин, тест-наборов для анализа на коронавирус. В марте 2020 г. Интерпол координировал глобальную операцию в борьбе с незаконным оборотом медицинской продукции в интернете – «Пангея XIII»², в ходе которой объединились органы полиции, таможни и здравоохранения 91 государства. В ходе операции по всему миру был арестован 121 подозреваемый, а также проведено изъятие 34 тыс. потенциально опасных фармацевтических препаратов на сумму более 14 млн долл. Правоохранительные органы, принимавшие участие в операции «Пангея», обнаружили в интернете более 2,5 тыс. веб-ссылок, включая веб-сайты, страницы в социальных сетях, онлайн-магазины и онлайн-рекламу незаконных фармацевтических препаратов, связанных с *COVID-19*. Совместными усилиями правоохранительных органов была пресечена деятельность 37 организованных преступных групп.

Подрывное вредоносное ПО (программы-вымогатели и DDoS-атаки). Киберпреступники все чаще используют подрывные вредоносные программы против критически важных инфраструктур, государственных учреждений и медицинских учреждений из-за их потенциального воздействия и финансовой выгоды. Тем самым преступные группы подвергают серверы больниц, медицинских центров и государственных учреждений атакам и вымогательству. Доступ таких учреждений к жизненно важным файлам и системам оказывается заблокированным до тех пор, пока не будет выплачен так называемый выкуп. Поскольку в условиях кризиса в области здравоохранения больницы не могут позволить, чтобы их системы были заблокированы, они вынуждены платить преступникам. Программа-вымогатель может проникнуть в системы через электронные письма, скомпрометированные учетные данные сотрудников или с помощью уязвимости в системе. В первые две недели апреля 2020 г. наблюдался всплеск атак программ-вымогателей.

Интерпол оказывает содействие в расследовании случаев использования программ-вымогателей в пострадавших странах-членах, а также в анализе данных об угрозах киберпреступлений, чтобы помочь правоохранительным органам снизить

¹ INTERPOL report shows alarming rate of cyberattacks during COVID-19 // INTERPOL. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2020/INTERPOL-report-shows-alarming-rate-of-cyberattacks-during-COVID-19>.

² Operation Pangea // INTERPOL. URL: <https://www.interpol.int/en/Crimes/Illicit-goods/Pharmaceutical-crime-operations>.

потенциальные риски. Интерпол также оказывает странам-членам техническую поддержку из первых рук, дает советы по смягчению последствий и защите, чтобы помочь защитить их критически важную медицинскую инфраструктуру¹.

Вредоносное программное обеспечение (ПО) для сбора персональных данных. Киберпреступники пользуются популярностью сообщений о коронавирусе для маскировки своей деятельности. Вредоносные, шпионские и троянские вирусные программы обычно представлены под видом интерактивных карт и веб-сайтов о коронавирусе. Спам-сообщения также заставляют пользователей переходить по ссылкам, которые загружают вредоносное ПО на компьютеры или мобильные устройства. Всемирная организация здравоохранения заявила, что хакеры и кибермошенники используют пандемию коронавируса, отправляя фишинговые сообщения посредством электронной почты и мессенджеров якобы от имени организации. С их помощью злоумышленники могут установить вредоносное ПО, такое как *Emotet*, *Trickbot* и *Cerberus*, разработанные специально для кражи информации.

Вредоносные домены. Воспользовавшись повышенным спросом на медицинские принадлежности и информацию о *COVID-19*, киберпреступники регистрируют доменные имена, содержащие ключевые слова, такие как «коронавирус» или «*COVID*». Эти мошеннические веб-сайты служат основой для самых разных вредоносных действий, включая серверы *C2*, развертывание вредоносных программ и фишинг. Так, по данным Интерпола, по состоянию на конец марта 2020 г. было обнаружено 116 357 зарегистрированных доменов с ключевыми словами «*COVID*» или «*Corona*», из которых 2 022 были идентифицированы как вредоносные, а 40 261 – как «высокорисковые»². Приведенные показатели напрямую отражают степень угроз, возникших в киберпространстве для обычных пользователей сети.

Дезинформация (фейковые новости). Среди населения быстро распространяется все большее количество дезинформации и фейковых новостей. Непроверенная информация, недостаточно понятые угрозы от разрастающейся пандемии привели к росту беспокойства в социальных обществах различных государств и в некоторых случаях способствовали осуществлению кибератак. Почти 30 % государств, ответивших на глобальный опрос по киберпреступности, подтвердили распространение ложной информации, связанной с *COVID-19*³.

В настоящее время в интернет-пространстве распространяется множество ложных заявлений о лекарствах и новационных вакцинах от *COVID-19*, что впоследствии приводит к спросу на рынке фармацевтики на фактически не существующие медицинские препараты и продаже поддельных фиктивных лекарств⁴. В таких ситуациях Интерпол использует «фейковые фармацевтические новости»

¹ INTERPOL assisting member countries to mitigate and investigate attacks against hospitals // INTERPOL. URL: <https://www.interpol.int/en/News-and-Events/News/2020/Cybercriminals-targeting-critical-healthcare-institutions-with-ransomware>.

² COVID-19 Cybercrime Analysis Report – August 2020.

³ INTERPOL report shows alarming rate of cyberattacks during COVID-19.

⁴ Fake medicines // INTERPOL. URL: <https://www.interpol.int/en/Crimes/Illicit-goods/Shop-safely/Fake-medicines>.

как источник оперативных данных для проведения дальнейших полицейских операций по пресечению и раскрытию преступлений, связанных с онлайн-продажей незаконных лекарственных средств и медицинских изделий.

Прогнозы Интерпола в отношении перспектив развития преступности в сфере информационных технологий под влиянием продолжающейся пандемии *COVID-19* и после ее окончания выглядят следующим образом:

- в перспективе весьма вероятно дальнейшее увеличение количества киберпреступлений. Поскольку организации и предприятия продолжают разворачивать удаленные системы и сети для поддержки сотрудников, работающих на дому, у преступных групп будут сохраняться возможности по наращиванию своей деятельности и разработке более совершенных и латентных методов совершения противоправных деяний;

- злоумышленники, вероятно, будут продолжать совершать акты онлайн-мошенничества на тему коронавируса и проводить фишинговые кампании, чтобы усилить обеспокоенность общественности по поводу пандемии.

- схемы компрометации деловой электронной почты также, вероятно, модифицируются из-за экономического спада и изменений в деловой среде, создавая новые возможности для преступной деятельности¹.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что влияние пандемии *COVID-19* на киберпреступность было наиболее заметным и внушительным по сравнению с другими видами преступной деятельности. Преступники, действующие в сфере информационных технологий, смогли быстро адаптироваться и извлечь выгоду из всех изменений социальных и экономических отношений практически всех государств.

Международные полицейские организации с самого начала пандемии отслеживают тенденции и изменения транснациональной организованной преступности как в региональных, так и в глобальных масштабах. Понимание происходящих событий правоохранными органами и иными органами государственной власти имеет большое значение для разработки эффективных мер реагирования на международном и на национальных уровнях.

В рамках своей масштабной деятельности Интерпол, как единственная в мире полицейская организация, работающая на глобальном уровне, вносит неоценимый вклад в построение универсальной системы кибербезопасности. В тесном сотрудничестве со странами-членами, представителями частного сектора и национальными группами реагирования на компьютерные чрезвычайные ситуации (*CERT*) Интерпол осуществляет координацию полицейских расследований транснациональных киберпреступлений по всему миру.

Список литературы

1. Водянов А. В., Пузырева Ю. В. Информационное обеспечение сотрудничества государств по линии Интерпола // Образование. Наука. Научные кадры. 2018. № 1. С. 48–51.

¹ COVID-19 Cybercrime Analysis Report – August 2020.

2. Галиев Р. С., Козлова А. А. Универсальные международные межправительственные организации как институциональная основа сотрудничества государств в противодействии преступности // Алтайский юридический вестник. 2018. № 3 (23). С. 7–12.

3. Мысина А. И. Международно-правовые основы сотрудничества государств по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий // Международное право. 2019. № 1. С. 18–27.

4. Мысина А. И. К вопросу о региональных правовых основах сотрудничества государств по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий // Российская юстиция. 2019. № 5. С. 20–24.

5. Мысина А. И. Приоритетные направления сотрудничества государств по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 6. С. 200–203.

6. Мысина А. И. Региональные механизмы сотрудничества государств по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий // Современное право. 2020. № 1. С. 119–124.

7. Пузырева Ю. В., Мысина А. И. Международное полицейское сотрудничество по вопросам раскрытия и расследования преступлений в сфере информационных технологий : монография. М. : Инфра-М, 2020.

8. Симонова А. Е. Вопросы эффективности Организации Объединенных Наций в отношении современных угроз миру // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 16-2. С. 139–140.

Симонова А. Е.¹,
*доцент кафедры прав человека
 и международного права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат юридических наук, доцент*

РЕЗОЛЮЦИЯ 1540 СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ В РАМКАХ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

XXI век ознаменован расцветом науки и техники в различных областях жизнедеятельности человека. Особенно это коснулось информационных технологий, наноматериалов, биологии, медицины, многих других направлений и, конечно, государственного управления и международных отношений. Новые реалии дали свежую информацию для размышления о научном прогрессе и новые возможности для использования всех достижений не только во благо человечества, но и в преступных целях.

Не секрет, что одним из фундаментальных механизмов многогранного взаимодействия государств в целях содействия экономическому и социальному прогрессу всех народов, а также для поддержания мира и безопасности является Организация Объединенных Наций (далее – ООН). Нормативно-институциональный механизм реализации политики ООН находит свое особенно отчетливое воплощение в рамках принятия и обеспечения действия резолюций, представляющих собой одну из наиболее распространенных форм реагирования на текущую международную проблематику со стороны Совета Безопасности как постоянного оперативного органа ООН. Как известно, данный орган призван осуществлять постоянный контроль за поддержанием мира и международной безопасности посредством совместной деятельности его постоянных и непостоянных государств-членов. Несмотря на видимые тактические задачи, решаемые посредством принятия резолюций, их политико-правовой и институциональный потенциал значительно превышает их форму и назначение. Ярким примером подобного подхода является резолюция Совета Безопасности № 1540 (далее – резолюция 1540) от 28 апреля 2004 г. о нераспространении оружия массового уничтожения, единогласно принятая по инициативе Российской Федерации. Согласно указанной резолюции, оружие массового уничтожения (далее – ОМУ) остается одной из важнейших проблем современности. Возможность использования такого оружия может привести к катастрофическим последствиям, и ряд исторических данных подтверждает этот факт².

С момента появления данной резолюции прошло 16 лет. За такое продолжительное время проделана колоссальная работа. Резолюция стала прорывом в профилактике и предотвращении распространения наиболее опасного вида оружия.

¹ © Симонова А. Е., 2020.

² Например, о химическом оружии А. Н. де Лазари в своих трудах говорил как о применении различного рода веществ (яды растительного и животного происхождения) для загрязнения воздуха и водоснабжения на территории противника при осаде во время греко-персидских войн, во время войны Афин со Спартой и некоторых других.

Начиная с 2004 г. был принят ряд последовательных и связанных между собой документов¹, подтверждающих важность и значение для международного мира и безопасности нераспространение подобного вида оружия. Кроме того, несомненным достоинством принятой резолюции является создание временного «комитета Совета Безопасности в составе всех членов Совета, который будет привлекать по мере необходимости других экспертов» для объективного анализа выполнения государствами положений резолюции [5]. В 2011 г. резолюция 1977 Совета Безопасности продлила мандат Комитета 1540 еще на 10 лет. Кратко характеризуя резолюцию 1540, особо отметим, что помимо предписаний об «улучшении координации усилий на национальном, субрегиональном, региональном и международном уровнях в целях усиления глобального ответа на этот серьезный вызов и угрозу международной безопасности» она раскрывает обязательства государств в том числе: обеспечивать эффективные меры по контролю за правомерным оборотом подобного оружия и его физической защиты; разрабатывать надлежащие методы работы с промышленными и информационными кругами и обеспечить их информирование об обязательствах, предусмотренных в международно-правовых актах и рядом других положений [5].

Ключевым механизмом действия резолюции является представление отчетов государствами – участниками ООН о выполнении положений резолюции, что наряду с международно-правовым механизмом предполагает наличие действенных внутригосударственных правовых и административных институтов обеспечения безопасности и борьбы с преступностью. Данный тезис был подтвержден посланием Генерального секретаря ООН в 2014 г. [4]. По случаю десятой годовщины принятия резолюции 1540 Пан Ги Мун, отметил: помимо того факта, что «данный документ стал важным элементом глобальной архитектуры безопасности», он настоятельно призвал «все государства и заинтересованные стороны подтвердить свою общую приверженность делу достижения великих целей, сформулированных в этой резолюции, и сделать все возможное ради спасения нынешнего и будущих поколений людей от двойной угрозы терроризма и оружия массового уничтожения» [4]. Однако не стоит забывать о фундаментальном принципе невмешательства во внутренние дела государств, закрепленном в Заключительном акте Соперничания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. [2], что в какой-то степени может затруднять реализацию ряда положений резолюции. Вероятно, именно с этим связан пусть и минимальный процент отсутствия отчетов ряда государств по различным причинам.

Несмотря на очевидную тематическую заданность сферы деятельности данной резолюции, именно область применения последней позволяет с полным основанием рассматривать ее как межотраслевую, далеко выходящую за рамки собственно оружия массового уничтожения. К сожалению, эволюция процессов как развития самого оружия, так и его ограничения привела к различным, зачастую разнонаправленным результатам, главным из которых стало исчезновение монополии государства и его институтов на определенные виды данного оружия в части как производства, так и применения, следствием чего явилось активное

¹ Резолюции Совета Безопасности 1673 от 27 апреля 2006 г., 1810 от 25 апреля 2008 г., 1977 от 20 апреля 2011 г., 2055 от 29 июня 2012 г. и 2325 от 15 декабря 2016 г.

проникновение организованной интернациональной преступности в сферу производства и технологий, связанных с данным оружием, что способствует значительному росту особо опасных международных преступлений, связанных с данным оружием и его компонентами, в первую очередь терроризма и преступлений террористической направленности [3, с. 153].

Рассматривая резолюцию 1540 и механизм ее реализации, следует избегать правового идеализма, оценивая систему и структуру воплощения в жизнь принципов нераспространения оружия массового уничтожения, а следовательно, минимизацию либо устранение причин возникновения и роста преступности, опосредуемой данными процессами. Безусловно, принятие некоего правового акта, в данном случае резолюции, многолетний процесс ее добросовестной реализации (более 90 % государств – членов ООН предоставляет отчеты о выполнении ее положений), поставивший бы непреодолимый заслон распространению оружия массового уничтожения, а также порождаемой им преступностью, принципиально. Главная причина – невозможность урегулирования всех без исключения особенностей международных отношений, вместе с тем последовательное и согласованное устранение причин, побуждающих все новые и новые страны обзаводиться данными видами оружия. Резолюция является реальным и действенным направлением функционирования политики нераспространения в современном мире как одной из основ установления прочного и безопасного мира, дальнейшего укрепления законности и правопорядка.

Список литературы

1. Галиев Р. С., Козлова А. А. Универсальные международные межправительственные организации как институциональная основа сотрудничества государств в противодействии преступности // Алтайский юридический вестник. 2018. № 3 (23). С. 7–12.
2. Де Лазари А. Н. Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг. М. : Государственное военное издательство, 1935.
3. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. (Хельсинки, 01.08.1975) // НПП «Гарант-сервис». URL: <http://base.garant.ru/2541253>.
4. Маркович И. В., Симонова А. Е. Биологическое оружие: Проблемы распространения, терроризма, политика противодействия. М. : ЛКИ, 2011.
5. Международное гуманитарное право : учебник / под ред. Н. Д. Эриашвили. М. : Юнити-Дана, 2019.
6. Послание Генерального секретаря ООН по случаю десятой годовщины принятия резолюции 1540 (Нью-Йорк, 28.04.2014) // Amazon Web Services. URL: <https://unoda-web.s3-accelerate.amazonaws.com/wp-content/uploads/assets/WMD/1540/pdf/1540-tenth-Russian.pdf>.
7. Резолюция 1540, принятая Советом Безопасности на его 4956-м заседании 28 апреля 2004 г. // United Nations. URL: <https://undocs.org/ru/S/RES/1540%282004%29>.
8. Симонова А. Е. Вопросы эффективности Организации Объединенных Наций в отношении современных угроз миру // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 16-2. С. 139–140.

Степаненко В. В.¹,
*доцент кафедры международного
полицейского сотрудничества
и борьбы с преступностью
по каналам Интерпола
Центра подготовки сотрудников
органов внутренних дел
для участия в миротворческих миссиях
Всероссийского института повышения
квалификации сотрудников МВД России,
кандидат философских наук, доцент*

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ
ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРИКЛАДНОЙ
ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
В ВИПК МВД РОССИИ К УЧАСТИЮ В МИРОТВОРЧЕСКИХ
МИССИЯХ КАК ФОРМА МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Участие сотрудников МВД России в различных формах межгосударственного сотрудничества в борьбе с преступностью представлено широко и разнопланово.

На современном этапе развития человечества безопасности мирового сообщества угрожает не только экологическая или ядерная катастрофа, но и международная организованная преступность. В ответ на эти вызовы созданы и поддерживаются различные международные институты, призванные нейтрализовать эти негативные процессы.

Эффективно противостоять международному терроризму и транснациональной преступности во всех их проявлениях, выступать справедливой системой сдержек и противовесов для урегулирования внутри- и межгосударственных военных, политических и иных конфликтов, быть гарантом законности, справедливости и равноправия для всех вовлеченных в конфликты сторон призваны такие институты межгосударственного сотрудничества, как Организация Объединенных Наций (далее – ООН), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее – ОБСЕ), Организация Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ), Международная организация уголовной полиции (далее – Интерпол) и др.

Широкий круг вопросов безопасности и организации совместной деятельности по обеспечению правопорядка и борьбы с преступностью охватывает военно-политическое, экономико-экологическое и человеческое измерения. Благодаря развертыванию этими структурами миротворческих операций и слаженности действий НЦБ Интерпола происходят преодоление различий и формирование доверия между государствами, укрепляется полицейское сотрудничество, активизируется борьба с транснациональной преступностью и осуществляется постконфликтное восстановление.

¹ © Степаненко В. В., 2020.

Полицейские миротворцы занимаются вопросами, влияющими на общую безопасность, включая контроль над вооружениями и наркотрафиком, борьбу с терроризмом и торговлей людьми, надлежащее управление, энергобезопасность, демократизацию, свободу средств массовой информации и отношения к национальным меньшинствам.

В плане осуществления миротворческих операций полицейские подразделения совместно с военными:

- проводят расследования инцидентов и переговоры с конфликтующими сторонами в целях их примирения;
- проводят проверки соблюдения договоренности о прекращении огня;
- содействуют поддержанию законности и правопорядка;
- предоставляют гуманитарную помощь;
- наблюдают за ситуацией.

Особым авторитетом и востребованностью пользуются в миссиях ООН и ОБСЕ многие представители МВД России, которые с успехом восполняют острый дефицит в полицейских миротворцах ООН высокой квалификации. Представители территориальных подразделений Национального центрального бюро Интерпола МВД России также зарекомендовали себя как высококлассные специалисты.

В этом есть и заслуга ВИПК МВД России, где готовят таких специалистов. Так, с 2000 г. там реализуется дополнительная профессиональная программа повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации – кандидатов для участия в миротворческих миссиях. Также в ВИПК МВД России с 2007 г. повышают квалификацию представители руководящего состава территориальных подразделений Национального центрального бюро Интерпола МВД России.

МВД России регулярно готовит кандидатов в полицейские миротворческие компоненты ООН, ОБСЕ и ОДКБ, а также представителей руководящего состава территориальных подразделений Национального центрального бюро Интерпола.

Подготовка сотрудников МВД России к международной миротворческой деятельности или к обеспечению широкого взаимодействия полиции в рамках Интерпола осуществляется в духе Всеобщей декларации прав человека, а также мандатов конкретных миссий. Кандидаты активно готовятся к тому, что в миротворческой миссии они волеются в многонациональный коллектив полицейских из других стран мира и, обмениваясь опытом работы с коллегами, будут содействовать межгосударственному сотрудничеству в борьбе с преступностью. Одновременно с этим они включатся в модернизацию и развитие местных правоохранительных учреждений, наблюдательскую и наставническую деятельность, осуществление которой будет способствовать борьбе с преступностью и правонарушениями на территории миссии.

Таким образом, решение задач по совершенствованию подготовки сотрудников ОВД для участия в миротворческих миссиях и представителей руководящего состава территориальных подразделений Национального центрального бюро

Интерпола МВД России укрепляет фундамент организации и функционирования процесса межгосударственного сотрудничества в борьбе с преступностью.

До недавнего времени традиционной моделью обучения кандидатов для участия в миротворческих миссиях была их подготовка к чтению и усвоению материалов полицейских сводок, пониманию аудиодиалогов по этим материалам, умению составления полицейского рапорта на основе полученной информации. В настоящее время приоритетом профессионального соответствия стандартам подготовки миротворца становится обучение его свободной устной коммуникации на различных уровнях его деятельности.

Практическая ориентированность при подготовке представителей руководящего состава территориальных подразделений Национального центрального бюро Интерпола МВД России направлена на изучение деятельности Международной организации уголовной полиции в укреплении международного правопорядка и путей совершенствования ее системы профессиональной подготовки и повышения квалификации своих сотрудников правоохранительных органов [3, с. 17–18].

Использование интерактивных педагогических технологий в процессе профессионально-прикладной подготовки сотрудников органов внутренних дел становится, таким образом, приоритетным направлением в системе дополнительного профессионального образования МВД России.

В ВИПК МВД России такие технологии стали применяться при подготовке кандидатов к участию в миротворческих миссиях с мая 2017 г. Конструирование метакогнитивных технологий достигается путем анализа факторов, повышающих образовательную эффективность, и создания модели разных специализированных образовательных пространств. В процессе конструирования таких технологий оценивается работоспособность этой метакогнитивной модели.

В качестве фундамента создания такой модели в ВИПК МВД России используется методика новаторских разработок *CPTM (Core Pre-deployment Training Materials for United Nations Peacekeeping Operations)* – обязательных базовых учебных материалов предварительной подготовки к полицейской миссии ООН [1]. Эта методика, доступная в интернете, в том числе в Центре ресурсов ООН, основана на стандартах ООН и выражается аббревиатурой *BOPPPS* – английский акроним, означающий педагогическую технологию планирования интерактивного занятия, включающую определенный алгоритм.

Расшифровка этой аббревиатуры помогает определить этапы и зоны образовательных пространств:

B (bridge-in) – мост, перекинутый от интересного факта из практики полицейской (или другой) деятельности к теме занятия или связывающий изучаемую тему с предыдущей.

O (outcomes) – результаты, которых должны будут достичь слушатели в процессе изучения темы.

P (pre-assessment) – предварительная оценка знания темы: определяется то, что слушатели уже знают о теме (задаются вопросы, проводится викторина, спрашивается о том, что они хотят узнать или как они себя чувствуют, столкнувшись с проблемой этого плана; можно предоставить анкету для самооценки).

P (participatory learning activity) – запланированные совместные учебные действия по теме (подумай, обсуди в паре, поделись мыслями с остальными, спроектируй схематично или графически действие на рабочем листе, обсуди в группе и т. д.).

P (post-assessment) – заключительная оценка усвоения темы; определяется, достигли ли слушатели результатов (устная регистрация или письменная форма обратной связи).

S (summary) – итог, при поведении которого снова формулируется цель, подчеркивается способ ее достижения и выделяются ключевые этапы этого достижения.

Анализ конкретной ситуации осуществляется за счет совместных учебных действий по теме при обсуждении в группе. Как правило, аудиторным временем это обсуждение не обходится, оно продолжается еще долгое время в чате создаваемой группы в соцсетях (*WhatsApp* и т. п.).

Профессиональные навыки полицейской деятельности в ВИПК МВД России стараются формировать и совершенствовать методами, при которых слушатели идентифицируют себя с учебным материалом, включаются в изучаемую ситуацию, побуждаются к активным действиям, переживают состояние успеха и соответственно мотивируют свое поведение [4].

Всем этим требованиям в наибольшей степени отвечает интерактивный метод «сторителлинга» [5; 6], где обучающиеся рассказывают о своем полицейском опыте или опыте своих коллег.

Помимо этого, широко используется работа индивидуальная, парная и групповая, даются творческие задания в виде проектов. Например, предлагается спроектировать универсальную карточку-пиктограмму, в которой могут быть изображены рисунки с требованиями полицейского для общения с местным населением.

Большое место в подготовке полицейских к участию в миротворческих миссиях традиционно занимают ролевые игры.

Такие ролевые игры, как правило, предполагают включение в роли следователей, свидетелей и потерпевших иностранных слушателей – представителей стран Африки.

Таким образом, посредством использования интерактивных педагогических технологий в процессе профессионально-прикладной подготовки сотрудников ОВД в дополнительном профессиональном образовании происходит не только комплексное совершенствование подготовки и переподготовки сотрудников правоохранительных органов, но и укрепление межгосударственного сотрудничества в борьбе с преступностью.

Приемы и методы обучения кандидатов в миротворцы, разрабатываемые и рекомендуемые такими институтами межгосударственного сотрудничества, как ООН и ОБСЕ, направлены на включение слушателей в режим саморазвития, где главным является умение ориентироваться в большом потоке информации, умение адаптироваться в любой ситуации, любой языковой среде.

Список литературы

1. Базовые учебные материалы предварительной подготовки к полицейской миссии ООН // United Nations Peacekeeping Resource Hub. URL: <https://research.un.org/revisedcptm2017>.
2. Губернская А. А. Актуальные вопросы сотрудничества Министерства внутренних дел Российской Федерации с международными региональными полицейскими организациями // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 197–202.
3. Зайцева Е. С. Деятельность Интерпола по противодействию терроризму как вклад в укрепление международного правопорядка : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.10. М., 2008.
4. Методические рекомендации по организации активных, интерактивных и традиционных форм проведения занятий в соответствии с ФГОС // Семинар-практикум «Технологии создания интерактивных заданий и инструментов оценивания». URL: <https://sites.google.com/site/smoltechnogsv/1-2-metodiceskie-rekomendacii-po-organizacii-aktivnyh-interaktivnyh-i-tradicionnyh-form-provedenia-zanatiy-v-sootvetstvii-s-fgos>.
5. Степаненко В. В. Андрагогический принцип актуализации результатов обучения на примере его использования в подготовке сотрудников ОВД к деятельности в мультиэтнической среде // Использование андрагогических принципов в обучении иностранному языку : сборник статей Межвузовского научно-практического семинара (Москва, 16 мая 2014 г.). М. : Академия управления МВД России, 2015. С. 87–90.
6. Степаненко В. В. Проблемы использования методики «сторителлинга» в практике преподавания в ВИПК МВД России // Дополнительное профессиональное образование: состояние, проблемы, перспективы : материалы Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 17–18 июня 2015 г.). СПб. : Санкт-Петербургский институт повышения квалификации работников ФСИН России, 2015. С. 83–89.
7. Требенюк А. А., Хандогина А. В. К вопросу о международном сотрудничестве в области подготовки кадров правоохранительных органов // Полицейская деятельность. 2013. № 1. С. 17–20.

*Тит А. А.¹,
старший преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного права
уголовно-исполнительного факультета
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук*

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ОСУЖДЕННЫХ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Социальная мобильность осужденного выступает важным фактором, посредством которого стимулируется правопослушное поведение осужденных в процессе отбывания наказания. Под социальной мобильностью осужденного понимается изменение правового статуса осужденного в зависимости от его поведения. В уголовно-исполнительной системе передвижение по системе социальных лифтов возможно путем оценки комиссией исправительного учреждения поведения осужденного в процессе отбывания наказания и соответствующего принятия на основании оценки решения о перемещении осужденного вверх (улучшение условий отбывания наказания) или вниз (ухудшение условий отбывания наказания) по социальному лифту.

Отметим, что указанное направление развития уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь совпадает с положениями Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с осужденными (Правила Нельсона Манделы), предусматривающими создание системы, поощряющей хорошее поведение, развитие чувства ответственности у осужденных, а также развивающей интерес к перевоспитанию осужденных (правило 95) [1]. Термин «социальный лифт» – относительно молодое и малоизученное правовое образование в уголовно-исполнительной системе, пришедшее из социологии, которая определяет его как совокупность условий и факторов, оказывающих определенное влияние на социальную мобильность. Впервые в XX в. этот термин ввел в оборот американский социолог русского происхождения П. А. Сорокин. В соответствии с его теорией, это любой переход индивида, социального объекта или ценности, которая создана или модифицирована благодаря деятельности, от одной социальной позиции к другой [2, с. 373]. Таким образом, для повышения социального статуса индивид должен найти канал социальной мобильности (социальный лифт). Как правило, поиск данного канала социальной мобильности достигается путем проявления себя в какой-либо деятельности или сфере [3, с. 317].

Общие начала деятельности уголовно-исполнительной системы заложены в приказе Министра внутренних дел Республики Беларусь от 20 июня 2016 г. № 167 «Об утверждении Концепции развития организаций уголовно-исполнительной системы и лечебно-трудовых профилакториев Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Данная Концепция на базе существующих институтов досрочного освобождения предусматривает создание прогрессивной

¹ © Тит А. А., 2020.

системы, предусматривающей постепенную интеграцию осужденных в общество посредством последовательного уменьшения объема правовых ограничений в зависимости от степени исправления осужденных. Таким образом, в отличие от российской, практика условно-досрочного освобождения от наказания правоприменительными органами Республики Беларусь ориентирована на постепенное снятие ограничений в зависимости от степени исправления осужденного, что подразумевает под собой ступенчатую и плавную интеграцию последнего в социум. Вместе с тем целесообразно указать на необходимость ориентации судов при принятии решения об условно-досрочном освобождении от наказания рассматривать и еще один критерий, не закрепленный в уголовном законодательстве. Речь идет о том, какие усилия потребуются от осужденного для его социальной адаптации в обществе после освобождения от наказания условно-досрочно, что, соответственно, он должен доказать при подаче ходатайства об условно-досрочном освобождении от наказания.

В целом, закрепленная в Республике Беларусь система социальной мобильности осужденного позволяет последнему достаточно существенно ощутить на себе последствия своего позитивного (или негативного) поведения в процессе исполнения наказания. Вместе с тем в уголовном законе Республики Беларусь закреплена норма, целесообразность которой вызывает сомнения: допускается применение условно-досрочного освобождения от наказания по истечении сроков, указанных в ч. 3 ст. 31 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), при условии, что лицо, претендующее на условно-досрочное освобождение, соответствует формальным основаниям, а его примерное поведение в соответствии с ч. 2 ст. 90 УК позволяет сделать суду вывод о том, что осужденный исправился, в результате чего достигнуты цели уголовной ответственности. В соответствии с ч. 2 ст. 44 УК в качестве целей закреплены: 1) исправление лица, совершившего преступление; 2) предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами (частная и общая превенция). Наряду с этим ч. 3 ст. 44 УК закрепляет положение, в соответствии с которым применение уголовной ответственности должно способствовать восстановлению социальной справедливости.

Исправление осужденного является также и целью наказания, что закреплено в ч. 1 ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК). В процессе исправления личность осужденного подвергается корректирующему воздействию путем применения основных средств исправления, указанных в ч. 3 ст. 7 УИК. В качестве мер, способных оказывать стимулирующее воздействие на правопослушное поведение осужденного, выступают как меры поощрения (позитивное стимулирование), указанные в УИК, так и возможность применения дисциплинарных взысканий за нарушение установленного порядка отбывания наказания (негативное стимулирование). По прошествии определенного времени осужденный оценивается аттестационной комиссией исправительного учреждения на предмет психофизических изменений в его личности. В случае, если в поведении осужденного наблюдается положительная динамика, администрация места вправе применить определенные меры поощрения,

направленные на закрепление позитивных изменений, достигнутых осужденным в процессе отбывания наказания.

Представление осужденного к условно-досрочному освобождению от наказания в соответствии с ч. 2 ст. 42, ч. 2 ст. 54 и ч. 5 ст. 110 УИК выступает в качестве меры поощрения, которое в данном случае выступает мощным стимулом, посредством которого осуществляется воздействие на мотивацию правопослушного поведения осужденного в процессе отбывания наказания. Положительное влияние данной меры поощрения позволяет обеспечивать добровольное и, главное, заинтересованное участие осужденных в проведении воспитательных мероприятий, выступая своеобразным «рычагом» влияния на поведение осужденного. И если исключить указанный «рычаг» из исправительного процесса, вызвать у осужденного работу над самим собой становится уже не так просто. В данном случае необходимо рассмотреть как факторы, исключающие позитивное стимулирование правопослушного поведения, запрет на представление к условно-досрочному освобождению от наказания в отношении осужденных, обязанных возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, а также в отношении лиц, осужденных за преступления, предусмотренные ст. 174 УК и иные преступления, совершенные в период работы в организациях на основании судебного постановления. Необходимо отметить, что запрет на представление указанных категорий, осужденных к условно-досрочному освобождению, по своей сути препятствует достижению целей уголовной ответственности, так как вступает в противоречие с основами исполнения наказания, к которым можно отнести стимулирование правопослушного поведения осужденного [4, с. 284].

Анализ уголовного законодательства Республики Беларусь показывает, что возможность условно-досрочно освободиться от наказания отсутствует еще у одной категории лиц – осужденных к пожизненному заключению, общественная опасность совершенных преступлений которых относится к категории особо тяжких. Однако, законодатель при конструировании норм, определяющих правовые основы отбывания наказания для данной категории, осужденных все же учел возможность досрочного освобождения для этой категории осужденных. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 58 УК пожизненное заключение может быть заменено на определенный срок, но не свыше пяти лет. При этом суд в обязательном порядке должен учесть поведение осужденного в процессе отбывания наказания. В целом, рассмотренные аспекты исполнения наказания в виде пожизненного заключения свидетельствуют о том, что даже для данной категории осужденных возможно досрочное освобождение. Перспектива досрочного освобождения оказывает позитивное, стимулирующее воздействие на правопослушное поведение осужденных в период отбывания пожизненного заключения.

Рассмотренные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что для осужденных, не подпадающих по формальным основаниям к применению условно-досрочного освобождения от наказания, исключается одна из существенных мер поощрения, которая возможна в процессе отбывания наказания – представление к условно-досрочному освобождению. Это способно влиять на мотивацию осужденного к правопослушному поведению в процессе отбывания наказания. Стоит

отметить, что процесс исправления лица в процессе отбывания наказания предполагает субъективный аспект, т. е. у осужденного должна быть заинтересованность в изменениях своих отрицательных черт личности. Система исправления, по сути, построена на том, что при позитивной динамике правопослушного поведения в процессе отбывания наказания администрация исправительного учреждения вправе изменять (либо представлять к изменению в суд) условия отбывания наказания осужденного, вплоть до представления последнего к условно-досрочному освобождению, что закрепляет таким образом позитивные изменения в личности осужденного [4, с. 285].

Учитывая тот факт, что исключение возможности указанным категориям осужденных претендовать на условно-досрочное освобождение ставит под сомнение достижение целей уголовной ответственности, необходимо устранить ограничения на применение условно-досрочного освобождения в отношении лиц, осужденных за совершение коррупционных преступлений, а также лиц, обязанных возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, осужденных за преступления, предусмотренные ст. 174 УК и за иные преступления, совершенные в период работы в организациях, на основании судебного постановления путем закрепления отдельной нормы в ч. 3 ст. 90 УК, устанавливающей возможность условно-досрочного освобождения по отбытии не менее $\frac{4}{5}$ срока наказания, а также в ч. 31 ст. 90 УК по отбытии не менее $\frac{3}{4}$ срока наказания, что будет способствовать наиболее эффективному достижению целей уголовной ответственности, а также реализации принципов уголовного и уголовно-исполнительного законодательства при исполнении наказания.

В заключение необходимо отметить, что установление запрета на условно-досрочное освобождение от наказания не позволяет в полной мере реализовать возможности «социального лифта» для осужденных к лишению свободы. Соответственно, наличие указанного обстоятельства не позволяет стимулировать правопослушное поведение осужденных в процессе отбывания наказания, а само наказание, когда осужденный исправился, но не может досрочно освободиться, не приносит большой пользы и носит деструктивное влияние на личность и в итоге ставит под сомнение возможность достижения целей уголовной ответственности, закрепленных в ч. 2 ст. 44 УК.

Список литературы

1. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы): резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 8 января 2016 г. A/RES/70/175 // Организация Объединенных Наций. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/undoc/gen/n15/443/44/pdf/n1544344.pdf?openelement>.
2. Сорокин П. А. Социальная мобильность. М. : Директмедиа Паблишинг, 2007.
3. Эминов В. Е., Аминов И. И. Социальные лифты» в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы: проблемы и решения // Новое слово в науке: перспективы развития. 2014. № 2. С. 317–319.

4. Тит А. А. Условно-досрочное освобождение от наказания и исправление осужденного: проблемные аспекты // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тезисы докладов Международной научно-практической конференции (Минск, 20 февраля 2020 г.) / отв. ред. В. Ч. Родевич. Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2020. С. 284–285.

Требенок А. А.¹,
начальник кафедры международного
полицейского сотрудничества
и борьбы с преступностью
по каналам Интерпола
Всероссийского института повышения
квалификации сотрудников МВД России,
кандидат педагогических наук

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРОПОРЯДКА

История свидетельствует, что еще на заре цивилизации коллективное решение общих задач стало одной из важнейших форм человеческого бытия. С древнейших времен вместе с другими видами совместной деятельности берет начало сотрудничество в борьбе с противоправными деяниями, что известно из историографии, сохранившей уникальные документы. Так, между Русью и Византией имелись взаимные обязательства по привлечению к ответственности за убийства, кражи, телесные увечья и другие преступления.

Видный российский правовед, профессор Санкт-Петербургского университета А. Н. Штиглиц в 1882 г. опубликовал работу «Исследование о выдаче преступников», в которой отмечено, что преступники скрываются с места совершения преступления в других государствах, избегая уголовной ответственности. С развитием понятия о международном общении подобная безнаказанность вредна не только государству, но и всему человечеству [9, с. 1].

В 1889 г. в Брюсселе на учредительном заседании Международного союза уголовного права выдающийся австрийский и немецкий криминолог Ф. фон Лист констатировал появление международной преступности и призвал полицейские службы разных стран к согласованным действиям по ее подавлению. Фактически именно Листу принадлежит идея создания Международной организации уголовной полиции – Интерпола [2, с. 4]

Точкой отсчета международного полицейского сотрудничества принято считать апрель 1914 г., когда по инициативе князя Монако Альберта I состоялся Первый международный конгресс уголовной полиции, в котором приняли участие представители 24 государств, включая Россию. По итогам конгресса в *Journal de Monaco* был опубликован официальный отчет.

С тех пор в течение XX в. выстраивалась система международного противодействия преступности. Субъектами данной деятельности выступают государства в лице своих правоохранительных органов и международные организации, а главным регулятором, координатором и арбитром – Организация Объединенных Наций.

¹ © Требенко А. А., 2020.

Актуальность международного сотрудничества в противодействии преступности будет неуклонно возрастать, что обусловлено объективными предпосылками. Так, если изначально конфликты между государствами и народами лежали в политико-идеологической плоскости (идеологические разногласия, территориальные притязания и др.), то после Второй мировой войны, примерно с середины XX в. обострилась борьба вокруг природных ресурсов. Вокруг центров политической и социальной нестабильности всегда обостряется криминогенная обстановка, что требует координации усилий по локализации преступных проявлений [7, с. 33].

Лейтмотивом международного сотрудничества в противодействии преступности является объединение потенциалов, опыта, передовых практик правоохранительных органов и международных организаций. Данное сотрудничество осуществляется по таким направлениям, как противодействие экстремизму и терроризму, незаконному обороту наркотиков, преступности в киберпространстве, т. е. по всему комплексу правоохранительной деятельности, который осуществляется органами полиции разных государств. Отдельным направлением является сотрудничество в области подготовки профессиональных кадров, которое осуществляется в учебных заведениях, специализированных учебных центрах разных стран мира.

Такое сотрудничество повышает авторитет полиции, упрощает процедуры выдачи сбежавших за рубеж преступников, укрывающихся от правосудия [8, с. 6].

Современные реалии, характеризующиеся непростой криминогенной обстановкой в отдельных регионах мира (Ближний Восток, Северная Африка и др.), свидетельствуют об особой опасности транснациональной преступности, которая обрела признаки целой индустрии с имеющим в своем арсенале кадровым, финансовым, техническим, информационным и иными ресурсами, инфраструктурой, системой подготовки «специалистов», каналами обмена информацией и преступным опытом.

Российская Федерация вносит значительный вклад в совершенствование системы и механизмов противодействия транснациональной преступности. Руководство государства неоднократно призывало мировое сообщество сплотиться перед современными вызовами, подчеркивая особую актуальность подлинно коллективных, скоординированных действий государств и международных институтов. Так, в сентябре 2015 г., на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Президент Российской Федерации Владимир Путин призвал создать универсальный фронт противодействия международному терроризму.

При этом в области противодействия транснациональной преступности руководство нашей страны уделяет предметное, всестороннее внимание как традиционным (международный терроризм, незаконный оборот наркотиков и др.), так и современным криминальным угрозам (преступность в сфере ИТ). Более того, Научный совет при Совете Безопасности Российской Федерации в тесном взаимодействии с федеральными органами исполнительной власти, Российской академией наук, отраслевыми научно-исследовательскими институтами, экспертным сообществом осуществляет прогнозирование развития транснациональной

преступности, выявляет преобладающие тенденции и проблемные аспекты в противодействии глобальным вызовам, в том числе преступного характера.

Секретарь Совета Безопасности Российской Федерации Н. П. Патрушев отметил, что страны мира начинают все больше осознавать, что современным угрозам может быть найден лишь коллективный ответ. В последние годы фиксируется усиливающийся интерес суверенных государств во всех регионах мира к созданию как в региональном, так и в глобальном масштабе современной системы обеспечения стабильности, основанной на принципе равной и неделимой безопасности [4, с. 9].

Система международного противодействия преступности, осуществляя противодействие криминальным угрозам глобального масштаба, выполняет функцию сохранения и поддержания современного миропорядка.

Основы миропорядка закладывались в ходе Второй мировой войны совместными усилиями ведущих держав антигитлеровской коалиции. Важную роль сыграли уроки, извлеченные из печального опыта Версальской системы, Лиги Наций и мирового экономического кризиса 1930-х гг. Руководство «Большой тройки» (Советского Союза, США и Великобритании) понимало необходимость создания новых, более инклюзивных и эффективных механизмов поддержания международной безопасности и стабильности мировой экономики. Отсюда – проекты создания ООН и Бреттон-Вудской системы, запущенные к концу войны [6, с. 5–6].

Президент Российской Федерации подчеркнул, что Устав ООН является фундаментом послевоенного миропорядка и главным источником международного права [1, с. 1], а Заместитель Председателя Совета Безопасности Российской Федерации Д. А. Медведев отметил, что при создании ООН государства-основатели, включая СССР, заложили ее миссию из трех принципов: стремления к стабильному и безопасному миру, продвижения идеи прав человека и построения более справедливого миропорядка [3].

Очевидно, что государства в лице компетентных органов и ведомств правоохранительной направленности, международные организации под эгидой ООН, противодействуя преступности, обеспечивают сохранение относительной стабильности как в мире в целом, так и в отдельных его регионах. Так, в резолюциях ООН по противодействию преступности содержатся директивные установки для государств – членов Организации и региональных международных организаций (Организация Договора о коллективной безопасности, Шанхайская организация сотрудничества и др.). К примеру, резолюции ООН о борьбе с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков обеспечивают координацию сил, средств, консолидацию опыта государств и международных организаций в противодействии этим вызовам.

Более того, ссылаясь на резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 72/123 от 7 декабря 2017 г. и 72/284 от 26 июня 2018 г., в которых отмечается важность продолжения усилий по достижению мира, свободного от терроризма, 28 сентября 2018 г. в Нью-Йорке по предложению Республики Казахстан рядом государств подписан Кодекс поведения для достижения мира, свободного от терроризма. Это –

лишь один из примеров сотрудничества государств и международных организаций в противодействии преступности при главенствующей роли ООН.

Вместе с тем следует отметить, что в сложившейся системе сотрудничества имеются проблемные аспекты. Так, понимая важность объединения потенциалов перед лицом общих угроз глобальной и региональной безопасности, главы государств – членов ОДКБ в 2005 г. поручили Секретариату Организации проработать вопрос об установлении взаимодействия с НАТО, дав соответствующие полномочия. Ответа со стороны Организации Североатлантического договора не последовало [7, с. 31].

В 2008 г. Россия выступила с инициативой о разработке Договора о европейской безопасности. Ее суть – создать в Евро-Атлантике единое пространство, построенное на принципе неделимости безопасности.

В «ответ» на инициативу России главы государств – членов НАТО по итогам саммита в Лондоне 3–4 декабря 2019 г. включили Российскую Федерацию в перечень угроз евро-атлантической безопасности [5, с. 1]. Россия указана в двух из девяти пунктов, и оба раза – в негативном ключе. В п. 3 говорится, что «агрессивные действия России представляют угрозу евро-атлантической безопасности», а «терроризм во всех его формах» идет лишь следом за «российской угрозой» [5, с. 3].

В целом, несмотря на нестабильность и дефицит полноценных межгосударственных отношений, система международного сотрудничества в противодействии преступности выполняет свою функцию, имеет перспективы развития, которые прослеживаются из документов, принятых на международных мероприятиях с участием глав ведущих государств мира (например, I саммит Россия – Африка 24 октября 2019 г. в Сочи; XII саммит БРИКС, состоявшийся 17 ноября 2020 г. в режиме видеоконференции под председательством Российской Федерации, и др.).

Во всей совокупности деятельность ООН, выраженная в директивных документах, которая спроецирована на деятельность государств – членов Организации и региональных международных организаций, а также выработанные механизмы взаимодействия (консультации, совместные учения, совместные операции, научные исследования и др.) способствуют сохранению глобальной безопасности, а значит, принципов и устоев мирового порядка, сложившегося по итогам Второй мировой войны в 1945 г.

Список литературы

1. Латухина К. Только так! // Российская газета. 2020. № 213 (23 сен).
2. Лист Ф. Задачи уголовной политики: Преступление как социально-патологическое явление / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М. : Инфра-М, 2004.
3. Медведев Д. А. 75 лет ООН: старые проблемы, новые вызовы и глобальные решения // Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/speeches/2865>.
4. Патрушев Н. П. Видеть цель // Российская газета. 2019. № 254 (12 нояб.).
5. Постникова Е. ПодНАТОрели // Известия. 2019. № 231 (5 дек.).
6. Торкунов А. В. Великая Победа и мировой политический процесс // Международная жизнь. 2020. 17 июн.

7. Требенюк А. А. Международное сотрудничество в области противодействия преступности: опыт международных организаций : аналитический обзор. Домодедово : ВИПК МВД России, 2020.
8. Фалалеев М. Патруль выходит в сеть // Российская газета. 2019. № 252 (8 нояб.).
9. Штиглиц А. Исследование о выдаче преступников. М. : Ленанд, 2016.

Хаминский Я. М.¹,
*доцент кафедры прав человека
и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В ПЕРИОД ЭПИДЕМИЙ (ПАНДЕМИЙ)

Охватившая мир пандемия коронавирусной инфекции и вызванные ею ограничительные и карантинные меры в большинстве стран мира стали испытанием для многих форм существования населения.

Пандемия изменила удобное и уже привычное единство глобального рынка, европейской трансграничности, привычных механизмов обмена товарами, услугами, технологиями и т. д.

Даже в высокоразвитых странах обнаружились проблемы со снабжением населения предметами первой необходимости, например средствами индивидуальной защиты. В частности, в Европе медицинские маски давно не производятся, а закупаются в Китайской Народной Республике. Оказалось, что даже такие простые предметы обеспечения эпидемиологической безопасности населения европейцы либо не в состоянии производить сами, либо не могут нарастить производство до необходимых объемов.

Вскрылась другая существенная проблема: развитые страны не могут существовать без заимствованного труда. Так, отток трудовых мигрантов в Москве по последним данным составил около 40 %.

В связи с этим возникла невиданная и невозможная ранее парадоксальная ситуация. Главная проблема выходящего из карантина мира – с одной стороны, резкий скачок безработицы, а с другой – отсутствие на рынке труда мигрантов, готовых занять традиционные для них ниши в ЖКХ, на стройках, производстве товаров первой необходимости (продуктов питания или, например, тех же масок). Безусловно, такая ситуация возникла вследствие тотального возвращения потерявших работу трудовых мигрантов в страны своего гражданства из-за потери работы.

Вообще, пандемия новой коронавирусной инфекции выявила множество острых проблем, стоящих перед международным сообществом: правовых, медицинских, эпидемиологических, финансово-экономических, гуманитарных и ряда других.

Помимо решений, перечисленных выше, существенное значение имеет и снятие на международном уровне вопросов правового регулирования введения и прекращения (поэтапного сокращения) ограничительных и карантинных мер, а также их адекватность, достаточность и нравственно-этическая сторона.

¹ © Хаминский Я. М., 2020.

Именно эти проблемные вопросы представляются весьма актуальными и будут рассмотрены в настоящей статье.

В период «первой волны» пандемии новой коронавирусной инфекции, а точнее, со второй половины марта 2020 г., было издано свыше 70 нормативных правовых актов Российской Федерации, направленных на борьбу с эпидемией: федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, приказы и разъяснения министерств и ведомств, постановления и предписания Главного государственного санитарного врача Российской Федерации, акты Банка России и т. п.

Заслуживает внимания и связанное с этим региональное законотворчество. Например, Губернатором¹ и Правительством² Свердловской области было издано свыше 15 указов, постановлений и распоряжений (без учета дополнений и изменений к ним).

В то же время Мэром и Правительством Москвы³ издано значительно меньшее количество региональных актов, однако на момент написания статьи в них было внесено 58 изменений и дополнений.

Необходимо отметить, что основной массив федерального и регионального законодательств ориентирован, в первую очередь, на введение ограничений и установление административной ответственности за их нарушение (штрафов). При этом разъяснительная работа о необходимости вводимых мер фактически не проводилась.

В значительной степени из-за этого, а также вследствие неурегулированности и конфликтов федерального и региональных законодательств, отсутствия мотивированной разъяснительной работы ограничительные меры вызывали жесткое непонимание и раздражение у населения.

Одним из наиболее спорных вопросов, безусловно, стала защита персональных данных.

В связи с распространением коронавирусной инфекции учреждения ввели по требованию властей дополнительные меры, направленные на охрану здоровья. Одной из самых распространенных мер стало измерение температуры работников.

Вопрос о правомерности таких действий прокомментирован в специальном разъяснении Роскомнадзора⁴.

Роскомнадзор определил, что температура тела относится к специальной категории персональных данных как информация о состоянии здоровья. В соответствии со ст. 88 ТК РФ работодатель вправе запрашивать информацию о состоянии здоровья работника без получения соответствующего разрешения в случае, когда такие данные необходимы для определения возможности выполнения

¹ Губернатор Свердловской области // URL: <http://gubernator96.ru>.

² Правительство Свердловской области // URL: <http://midural.ru>.

³ Официальный портал Мэра и Правительства Москвы // URL: <https://www.mos.ru>.

⁴ Роскомнадзор разъясняет особенности использования тепловизоров работодателями – операторами персональных данных – с целью предотвращения распространения коронавируса // Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news72206.htm>.

работником трудовых функций. В случае, если измерение температуры введено в организации, с которой лицо не связано трудовыми отношениями, считается, что посетители выражают свое согласие на сбор сведений о температуре тела (без идентификации) посредством конклюдентных действий, т. е. непосредственно посещая организацию. Собранные показатели при этом рекомендуется уничтожать в течение суток после их получения.

Интересно, что схожей позиции придерживается Европейский совет по защите данных (*European Data Protection Board*; далее – Совет). По мнению Совета, работодатели и компетентные органы здравоохранения обладают всеми правовыми основаниями, позволяющими им обрабатывать персональные данные лиц без получения согласий субъектов персональных данных в случаях, когда такая обработка необходима в связи с предотвращением угроз, связанных с распространением COVID-19, поскольку в данном случае речь идет о защите жизненно важных интересов. Напомним, что медицинские данные относятся к специальной категории персональных данных. Отличительными признаками этой категории данных являются особый перечень оснований для их обработки, а также усиленные требования по защите.

Другой серьезной проблемой, возникшей в связи с пандемией, стала необходимость организации удаленной работы для работников организаций. Работодатели должны учитывать, что в этом случае для передачи конфиденциальной информации необходимо использовать специальные цифровые платформы, которые обеспечат защиту передаваемой (принимаемой) информации, а также минимизируют риск утечки или утраты конфиденциальной информации иным образом.

Кроме того, не урегулированы вопросы использования личной оргтехники в интересах работодателя работниками, переведенными на удаленный режим работы, а также возмещения возникающих в связи с этим затрат на коммунальные услуги.

Наконец, спорен непосредственно статус самой информации об эпидемии коронавируса¹.

С одной стороны, информация о заболевших пациентах, их диагнозах и состоянии здоровья должна охраняться как личная и как врачебная тайна. С другой стороны, эти сведения представляют ценность при информировании о санитарно-эпидемиологической обстановке. В любом случае указанное свидетельствует об усилении роли медицинских организаций и государственных органов в сфере эпидемиологии и увеличении объемов обработки ими персональных данных, что также требует совершенствования правового регулирования в данной области, в том числе на международном уровне.

Аналогичные проблемы защиты персональных данных возникли и после введения в г. Москве, Московской области и ряде субъектов Российской Федерации электронных цифровых пропусков, основанных на QR-кодах.

¹ Необходимо отметить, что Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) издано большое количество рекомендаций, зачастую конфликтующих и противоречащих друг другу. В связи с этим документы ВОЗ в данной статье рассмотрены не будут.

В рамках данной статьи целесообразно и интересно рассмотреть опыт других стран по противодействию пандемии.

В целях борьбы с новой коронавирусной инфекцией в США был также разработан и внедрен ряд мер, в том числе аналогичных принимаемым в России. Кроме того, в ряде штатов, например в Калифорнии, вводился режим чрезвычайного положения.

Основные положения пакета мер против коронавирусной инфекции в США предусмотрены Законом «О коронавирусной помощи, помощи и экономической безопасности» [10] и предполагают большей частью антикризисные меры, в частности выплаты гражданам США и компаниям в связи с их закрытием по всей стране, а также поддержку системы здравоохранения. Закон принят в соответствии с законодательством США о чрезвычайных положениях в стране.

Меры предусматривают получение гражданами единовременной выплаты из расчета 1 200 долл. на человека, 2 400 долл. на семейную пару или 3 000 долл. на семью из четырех человек. При этом гражданам с высокими доходами выплаты осуществляться не будут.

Одновременно предприятиям малого бизнеса¹ для обеспечения бесперебойной выплаты зарплат в период локдауна предусмотрена выдача условно безвозвратных кредитов на сумму до 10 млн долл.

Антиковидным пакетом мер в США также предусмотрено расширение льгот для безработных. Например, отвечающие необходимым критериям работники смогут получать пособие по безработице до 39 недель до конца 2020 г., если они потеряют работу из-за пандемии. В США также принята программа поддержки и обеспечения продуктами питания порядка 40 млн малообеспеченных граждан.

Меры, направленные на противодействие распространению коронавирусной инфекции, приняты практически во всех странах мира, но имеют весьма разнонаправленный и несистемный характер.

Например, Правительство Австралии объявило о мерах, направленных на предотвращение влияния последствий распространения коронавирусной инфекции в стране, в рамках доклада «Экономическая реакция на коронавирус» [11], к которым относят укрепление национальной системы здравоохранения для борьбы с коронавирусом и защиту наиболее уязвимых слоев австралийцев.

В Италии принят Закон от 17 марта 2020 г. «Меры по укреплению Национальной службы здравоохранения и экономической поддержки семей, работников и предприятий, связанных с чрезвычайной ситуацией, вызванной COVID-19»², содержащий описание всех мер и объемов финансирования, а также Декрет о поддержке муниципалитетов, пострадавших от эпидемиологической чрезвычайной ситуации, от 1 апреля 2020 г.³

¹ К предприятиям малого бизнеса в США относят предприятия с количеством работающих не более 500 человек.

² Coronavirus (COVID-19): SME Policy Responses // Organisation for Economic Co-operation and Development. URL: https://oecd.dam-broadcast.com/pm_7379_119_119680-di6h3qgi4x.pdf.

³ Italy: Information about the new measures introduced by the Decree-Law No. 23 of 8 April 2020 in relation to the COVID-19 epidemiological emergency // Rödl & Partner. URL: <https://www.roedl.com/insights/covid-19/italy-corona-decree-law-no-23-epidemiological-emergency>.

Бундестаг ФРГ принял поправки в бюджет 2020 г., отражающие реализацию пакета антикризисных мер. Кроме того, в Германии законодательно утверждено создание Фонда экономической стабилизации (Wirtschaftsstabilisierungsfonds)¹, цель которого – обеспечение ликвидности предприятий национальной экономики.

В одной из наиболее пострадавших от коронавируса стран – Королевстве Испания – также реализуется пакет поддержки экономики.

Основные положения пакета поддержки отражены в королевском Указе от 14 марта 2020 г. № 463/2020 «Об объявлении чрезвычайного положения и о мерах, принятых в связи с COVID-19»², предусматривающем временные меры, не предполагающие приостановления действия каких-либо основных прав, предусмотренных ст. 55 Конституции Королевства Испания.

В рамках целей настоящей статьи представляется целесообразным более подробно рассмотреть меры, введенные и реализованные в Испании, поскольку, по мнению автора, они носят наиболее всеобъемлющий и системный характер, более того, практически симметричны антикоронавирусным мерам, принятым и принимаемым в Российской Федерации.

Прежде всего необходимо отметить, что рассматриваемым Указом определены основные направления деятельности, требующие реформирования на период действия режима чрезвычайного положения: государственно-управленческое, в частности перераспределение компетенций, функций и полномочий органов исполнительной власти; ограничения, касающиеся юридических лиц, прав и свобод граждан; запреты в образовательной среде, коммерческой деятельности, культуре, досуге, гостиничном бизнесе и т. д.

Определены необходимые трансформации и корректировки в национальной системе здравоохранения, транспорте, системе обеспечения населения продовольствием, определен перечень необходимых услуг, приостановка оказания которых недопустима.

Установлена также ответственность юридических и физических лиц за невыполнение или сопротивление приказам компетентных органов в условиях чрезвычайного положения.

Определено, что вплоть до отмены Указа Короля Испании приостанавливаются судебные сроки; приостанавливаются и прерываются сроки, установленные процессуальными законами для всех судебных приказов, административные сроки, сроки для выполнения процедур государственными органами и ряд других.

Компетентные органы государства делегируют обязанности в соответствующих областях министрам обороны, внутренних дел, транспорта и здравоохранения, а также создается специальный комитет – орган поддержки правительства.

¹ Der Wirtschaftsstabilisierungsfonds in der Corona-Pandemie // Bundesministerium für Wirtschaft und Energie. URL: https://www.bmwi.de/Redaktion/DE/Downloads/W/wsf-in-der-coronakrise.pdf?__blob=publicationFile&v=8.

² Real Decreto 463/2020, de 14 de marzo, por el que se declara el estado de alarma para la gestión de la situación de crisis sanitaria ocasionada por el COVID-19 // Gobierno de España - Ministerio de Transportes, Movilidad y Agenda Urbana. URL: <https://www.mitma.gob.es/ministerio/covid-19/medidas/sab-14032020-1759>.

Сотрудники правоохранительных органов наделяются полномочиями, позволяющими осуществлять проверку лиц, имущества, транспортных средств, помещений и объектов, и, при необходимости, препятствовать им в осуществлении услуг и деятельности, приостановленных королевским указом, за исключением тех, которые прямо исключены из сферы его применения. С этой целью они могут отдавать приказы и устанавливать необходимые запреты, а также приостанавливать осуществляемую деятельность или услуги.

Указом также устанавливается ограничение свободы передвижения граждан в течение срока действия режима чрезвычайного положения. За гражданами сохраняется право перемещения исключительно по маршрутам общественного пользования в одиночку для приобретения продуктов питания, фармацевтических препаратов и предметов первой необходимости; получения медицинской помощи; перемещения до места работы в целях выполнения трудовой, профессиональной или производственной деятельности; возвращения к месту постоянного проживания; оказания помощи и ухода за пожилыми людьми, несовершеннолетними, иждивенцами, лицами с ограниченными возможностями и особо уязвимыми группами населения; перемещения в финансовые и страховые организации; перемещения в результате форс-мажорных обстоятельств или при крайней необходимости.

При этом обязанность обоснования форс-мажорных обстоятельств и обстоятельств крайней необходимости возлагается на граждан.

Среди введенных ограничительных мер есть и обязанность работодателя предоставлять работнику справку-обоснование для поездки на работу, в том числе с использованием транспортных средств, включая личный; право на закрытие дорог и т. д.

В сфере образования наложен запрет на очное обучение либо его приостановление на всех участках и этапах, классах, курсах и уровнях образования, включая университетское, а также на любые другие образовательные или учебные мероприятия, проводимые в рамках другой государственной или частной деятельности. Установлена необходимость осуществления образовательной деятельности дистанционно и в онлайн-режиме.

В связи с масштабом распространения коронавирусной инфекции в Испании также были закрыты все общественные помещения и торговые заведения, за исключением розничных продуктовых магазинов, магазинов напитков, товаров первой необходимости, фармацевтических, медицинских, оптических и ортопедических магазинов, точек продажи предметов гигиены, парикмахерских, точек продажи печатной продукции и канцелярских товаров, автозаправок, табачных магазинов, магазинов технологического и телекоммуникационного оборудования, кормов для домашних животных, интернет-торговли, торговли по телефону или корреспонденции, химчисток и прачечных.

Помимо образовательных учреждений полному закрытию подлежали театры, музеи, архивы, библиотеки, памятники, помещения и учреждения, в которых проводятся публичные представления, спортивные и развлекательные мероприятия, а также приостанавливаются собрания в канун праздников, парадов и народных гуляний.

Остановлена была и деятельность мест отправления богослужения, а также гражданских и религиозных церемоний, включая похороны.

Указом Короля Испании установлены и нормы обеспечения эпидемической безопасности, такие как, например, соблюдение социальной дистанции не менее 1 м.

Как уже отмечалось выше, Указ Короля Испании от 14 марта 2020 г. № 463/2020 имеет всеобъемлющий и системный характер, поэтому им предусмотрена и коррекция функционирования национальной системы здравоохранения.

Установлено, что до особого распоряжения все органы здравоохранения, а также должностные лица и служащие, обслуживающие их, должны подчиняться прямым приказам Министерства здравоохранения Испании. Кроме того, устанавливалось, что последнее вправе руководить частными медицинскими учреждениями.

Подводя итог изучения опыта разных стран в области противодействия распространению новой коронавирусной инфекции, со всей очевидностью и уверенностью можно сделать вывод о фактической неготовности мирового сообщества к слаженным и синхронным действиям в условиях развития эпидемий и пандемий.

Очевидно, что основные усилия государств прилагаются в следующих основных сферах: медицинской, социальной и экономической.

Приведенные векторы позволяют, например, определить лишь в цифровом или процентном отношении:

- насколько эффективно системе здравоохранения страны удастся противостоять эпидемической угрозе, учесть статистические показатели (количество больничных коек, число врачей и медсестер на 100 тыс. человек, количество тестов, сколько случаев заражения выявлено, общую смертность от вируса и т. д.);
- степень влияния пандемии на качество жизни граждан, в том числе с точки зрения сохранения (потери) рабочих мест и заработной платы, изменения занятости людей, динамики продаж, эффективность перестройки образовательной системы;
- степень воздействия пандемии на экономику страны, средства, выделенные на компенсацию и ликвидацию ее последствий, поддержку наиболее пострадавших отраслей и т. д.

Вместе с тем очевидна необходимость совместных усилий государств в областях формирования высокой правовой культуры не только населения, но и бизнеса; разработки единых правил и норм, регламентирующих меры профилактики, например в сфере формирования и применения систем ограничений, запретов, норм и порядка обеспечения населения средствами индивидуальной защиты; четкого разграничения необходимости применения мер принуждения и убеждения.

Список литературы

1. Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481.

2. Указ Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» // СПС «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348485.

3. Указ Президента Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349217.

4. Указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности» // НПП «Гарант-сервис». URL: <http://base.garant.ru/73711482>.

5. Корабельникова Ю. Л. Значение двусторонних международных договоров в развитии международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 5. С. 104–108.

6. Трикоз Е. Н., Хаминский Я. М. Формирование института ответственности за преступления против мира и безопасности человечества // *Advances in Law Studies*. Т. 7. № 4. 2019. С. 51–55.

7. Сыропятова С. Б., Алланина Л. М. Правовое регулирование национальной безопасности и жизнедеятельности в условиях пандемии // Волжский университет имени В.Н. Татищева (институт). Тольятти, 2020. С. 139–147.

8. Сильченко Н. П. Международно-правовые механизмы обеспечения права на охрану здоровья в контексте эпидемий, представляющих глобальную угрозу : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10, М., 2012.

9. Constitución Española: Aprobada por Las Cortes en sesiones plenarias del Congreso de los Diputados y del Senado celebradas el 31 de octubre de 1978 // Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. URL: <https://www.boe.es/legislacion/documentos/ConstitucionCASTELLANO.pdf>.

10. The Coronavirus Aid, Relief, and Economic Security Act // An official website of the United States Government. URL: <https://home.treasury.gov/policy-issues/cares>.

11. Economic Response to the Coronavirus // Australian Government: The Treasury. URL: https://treasury.gov.au/sites/default/files/2020-03/Overview-Economic_Response_to_the_Coronavirus_2.pdf.

Хлебницына Е. А.¹,
*преподаватель кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

Шершакова Е. К.²,
*командир отделения 582 учебного взвода
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Международная организованная преступная деятельность включает в себя большое количество запрещенных деяний, совершение которых позволяет виновным получать материальную выгоду. В частности, к таким видам деятельности традиционно относятся незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, отмывание денег, организация незаконной миграции, торговля людьми и торговля оружием, террористическая деятельность, торговля человеческими органами и др. Нет сомнения в том, что организованная преступность представляет угрозу для международной безопасности и стабильности. В связи с этим борьба с ней остается одной из основных и приоритетных задач, стоящих перед международным сообществом.

Представляется целесообразным изучить меры уголовно-правового противодействия, предпринимаемые рядом зарубежных стран в борьбе с организованной преступной деятельностью. Отметим, что основным международным инструментом борьбы с организованной преступностью является Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, которая была принята 15 ноября 2000 г. [4]. Среди прочего, указанная Конвенция предусматривает усиление правоохранительной деятельности, сотрудничество и взаимную правовую помощь в странах, где ранее не было соглашений. Учитывая развивающийся транснациональный характер организованной преступности, такое взаимодействие с международными организациями является значимым.

Так, Соединенные Штаты Америки ратифицировали указанную Конвенцию, а также сопутствующие протоколы о предупреждении и пресечении торговли людьми и против незаконного ввоза мигрантов в 2005 г. [10].

В целях эффективной борьбы с организованной преступной деятельностью необходимо выявить признаки, ее характеризующие. В частности, уголовное законодательство США к последним относит: структурированность, ограниченное

¹ © Хлебницына Е. А., 2020.

² © Шершакова Е. К., 2020.

членство, преемственность, применение насилия или угрозы его применения, нелегальные предприятия, законное проникновение в бизнес, коррупцию и отсутствие идеологии [1, с. 63–82].

В Законе о борьбе с организованной преступностью 1970 г., а более конкретно – в разделе IX Закона об организациях, оказывающих влияние на рэкет и коррупцию (*The Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act – RICO*), организованная преступность определяется через следующие термины: «предприятие» и «рэкетирская деятельность». «Предприятие» включает любое физическое лицо, товарищество, корпорацию, ассоциацию или другое юридическое лицо, а также любой союз или группу физических лиц, фактически связанных, хотя и не являющихся юридическими лицами [9]. Рэкетирская деятельность – федеральные и на уровне штатов преступления, совершение которых влечет за собой применение Закона *RICO*. К ним относятся различные противоправные деяния, которые, по мнению американского законодателя, являются свидетельствами деятельности организованной преступности, например совершение убийств, похищений людей, участие и организация азартных игр, поджоги, взыскничество и др. Для квалификации такого деяния необходимо установить минимум два эпизода рэкетирской деятельности, один из которых произошел после вступления в силу Закона *RICO*, а последний – в течение 10 лет с момента совершения предыдущего акта рэкетирской деятельности [5, с. 110].

Обратим внимание, что Закон *RICO* не вводит новых составов преступлений, он лишь ужесточает наказание для лиц, совершивших определенные деяния наряду с участием в организованной преступной деятельности. Подобная мера позволяет назначать членам организованных преступных групп более строгое наказание. Также в соответствии с Законом *RICO* допускается судебное преследование любого лица, участвовавшего или вступившего в сговор для участия в преступном предприятии или организации.

Закон *RICO* закрепляет понятие «предприятия», но не описывает его признаки, что отличает его от юридического термина. Кроме того, законодатель характеризует данную дефиницию в большей степени с позиции незаконной деятельности, чем с точки зрения преступной организации.

Также закон охраняет интересы лиц, прекративших участие в деятельности организованных преступных групп, что проявляется в получении ими иммунитета от судебного преследования в обмен на свидетельские показания. Кроме того, он гарантирует безопасность для государственных свидетелей или очевидцев по такой категории уголовных дел. Подобная мера заложила основу для обеспечения безопасности свидетелей.

Многие ученые признают Закон *RICO* одной из наиболее эффективных мер уголовно-правового противодействия организованной преступности.

Следующий этап в уголовно-правовом противодействии анализируемой преступной деятельности связан с внесением изменений в Закон *RICO* Законом о всеобъемлющей конфискации от 1984 г., закрепившим конфискацию доходов, полученных прямо или косвенно в результате рэкета, и принятием в 1986 г. Закона «О борьбе с отмыванием денег».

На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод, что применение Закона *RICO* в сочетании с правовыми актами, направленными на конфискацию имущества, добытого преступным путем, является мощным средством уголовно-правовой борьбы с организованно преступностью.

Обратимся к опыту уголовно-правового противодействия организованной преступности в Италии. Отметим, что основу подобных мер составляют многочисленные законодательные акты по контролю над мафией, принимаемые с середины 1950-х гг. Наиболее значимые из них были приняты в период с 1982 по 1992 г. в связи с совершением наиболее опасных и жестоких преступлений, шокировавших международное сообщество. Только в последние несколько лет итальянскому законодателю удалось справиться с распространением деятельности мафии и других форм организованной преступности.

Статья 416 итальянского Уголовного кодекса преступным сообществом признает объединение трех или более человек в целях совершения нескольких преступлений [8]. Те, кто продвигает, создает или организует преступное сообщество, наказываются лишением свободы на срок от трех до семи лет. Сам факт участия в таком сообществе наказывается лишением свободы от одного года до пяти лет. Дополнительно лидеры подлежат штрафу, который увеличивается, если количество участников превышает десять человек.

Преступление, «связанное с членством в организованном преступном сообществе», основывается на презумпции – члены криминального сообщества, в том числе мафиозного типа, совершают преступления» [6]. Такой подход позволил осуществить уголовное преследование и осуждение к различным мерам наказания целого ряда лидеров организованной преступности только на основе показаний других членов преступных ассоциаций.

Первый общий итальянский закон (так называемый закон Рогнони-Ла Торре или «закон Антимафии»), был утвержден 13 сентября 1982 г., после убийства генерал-префекта Д. Къезы, и впервые определил мафию как особый вид организованной преступности. В соответствии со ст. 416bis, введенной новым законом, преступную организацию можно отнести к мафиозному типу только при наличии следующих признаков: 1) состоит из трех или более лиц; 2) основу ее деятельности составляют применение силы, запугивания, подчинение и принуждение к молчанию; 3) цель деятельности – получение прямо или косвенно незаконной материальной иной выгоды для себя или для других лиц (контроль над экономической деятельностью, воспрепятствование осуществлению прав граждан на свободные выборы и др. [8]

Итак, простая организованная преступность в Италии определяется на основе наличия трех элементов: ассоциативной связи, организованной структуры, преступной программы. Организованная преступность мафиозного типа обладает дополнительной специфической характеристикой – наличием омерты («кодекса чести» мафии, несотрудничества с государством). Именно на таком уровне ее можно считать системой, абсолютным правилом повиновения и законом молчания, который прежде всего требует от всего населения отказ сотрудничать с правоохранительными органами, фактическое подчинение власти мафии.

Также отметим, что в течение последних нескольких лет были приняты и другие меры уголовно-правового противодействия организованной преступной деятельности. К наиболее значимым из них следует отнести меры, принимаемые против отмывания денег (ст.ст. 648bis и 648ter УК Италии) как подрыва экономических основ преступности, наличие особенностей уголовной ответственности «мафиози», которые сотрудничают с правоохранительными органами, так называемые *pentiti* («кающиеся»).

Также научный интерес представляет анализ мер уголовно-правового противодействия организованной преступности в Грузии. 20 декабря 2005 г. Парламентом Грузии был принят Закон «Об организованной преступности и рэкете» [2].

Были введены такие дефиниции, как «воровское сообщество», «вор в законе», «рэкет», «субъекты рэкета», «воровской сход», «член «воровского сообщества», «воровская разборка», «деятельность «воровского сообщества» (ст. 3). Более того, законодатель указал, каких лиц следует признавать членами семьи, близкими родственниками, а также лицами, связанными с рэкетиром или членом «воровского сообщества», или «вором в законе» (ст. 4); определил, какое имущество признается имуществом, добытым путем рэкета, имуществом члена «воровского сообщества» или «вора в законе» (ст. 5).

Как справедливо отметила М. Г. Козловская, «закон “Об организованной преступности и рэкете” создает широкие возможности для подрыва материально-финансовой базы рэкетиров и воровского сообщества в целом, предоставляя возможности для эффективного изъятия (конфискации) имущества, в отношении которого отсутствуют документы или иные доказательства, подтверждающие их получение правомерными средствами. Тем самым наносится удар в самое уязвимое место организованной преступности – сохранности материально-финансовых активов, а преступная деятельность в значительной мере обесмысливается, поскольку теряет свою перспективу. Это связано с нецелесообразностью добычи материальных ценностей при реальной и постоянной угрозе их конфискации» [3]. По мнению автора, подобные меры обоснованы стремлением законодателя добиться такого положения, чтобы риски утрат превышали выгоду, получаемую в результате совершения преступлений [3].

Также закон устанавливает, что ответственность рэкетира, члена «воровского сообщества» или «вора в законе» определяется законом «Об организованной преступности и рэкете» и другими законодательными актами Грузии.

В частности, большой объем норм гл. 30 «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» УК Грузии [7] посвящен борьбе с организованной преступностью. Статьей 223 устанавливается уголовная ответственность за создание незаконного формирования, руководство им, членство, участие в таком формировании или (и) осуществление иной деятельности в пользу незаконного формирования. В примечании к данной статье дается определение «незаконного формирования» (дружины, объединения, отряда или иной группы), содержатся особые основания освобождения лиц от уголовной ответственности, а также дополнительная ответственность юридических лиц.

В 2006 г. Уголовный кодекс Грузии был дополнен ст. 223.1 «Членство в «воровском сообществе», понятием «вор в законе»». В действующей редакции

нормы указанное членство наказывается лишением свободы на срок от семи до десяти лет, штрафом или без такового; пребывание лица в положении «вора в законе» наказывается лишением свободы на срок от девяти до пятнадцати лет, штрафом или без такового.

В примечании к статье содержится ряд условий освобождения лица от уголовной ответственности, являющегося членом воровского сообщества. Для этого необходимо выполнить следующие условия: лицо добровольно заявит о своем членстве органу, осуществляющему уголовное преследование, в результате его сотрудничества со следственными органами будут установлены фамилия и имя лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление, или (и) при его непосредственном содействии будут созданы существенные условия для раскрытия такого преступления, в его деянии отсутствуют признаки другого преступления.

Отдельно ст. 223.2 УК Грузии предусматривается ответственность за участие в «воровском сходе», ст. 223.3 – поддержка деятельности «воровского сообщества», ст. 223.4 – обращение к члену «воровского сообщества» или «вору в законе» или получение материальной выгоды либо материального преимущества в результате такого обращения, ст. 224 – бандитизм, ст. 224.1 – участие в группировке, занимающейся рэкeтoм.

Изложенное выше позволяет сделать следующие выводы. В законодательствах анализируемых стран содержатся уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за организованную преступную деятельность. Часть из них является нормами-дефинициями, которые закрепляют конкретные признаки различных видов деятельности организованных преступных групп, определяются их формы. Опыт уголовно-правового противодействия анализируемой запрещенной деятельности в зарубежных странах может быть полезен российскому законодателю в целях совершенствования УК РФ в исследуемой сфере.

Список литературы

1. Finckenauer J. O. Problems of Definition: What is Organized Crime? // Trends in Organized Crime. 2005. № 3.
2. Закон Грузии от 20 декабря 2005 г. № 2354 «Об организованной преступности и рэке́те» (в ред. от 18.04.2018 № 2150) // Законодательный Вестник Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/27814?publication=1>.
3. Козловская М. Г. Опыт борьбы с организованной преступностью в Грузии // Вестник Омского государственного университета: Серия. Право. 2018. № 2 (55). С. 175–179.
4. Конвенция против транснациональной организованной преступности (г. Нью-Йорк, 15 ноября 2000 г.) // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: через коммерческую версию.
5. Criminal RICO: A Manual for Federal Prosecutors. Washington D.C., 2006.
6. Пырчев С. В. Международный опыт противодействия лидерам организованной преступности и возможность его применения в Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 392–397.

7. Уголовный кодекс Грузии (в ред. от 01.10.2019 № 5041) // Законодательный Вестник Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=212>.

8. Codice Penale Italiano (Testo coordinato ed aggiornato del Regio Decreto 19 ottobre 1930, n. 1398) // Altalex. URL: <https://www.altalex.com/documents/news/2014/04/18/dei-delitti-contro-l-ordine-pubblico>.

9. Legal Information Institute (LII) // URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1961>.

10. United Nations Convention against Transnational Organized Crime (TOC) // US Department of State: archive. URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/ps/2005/56006.htm#:~:text=On%20October%2019%2C%202005%2C%20President,of%20Sea>.

Чиненов А. В.¹,
*преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности
Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина*

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЛИКВИДАЦИЕЙ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Современная юридическая наука определяет, что одной из основных характеристик преступления является его общественная опасность, т. е. причинение вреда охраняемым законом объектам. Именно объект выражает характер общественной опасности деяния, посягающего на него, а размер ущерба объекту – основной критерий определения степени общественной опасности деяния [17]. Проблематика уголовно-правовой характеристики объекта преступлений на протяжении длительного периода времени находится в поле зрения многих исследователей [16]. Анализу подвергаются сущность этой уголовно-правовой категории, его значение, виды, конкретизированные категориями и видами преступных деяний. К примеру, А. И. Трайнин описывает объект преступления так: «...каждое преступление, выражается ли оно в действии или бездействии, всегда есть посягательство на определенный объект. Преступление, которое ни на что не посягает, в природе не существует» [14, с. 174].

Ряд авторов представляет объект преступления в традиционном понимании; так, Р. Р. Галиакбаров пишет: «...объект преступления – это общественные отношения. Под охрану уголовного закона ставятся только те из них, причинение вреда которым серьезно затрагивает интересы личности, общества, государства. Отобранные таким образом общественные отношения, охраняемые уголовным законом от преступных посягательств, становятся объектами преступления. Следовательно, объектом наступления выступают охраняемые отношения, на которое посягает лицо, совершающее преступление» [4]. В свою очередь, А. Э. Жалинский пишет: «...понятие правового блага, таким образом, объединяет нормативную и ценностную характеристики объекта преступления, раскрывает необходимость, значимость этого объекта для общества, выражая это не только в идеальных, абстрактных формулах, но и, по возможности, в материальном описании» [6]. В. Н. Винокуров обоснованно считает, что противоправное деяние нарушает как охраняемое (фактическое), урегулированное в ряде случаев нормами гражданского, семейного, трудового и иных отраслей права, так и охраняющее (правовое) отношение, урегулированное нормами уголовного права. Данное толкование подвергается критике многими учеными ввиду того, что «правоотношения – это лишь правовая форма общественных отношений», а «если считать объектом лишь правомочие, то тогда все преступления против собственности следует отнести к преступлениям против личности, а именно против прав

¹ © Чиненов А. В., 2020.

человека и гражданина» [2]. Особый интерес вызывает разработанный Л. Д. Гаухманом единый процесс строения составов преступлений определенной группы, включающий в себя ряд этапов: с одной стороны, восхождения от конкретного к абстрактному, в результате чего в качестве абстрактного определения высшего уровня выделено общее понятие состава преступления, и с другой – последующего восхождения от названного абстрактного определения к конкретному в мышлении, что позволяет конкретизировать понятия видового, родового и конкретного составов преступлений [5, с. 34–35]. Отсюда можно сделать вывод о том, что такая уголовно-правовая категория, как «объект преступления», является одним из самых сложных разделов уголовного права, носящим актуальный характер и нуждающимся в дальнейшем ее изучении с учетом существующих реалий в мире совершенствующейся преступной деятельности.

Родовой этап оценки деяния носит принципиальный характер и позволяет определить, на отношения какой родовой группы совершено посягательство, а также всецело и полно определить квалификацию инкриминируемого преступления, ответственность за которое предусмотрена нормами разделов VII–XII УК РФ. Например, в том случае, если должностное лицо при исполнении служебных полномочий подвергается нападению либо же оскорблению, данное правонарушение должно инкриминироваться как преступление не просто в отношении чести и достоинства личности, а как совершенное в отношении государственной власти.

Видовой объект преступления – производная и в то же самое время неотъемлемая часть вышеописанного нами родового объекта преступлений, роль которого заключается в движении создания концепции определения уголовно-правовой нормы от общего к частному. В качестве примера считаем необходимым упомянуть Н. И. Коржанского, который достаточно точно выразил свое понимание видового объекта: «...если мы говорим, что объектом убийства является жизнь человека, то мы не имеем в виду конкретное убийство и жизнь отдельного конкретного человека. Здесь употребляется видовое понятие убийства и видовое понятие жизни. В таком употреблении жизнь означает не отдельное общественное отношение по обеспечению жизни, а все аналогичные общественные отношения как отдельный их вид. Но нетрудно увидеть, что ни одно убийство не направлено непосредственно на лишение жизни как вида общественных отношений, т. е. на лишение жизни всего общества» [12]. В большинстве случаев правоприменительной практики видовой объект тесно связан с родовым объектом и входит в группу похожих общественных отношений. В отдельных случаях видовой объект противоправного деяния может совпадать с родовым, а в иных он может совпадать с непосредственным. Процесс по квалификации преступлений по объекту подвергается логическому завершению при определении того, на что именно были направлены посягательства, на какие конкретные общественные отношения. Примером могут послужить нормы гл. XVI–XVIII Особенной части УК РФ, в которых прямо упоминаются преступления против свободы, личности, половой неприкосновенности, здоровья, жизни человека и т. д.

Таким образом, возникает необходимость в подразделении непосредственных объектов преступления на основные и дополнительные. При рассмотрении

понятия основного непосредственного объекта преступления следует осознавать, что им являются нарушения общественных отношений, в целях защиты которых и была создана уголовно-правовая норма, регулирующая вменение ответственности за совершение преступлений в отношении них. Следовательно, дополнительные объекты преступлений – это все те же общественные отношения, в отношении которых нет прямого посягательства при совершении преступления, но которые нарушаются преступлением вкупе с основным объектом.

Всегда следует помнить, что основными целями при установлении объекта преступления являются определение и отграничение противоправного действия, что и позволяет дать верную уголовно-правовую характеристику деянию. Рассматриваемая нами категория преступлений образует достаточно большой и разноплановый круг преступлений. Большой группой данной категории являются преступления, входящие в гл. XXII УК РФ (преступления в сфере экономической деятельности). К таковым мы относим криминальные банкротства, хищения, а также налоговые преступления.

С учетом того, что совершаемые преступления при ликвидации юридического лица образуют большую группу разноплановых преступлений, объект преступного посягательства, соответственно, в нашем случае также будет различным. Непосредственный объект категории преступлений в сфере экономических преступлений Б. В. Волженкин, Л. В. Иногамова-Хегай, В. С. Комиссаров, А. В. Кузнецова рассматривают как преступления, совершаемые против интересов кредиторов или против имущественных интересов в целом [1, с. 403–404; 3; 15, с. 143–144]. О. Г. Карпович рассматривает объект как посягающее на охраняемые законом интересы в сфере предпринимательской деятельности [9]. Г. М. Зеленов рассматривает преступления экономической направленности, связанные с криминальными банкротствами, как посягательства на гражданско-правовые, налоговые и трудовые обязательства [8]. Достаточно обширно свое определение объекта криминальных банкротств дает А. В. Пустяков, который включает в него: соразмерные и правомерные и имущественные интересы кредиторов, напрямую связанные с обязательствами должника, общественные отношения, существующие в области нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности субъектов экономической деятельности, законные интересы должника и финансовые (коммерческие) интересы остальных субъектов отношений, возникающих в процессе осуществления экономической деятельности [13, с. 10].

Нельзя не согласиться также с точкой зрения И. А. Клепицкого, который в непосредственный объект вкладывает общественные кредитные отношения, выступающие элементом народнохозяйственного комплекса [11, с. 36–37]. Данное толкование мы можем применить к ряду преступлений в сфере экономической деятельности гл. XXII УК РФ. Справедливым можно считать и замечание А. М. Зацепина: по криминальным банкротствам дополнительным объектом преступления будут выступать общественные отношения по охране имущественных интересов кредиторов и получателей обязательных платежей [7].

В отдельных случаях преступления, связанные с ликвидацией юридического лица, когда целью является устранение конкуренции субъекта экономической деятельности, совершаются преступления против личности (раздел VII УК РФ).

В данном случае непосредственным объектом преступления будет выступать посягательство на жизнь и здоровье человека. При совершении таковых противоправных действий теория уголовного права выделяет родовой и видовой объект. Родовым объектом преступления в данном случае будет выступать личность, а видовым – жизнь и здоровье. Непосредственным объектом преступления против личности будет выступать жизнь конкретного человека и гражданина.

Рассматривая вопрос, связанный с объектом преступления при ликвидации юридического лица в тех случаях, когда совершаются противоправные действия против личности, мы приходим к выводу о том, что в данном случае имеет место дополнительный (факультативный) непосредственный объект преступления.

В теории уголовного права отмечается, что дополнительный непосредственный объект взаимосвязан с возможностью посягательства на два непосредственных объекта. Рассматривая конкретный состав преступления, мы понимаем, что они равно необходимы. Дополнительный объект при таких обстоятельствах будет противопоставляться основному только потому, что основной, со стороны нормативных правовых актов, должен определять принадлежность противоправного деяния к определенному роду или виду [7]. При совершении преступления против личности целью будет отдельно взятое лицо как личность. Дополнительным объектом же будет устранение конкуренции хозяйствующего субъекта, вплоть до доминирующего в сфере экономической деятельности.

Подводя итог, мы приходим к выводу о том, что к непосредственному объекту преступлений, связанному с ликвидацией юридического лица, следует отнести:

1. Общественные отношения как результат осуществления деятельности хозяйствующих субъектов экономической деятельности в области нормативно-правового регулирования.

2. Устанавливаемые законом имущественные интересы кредиторов, которые непосредственно или опосредованно связаны с должником; финансовый интерес субъектов гражданско-правовых отношений в сфере экономической деятельности, учредителей, конкурсных и арбитражных управляющих, интересы должника, возникающие из вещных и обязательственных прав организации;

3. Жизнь и здоровье человека, являющегося руководителем конкурирующего хозяйствующего субъекта экономических отношений.

Считаем также необходимым отразить и то, что в современных условиях существует острая необходимость в стремлении к единообразию в употреблении понятий, так как многообразие существующих определений объекта преступлений усложняет процесс формулирования его свойств, признаков и точности в процессе понимания. Детальное изучение объекта преступления, связанного с ликвидацией юридического лица, позволит воспринимать и правильно толковать не только отдельные виды преступлений в сфере экономики, но и преступления против личности, которые влекут за собой прекращение деятельности хозяйствующих субъектов.

Список литературы

1. Борзенков Г. Н. Преступления против собственности // Курс уголовного права: Особенная часть : учебник для вузов / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002. С. 403–404.
2. Винокуров В. Н. Объект преступления как двухуровневая система и квалификация деяний // Современное право. 2017. № 10. С. 126–131.
3. Волженкин Б. В. Экономические преступления. СПб., 2002.
4. Галиакбаров Р. Р. Уголовное право: Общая часть. Краснодар : КГАУ, 1999.
5. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003.
6. Жалинский А. Э. Объект преступления // Уголовное право России / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. В 2 т. Т. 1: Общая часть. М. : Норма : Инфра-М, 1999.
7. Зацепин А. М. Особенности объекта неправомерных действий при банкротстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8–9. С. 168–172.
8. Зеленов Г. М. Преступления в сфере несостоятельности (банкротства) – посяательства на обязательственные правоотношения // Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия современной преступности / под ред. Н. А. Лопашенко. Саратов, 2006. С. 309–312.
9. Карпович О. Г. Предпринимательская деятельность как объект уголовно-правовой охраны // Российский следователь. 2003. № 3. С. 32–35.
10. Клепицкий И. А. Система хозяйственных преступлений. М. : Статут, 2005.
11. Клепицкий И. А. Система норм о хозяйственных преступлениях: основные тенденции развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. М., 2006.
12. Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М. : Академия МВД СССР, 1980.
13. Пустяков А. В. Банкротство: уголовно-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2007.
14. Трайнин А. И. Состав преступления по советскому уголовному праву. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1951.
15. Уголовное право Российской Федерации: Особенная часть : конспект лекций / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. М. : Инфра-М, 2002.
16. Харабара И. В. Объект преступления и его виды // Образование и право. 2020. № 6. С. 318–323.
17. Шевченко В. Ю. Объект и предмет преступления // Современная наука. 2013. № 1. С. 17–22.

Чинь Суан Чыонг¹,
*старший преподаватель юридического факультета
 Академии народной безопасности Вьетнама,
 кандидат юридических наук*

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ФИНАНСИРОВАНИЕ ТЕРРОРИЗМА ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

Терроризм – постоянный спутник человечества, который относится к числу самых опасных и труднопрогнозируемых явлений современности, приобретающих все разнообразные формы и угрожающие масштабы. Поэтому борьба с терроризмом является общегосударственной задачей, для выполнения которой требуется мобилизация всех ресурсов во всех странах мира, в том числе и Вьетнаме.

Данная проблема во Вьетнаме разрешается посредством подписания закрепления международных договоров, а также закрепления юридической ответственности в национальном законодательстве.

Вьетнам присоединился к некоторым международным договорам в целях противодействия финансированию терроризма, в частности: Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе с финансированием терроризма (1999 г.), а также к Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (2000 г.) и т. д.

В национальном законодательстве Вьетнама ответственность за финансирование терроризма впервые закреплена в ст. 230b Уголовного кодекса 1999 г. (далее – УК) лишь после вступления в законную силу закона № 37/2009/QН12 Вьетнама «Об изменении и дополнении некоторых норм Уголовного кодекса 1999 года» от 19 июня 2009 г. Именно поэтому пресечение финансирования терроризма рассматривается в качестве одного из главных направлений в области борьбы с этой угрозой, что следует из содержания Закона № 28/2013/QН13 Вьетнама «О пресечении и борьбе с терроризмом» от 12 июня 2013 г. Анализ указанной нормы позволяет заключить, что субъектом финансирования терроризма является только физическое лицо, для юридических лиц такая ответственность не предусмотрена. УК Вьетнама 2015 г., хотя и предусматривает некоторые новые положения, но в области ответственности за финансирование терроризма прослеживается преемственность с ранее действовавшим УК Вьетнама 2009 г. и Законом «О пресечении и борьбе с терроризмом».

Однако практика показывает, что многие организации оказывают финансовую поддержку террористической деятельности. Вместе с тем в международных договорах, членом которых является Вьетнам, установлено, что кроме ответственности физического лица государства-члены обязаны криминализировать финансирование терроризма и отмывание денег юридическими лицами. Поэтому, чтобы выполнить требование предотвращения и борьбы с этим типом преступления на практике, а также соблюдения положений международных

¹ © Чинь Суан Чыонг, 2020.

соглашений, вьетнамские законодатели внесли изменения в диспозицию анализируемой нормы Законом № 12/2017/QH14 Вьетнама «Об изменении и дополнении некоторых норм Уголовного кодекса 2015 года» от 20 июня 2017 г. При этом в уголовном праве признаются субъектами данного преступления и физические и коммерческие юридические лица.

Так, в действующем УК Вьетнама финансирование терроризма закреплено в ст. 300. Соответственно, под финансированием терроризма понимается мобилизация денег, имущества в любой форме террористическим организациям, террористам либо их финансовая поддержка. При рассмотрении данной нормы следует указать на элементы состава финансирования терроризма.

Во-первых, объектом финансирования терроризма признаются общественные отношения, обеспечивающие общественный порядок. Данное деяние закреплено в гл. 21 УК Вьетнама «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка».

Во-вторых, с объективной стороны финансирования терроризма может быть совершено путем таких действий, как:

– «мобилизация денег и имущества в любой форме для террористических организаций или террористов», которая определена п. 1 ст. 300 УК и ч. 5 ст. 3 постановления № 07/2019/NQ-НДТР судебной коллегии Верховного народного суда Вьетнама «О руководстве применения некоторых положений статьи 299 и статьи 300 Уголовного Кодекса» от 25 октября 2019 г. и представляет собой призыв к отдельным лицам и организациям предоставить, пожертвовать, одолжить деньги, одолжить имущество или в других формах террористическим организациям или террористам.

Мобилизованное лицо может быть кем-то, кто знает цели преступника, но также может не знать целей преступника. Если мобилизованное лицо знает, что целью преступника является передача денег или имущества террористической организации или физическому лицу, они могут, в зависимости от ситуации, нести уголовную ответственность за финансирование терроризма или за терроризм в качестве соучастника преступления.

– «поддержка террористических организаций или отдельных лиц деньгами и имуществом в любой форме», которая определена в п. 1 ст. 300 УК и ч. 6 ст. 3 вышеуказанного постановления. При этом поддержка террористических организаций или террористов представляет собой деяние предоставления, ссуды денег или ссуды имущества или в другой форме для террористических организаций или террористов.

Если у лица есть деньги или имущество, которыми он желает спонсировать террористическую организацию или террористов, но передает деньги или имущество им не прямо, а через третьих лиц, то такое лицо должно нести уголовную ответственность за финансирование терроризма как соучастник.

– деньги, имущество включают объекты, деньги, ценные бумаги и права собственности, недвижимость и т. д.

Следует отметить, что в случае мобилизации денег и имущества, а также иной финансовой поддержки террористических организаций или террористов в целях содействия осуществлению конкретного террористического акта, в зависимости

от случая они могут быть привлечены к ответственности за терроризм по ст. 299 или террористическое преступление против народного управления по ст. 113 УК в качестве соучастника.

Если лицо не знало заранее, но мобилизовало деньги и имущество либо оказало иную поддержку в целях сокрытия следов от преступления террористической направленности, оно подлежит уголовной ответственности за «сокрытие преступления» (ст. 389 УК – при соблюдении иных признаков, составляющих данное преступление).

Данные деяния виновного могут состоять в мобилизации денег или имущества, принадлежащих этому лицу или полученных от третьих лиц, или оказании иной поддержки террористам либо террористическим организациям.

Состав преступления, предусмотренного ст. 300 УК, по конструкции объективной стороны является формальным, т. е. оно является оконченным с момента совершения субъектом деяния, которое описано в объективной стороне финансирования терроризма вне зависимости от его последствий.

В-третьих, как указано, субъектами данного преступления являются как физические, так и коммерческие юридические лица.

Соответственно, для физических лиц субъектом финансирования терроризма является любое вменяемое лицо, достигшее 16 лет.

Для коммерческих юридических лиц следует удовлетворять условиям, указанным в ст. 75 УК: а) преступление совершено от имени коммерческого юридического лица; б) преступление совершено в пользу коммерческого юридического лица; в) преступление совершено по указанию администрации или с одобрения коммерческого юридического лица; г) не истек срок давности уголовного преследования, установленный чч. 2 и 3 ст. 27 Кодекса.

В-четвертых, с субъективной стороны финансирование терроризма может быть лишь умышленным, т. е. виновный сознает общественную опасность финансирования терроризма, но желает действовать таким образом. Цель, мотивы финансирования террористической деятельности не являются элементами состава исследуемого преступления.

Говоря о наказании за рассматриваемое преступление, отметим, что для физических лиц устанавливаются основные и дополнительные наказания. В частности, финансирование терроризма наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет. В соответствии со ст. 9 УК Вьетнама это деяние относится к категории тяжких преступлений¹. За приготовление к совершению данного преступления лицо подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от одного года до пяти лет.

Пункт 3 ст. 300 УК рассматривает также дополнительные меры наказания: преступники также могут быть подвергнуты испытательному сроку на срок от одного года до пяти лет или конфискации всего или части их имущества.

Для коммерческих юридических лиц, совершивших преступление, наказания закреплены в п. 4 ст. 300 УК Вьетнама:

¹ Преступление второго уровня из четырех по УК Вьетнама.

а) коммерческие юридические лица, совершившие финансирования терроризма, подлежат наказанию в виде штрафа в размере от 7 млрд донгов до 15 млрд донгов или прекращению их деятельности на срок от шести месяцев до трех лет;

б) коммерческое юридическое лицо, совершившее преступление, причинившее ущерб, или в случае, если его деятельность связана с реальной возможностью причинить вред жизни многих людей или экологической безопасности или неблагоприятные последствия для социальной защиты, порядка и безопасности, и невозможностью устранения последствий; либо если коммерческое юридическое лицо создано исключительно для совершения преступления, – его деятельность подлежит прекращению;

в) коммерческое юридическое лицо также может быть подвергнуто штрафу в размере от 1 млрд до 5 млрд донгов, запрету на ведение бизнеса, запрету осуществлять деятельность в определенных секторах или запрету мобилизации капитала на срок от одного до трех лет.

Подводя итог, отметим, что в настоящее время во Вьетнаме отсутствуют возбужденные уголовные дела по факту финансирования терроризма. Тем не менее следует констатировать, что закрепление уголовной ответственности за исследуемое деяние во Вьетнаме является необходимым инструментом в борьбе с террористической деятельностью и, с одной стороны, соответствует требованиям международных договоров, членом которых является Вьетнам, с другой стороны, ответственность как физических, так и юридических лиц за финансирование терроризма является сдерживающим фактором и направлено на предупреждение совершения подобных деяний.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам 1999 г. (изменен и дополнен в 2009 г.).
2. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам 2015 г. (изменен и дополнен в 2017 г.).
3. Постановление Судебной коллегии Верховного народного суда Вьетнама от 25 октября 2019 г. № 07/2019/NQ-НДТР «О руководстве применения некоторых положений статьи 299 и статьи 300 Уголовного Кодекса».
4. Закон Социалистической Республики Вьетнам от 19 июня 2009 г. № 37/2009/QН12 «Об изменении и дополнении некоторых норм Уголовного Кодекса 1999 года».
5. Закон Социалистической Республики Вьетнам от 12 июня 2013 г. № 28/2013/QН13 «О пресечении и борьбе с терроризмом».
6. Закон Социалистической Республики Вьетнам от 20 июня 2017 г. № 12/2017/QН14 «Об изменении и дополнении некоторых норм Уголовного Кодекса 2015 года».

Чугунов А. А.¹,

заместитель начальника
кафедры уголовного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

Власенко Е. Р.²,

курсант 692 взвода
Института судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

НЕЗАКОННЫЕ ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ АЗАРТНЫХ ИГР: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

В России в 2009 г. были введены четыре специальные игорные зоны: на территории Алтайского края, Краснодарского края, Приморского края, Калининградской области; в 2014 г. этот список пополнился территорией Республики Крым. [1] Легализация игорного бизнеса лишь в некоторых регионах ограничивает функционирование соответствующего рода предпринимательской деятельности в остальных субъектах Российской Федерации. Далеко не все заинтересованные в участии в азартных играх лица, проживающие на территории России, где деятельность подобных организаций запрещена, имеют возможность и желание посещать игорные зоны, созданные и осуществляющие свою деятельность на законных основаниях, что порождает возникновение нелегальных организаций, занимающихся организацией и проведением азартных игр.

В связи со значительным числом правонарушений в сфере предпринимательской деятельности, связанной с организацией и проведением азартных игр, законодатель в 2011 г. конструирует отдельный состав преступления, предусмотренный ст. 171.2 УК РФ [2]. Указанная норма претерпела ряд изменений, и настоящая редакция [3], на наш взгляд, тоже несовершенна, так как имеется ряд проблемных вопросов в правоприменительной практике, требующих разрешения, в том числе и на законодательном уровне.

Во-первых, текст настоящей редакции ст. 171.2 УК РФ затрудняет отграничение данного вида преступления от соответствующего административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.1.1 КоАП РФ, из-за идентичности формулировок диспозиций.

Во-вторых, норма, предусмотренная ст. 171.2 УК РФ, являясь бланкетной, отсылает нас к положениям Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению

¹ © Чугунов А. А., 2020.

² © Власенко Е. Р., 2020.

азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», где под организатором азартной игры понимается «юридическое лицо, осуществляющее деятельность по организации и проведению азартных игр» [1]. В соответствии с положением ст. 19 УК РФ субъектом преступления является только физическое лицо.

Правоприменение данной нормы затрудняется отсутствием соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Для совершенствования отечественного законодательства об ответственности за незаконные организацию и проведение азартных игр предлагаем рассмотреть опыт зарубежного законодательства. Научный интерес представляют УК Германии как страны – представительницы романо-германской правовой семьи, к которой относится и Российская Федерация; уголовное законодательство Великобритании – классический представитель англо-саксонской правовой семьи; Модельный (примерный) УК США – государства, относящегося к англо-саксонской семье, но имеющего ряд особенностей в силу административно-территориального деления; а также УК Японии и УК Китая – стран, которые принадлежат к дальневосточной правовой системе.

В большинстве анализируемых Кодексов рассматриваемое преступление включено в главу, связанную с охраной экономической деятельности. Выделяется Великобритания ввиду существования отдельного закона, регулирующего деятельность в сфере азартных игр, а также Китай, в котором данное преступление включено в главу «Преступления, связанные с нарушением общественного порядка» [4]. Последнее связано с тем, что в Китайской Народной Республике азартные игры во всех формах, включая онлайн-игры, запрещены. Исключения составляют два вида государственных лотерей: благотворительная, подконтрольная Министерству гражданских дел, и спортивная, подконтрольная Главному управлению спорта. Но подобно игорным зонам, существующим в России, игровой бизнес в Китае легализован в «специальных административных регионах» – Макао и Гонконге [5]. Считаем, что более правильно все же отнести незаконные организацию и проведение азартных игр в сферу таких охраняемых уголовным законом общественных отношений, которые связаны с экономикой, а не с общественным порядком, ведь посягательство направлено главным образом не на подрыв порядка управления государством, а на извлечение прибыли, что является основной целью предпринимательской деятельности как части экономики страны.

Рассмотрим конструкции основных составов незаконных организации и проведения азартных игр в законодательстве исследуемых стран.

Ч. 1 ст. 284 УК Германии [6] предусматривает ответственность за публичную организацию и проведение азартных игр без разрешения органов власти или за предоставление средств (условий) для этих целей. Законодатель рассматривает признак публичности, т. е. общедоступности как обязательный. Именно публичность (общедоступность) нелегально организованных и проведенных азартных игр имеет решающее значение для решения вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности. Считаем возможным включение такого признака

состава преступления в УК РФ для устранения вопроса о разграничении данного деяния от смежного административного правонарушения.

Стоит отметить, что в Германии, как и в России, запрещена организация азартных игр в интернете [7, с. 3]. Но в ФРГ, в отличие от Российской Федерации, из этого правила нет исключений. Поэтому иностранный законодатель не выделяет этот признак как самостоятельный в диспозициях ст.ст. 284 и 287 УК Германии, считая, что это охватывается формулировкой организации и проведения азартных игр (лотерей, розыгрышей призов) без разрешения властей.

Интересен подход законодателя США. Секция 1955 Модельного (примерного) УК США [8] «Запрет нелегального игорного бизнеса» определяет, что уголовной ответственности подлежит любое лицо, которое ведет, финансирует, управляет, контролирует, руководит или владеет всем или частью незаконного игорного бизнеса. В этой же секции содержится определение используемых понятий. Незаконный игорный бизнес – это такой бизнес, который нарушает закон любого штата, государства в целом или подрывает политическое устройство; включает пять или более лиц, которые совершают указанные действия, а также осуществлял или осуществляет практически непрерывную деятельность в течение периода, превышающего 30 дней, или имеет валовой доход в размере 2 000 долл. в любой отдельный день. Эти три элемента подлежат доказыванию для выдвижения обвинения по данной статье федерального закона [9, с. 3].

Исходя из определения, данного в Модельном (примерном) УК США, можно выделить ряд обязательных признаков, характеризующих состав анализируемого деяния. Законодатель США при отнесении действий в сфере организации и проведения азартных игр к преступным делает акцент на большом количестве организаторов и длительном существовании игорного бизнеса или же крупном доходе хотя бы за один день существования. Поддерживаем позицию зарубежного законодателя и предлагаем включить вышеупомянутые признаки нелегального бизнеса в ч. 1 ст. 171.2 УК РФ (с внесением корреспондирующих изменений во вторую и третью части данной статьи), чтобы разграничить преступление со смежным административным правонарушением. Действительно, в основном незаконная предпринимательская деятельность в сфере азартных игр осуществляется группой лиц с определенной системой распределения ролей, причем для изобличения такой группировки требуется немало времени, поэтому признак длительного существования приобретает автоматически. А исключения из этого умозаключения могут быть охвачены существующей формулировкой диспозиции нормы, предусмотренной КоАП РФ.

В нормах уголовного законодательства других стран, регламентирующих ответственность за анализируемое деяние, признаков, представляющих научный интерес, не выявлено.

Большинство законодателей не предусматривает никаких квалифицирующих признаков при описании преступного деяния по организации и проведению азартных игр. Исключением является Германия [6], где в качествеотягчающих обстоятельств предусмотрены действия на коммерческой основе и действия в составе банды, имеющей определенную цель на длительное совершение таких преступных действий. В российском законодательстве в ст. 171.2 УК РФ вместо

«банды» используются понятия «группы лиц по предварительному сговору» (ч. 2) и «организованные группы» (ч. 3). Альтернативы действиям на коммерческой основе не предусмотрено, но существует особо квалифицированный состав, предусматривающий ответственность должностного лица за незаконные организацию и проведение азартных игр с использованием своего служебного положения. Считаем, что указанные действия должностного лица для современной России более характерны, чем для ФРГ, поэтому последние и включены в состав преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ.

Говоря о понятии азартных игр, хочется отметить следующее. В соответствии с законодательством Российской Федерации азартная игра – основанное на риске соглашение о выигрыше, заключенное двумя или несколькими участниками такого соглашения между собой либо с организатором азартной игры по правилам, установленным организатором азартной игры [1]. При этом Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» не содержит четкого перечня указанных игр, что создает определенные трудности в части отнесения того или иного вида игр к азартным, ведь данное законодателем понятие слишком абстрактно.

Вместе с тем понятие азартной игры в Японии схоже с российским и представляет собой акт, когда двое и более лиц делают ставку на исход непредсказуемого или неподконтрольного воле этих лиц события с целью побороться за приз в форме имущества или иных ресурсов [10, с. 235].

«Закон об азартных играх 2005 года» Великобритании [11], в отличие от нормативных правовых актов вышеперечисленных стран, четко определяет все возможные виды азартных игр, что может быть заимствовано отечественным законодателем. Хотя отсутствие кодифицированного законодательства в сфере уголовного права в данном государстве существенно затрудняет правоприменение из-за ссылочного типа норм, а для квалификации правонарушения как преступления существует необходимость тщательного изучения всех аспектов многочисленных секций закона, правоприменителю не нужно обращаться к тексту других правовых актов, а также соотносить признаки абстрактного понятия «азартная игра» с конкретной игрой, что может сократить время расследования.

С другой стороны, закрытый перечень азартных игр может вскоре перестать отвечать современным реалиям ввиду постоянных изменений в обществе, что может выразиться в появлении новых игр, которые не будут охвачены уголовным законом, и, соответственно, привлечение лиц к уголовной ответственности за их организацию и проведение будет исключено. Возможно, целесообразнее изменить диспозицию ст. 171.2 УК РФ, равняясь на законодательство США [8], где понятие «азартные игры» в соответствии с Модельным (примерным) Уголовным кодексом включает, но не ограничивается тотализаторами, букмекерством, предоставлением игровых автоматов, колес рулетки или столов для игры в кости, а также проведением лотерей.

Стоит отметить, что наряду с США законодатели Великобритании, Японии, ФРГ также выделяют лотерею как форму азартных игр. В последних двух

странах даже предусмотрены специальные нормы УК, устанавливающие ответственность за совершение связанных с ними преступлений. В УК Германии [6], опять же, предусмотрен обязательный признак публичности таких незаконных мероприятий, проводимых без разрешения органов власти. В Японии лотереи легализованы, если они проводятся местными органами власти в целях финансирования местных администраций. [13] Иной порядок проведения лотерей влечет уголовную ответственность по ст. 187 «Лотереи» [12]. В УК РФ ответственность за незаконную организацию лотерей отсутствует. Ответственность за такое деяние предусмотрена только КоАП РФ. Считаем правильной позицию российского законодателя и не видим оснований выделять незаконную организацию и проведение лотерей в отдельный состав преступления.

Все это время мы говорили о незаконных организации и проведении азартных игр. Но в ч. 1 ст. 171.2 УК РФ предусмотрен еще один состав преступления – систематическое предоставление помещений для указанных целей. В зарубежном законодательстве тоже существует опыт привлечения к уголовной ответственности за данное деяние. Предоставление помещений для азартных игр в Великобритании – самостоятельный состав преступления, предусмотренный «Законом об азартных играх 2005 года» [11]; в Германии, как и в России, – является частью основного состава преступления о незаконных организации и проведении азартных игр [6]; в Японии [12] – охватывается понятием управления игорным бизнесом (под управлением игорным заведением в соответствии с разъяснением Пленума Верховного Суда Японии понимается предоставление хозяином определенного места для азартных игр, при этом физическое нахождение или фактическое собрание игроков в таком месте не требуется) [10, с. 235] и, соответственно, входит в основной состав незаконных организации и проведения азартных игр; в уголовном законодательстве КНР и США такой состав отсутствует. Считаем целесообразной позицию России, Германии и Японии о включении предоставления помещений для азартных игр в основной состав преступления. Но разъяснение Пленума Верховного Суда Японии о понятии управления игорным заведением представляется сомнительным. В толковом словаре С. И. Ожегова «управлять» – значит руководить, направлять деятельность чего-либо [14, с. 823], а «предоставить» – отдать в распоряжение [14, с. 570]. Слова имеют разное лексическое значение, следовательно, одно не может составлять часть другого.

Помимо этого, законодательства исследуемых зарубежных стран предусматривают ряд норм, которые отсутствуют в Российской Федерации.

Уголовное законодательство ФРГ, Японии и КНР предусматривает ответственность за участие в незаконно организованных азартных играх. Хотя законодатель Японии вводит понятие «одномоментное развлечение» как форму участия в азартных играх, которое не относится к понятию преступления. Игра для одномоментного развлечения подразумевает малозначительность и отсутствие стимуляции у человека влечения (страсти) к азартным играм [10, с. 235]. А в Китае [4] это участие конкретизировано – уголовная ответственность установлена за становление азартных игр профессией лица.

В уголовных законах Китая [4] и Японии [12] предусмотрена ответственность за вовлечение в участие в азартных играх. В Великобритании [11] это деяние конкретизировано – ответственность наступает за вовлечение в участие или трудоустройство в сфере азартных игр несовершеннолетних.

Интерес представляет существующая в Германии норма, предусматривающая уголовную ответственность за рекламирование азартных игр, а также лотерей, выделенных в отдельный состав преступления [6].

В целом, опираясь на существование вышеперечисленных норм, можно сделать вывод, что законодатели ФРГ, Японии, КНР и Великобритании осознают, что участие лиц в азартных играх представляет угрозу общественной нравственности. На это целесообразно обратить внимание и отечественному законодателю, где в настоящий момент ответственность за вовлечение в азартные игры, а также участие в них отсутствует.

Таким образом, в правовых актах всех исследуемых государств существует специальная норма, предусматривающая уголовную ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр. Для совершенствования указанной нормы в УК РФ следует отметить целесообразность заимствования обязательных признаков анализируемого состава преступления из законов Германии [6] или США [8]. Также в ряде исследуемых государств существует уголовно-правовой запрет на иные деяния, связанные с азартными играми, что свидетельствует о важности и серьезности проблемы существования нелегальных организаций азартных игр. Считаем необходимым включить в УК РФ нормы, предусматривающие ответственность за вовлечение в азартные игры и участие в незаконно организованных азартных играх.

Список литературы

1. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64924.
2. Федеральный закон от 20 июля 2011 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_117088.
3. Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 227-ФЗ «О внесении изменения в статью 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_303416.
4. Уголовный кодекс Китая от 1 июля 1979 г. (ред. от 14.03.1997) // URL: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/cgvienna/eng/dbtyw/jdwt/crimelaw/t209043.htm>.
5. Gambling sites.org // URL: <https://www.gamblingsites.com/laws/china>.
6. Уголовный кодекс Германии от 13 ноября 1998 г. (ред. от 19.06.2019) // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/englisch_stgb.html#p2614.
7. German Gambling Regulation under the Interstate Treaty on Gambling // URL: https://i.emlfiles4.com/cmpdoc/2/0/5/1/1/1/files/65525_german-gambling-regulation-according-to-the-draft-interstate-treaty-on-gambling-2021.pdf?dm_t=0,0,0,0,0.

8. Модельный (примерный) уголовный кодекс США от 25 июня 1948 г. // Cornell Law School. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text>.
9. Albanese J. Illegal gambling business and organized crime: an analyses of federal convictions // Trends in organized crime. 2018. URL: https://www.researchgigam-businesses_an_analysis_of_federal_convictions.
10. Roshler C. The Gambling Law Review, Fifth Edition – Law business Research Ltd, 2020 // URL: <https://thelawreviews.co.uk/edition/1001495/the-gambling-law-review-edition-5>.
11. Закон Великобритании об азартных играх 2005 г. // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2005/19/contents>.
12. Уголовный кодекс Японии от 24 апреля 1907 г. (ред. от 2007 г.) // URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp>.
13. ICLG, Japan: Gambling laws and regulations // URL: <https://iclg.com/practice-areas/gambling-laws-and-regulations/japan>.

Ерифа Е. Н.¹,
курсант 571 учебного взвода
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель
Пузырева Ю. В.,
заместитель начальника кафедры
прав человека и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В БОРЬБЕ С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

В настоящее время транснациональная организованная преступность представляет собой большую угрозу для международного мира и правопорядка. Несмотря на то, что данная проблема была впервые озвучена в 1994 г. на одной из конференций под эгидой Организации Объединенных Наций (далее – ООН), последние 26 лет международное сообщество разрабатывает различные способы противодействия ее появлению.

Сама по себе транснациональная организованная преступность предполагает организованные преступные сети, участвующие в различных видах преступной деятельности, охватывающей несколько стран. К данным видам деятельности относятся торговля людьми, наркотиками, незаконными товарами и оружием, вооруженный грабеж, подделка документов и отмывание денег. Также с каждым годом разновидность транснациональной организованной преступности (далее – ТОП) меняется, главной причиной этого являются тенденции развития современного общества, а именно – информационно-коммуникационные технологии. Так появились киберпреступность, корпоративная преступность и др.

Организованные преступные группы процветают, диверсифицируют и расширяют свою деятельность. Традиционные территориальные преступные группы эволюционировали или были частично заменены более мелкими и гибкими сетями с филиалами в нескольких юрисдикциях. Кроме того, организованная преступность затрагивает все государства, будь то страны предложения, транзита или спроса. Как таковой современная организованная преступность представляет собой глобальную проблему, которая должна быть решена с помощью согласованных глобальных ответных мер.

Доход ТОП исчисляется в миллиардах [3, с. 53]. Транснациональные преступные предприятия очень похожи на легальные международные предприятия, так как у них есть операционные модели, долгосрочные стратегии, иерархии и даже

¹ © Ерифа Е. Н., 2020.

стратегические альянсы – все они служат одной и той же цели: генерировать наибольшую прибыль с наименьшим риском.

Если обращаться к базовым международным документам по данной проблематике, необходимо выделить Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. Четкого определения ТОП в ней не дается, но указанные черты, характеризующие данное сообщество (п. 2 ст. 3), помогают сформировать представление о ней [1, с. 1].

Обращаясь к вышеперечисленному, можно сделать вывод, что для предотвращения расширения преступных сетей необходимо транснациональное скоординированное реагирование. Так, в первую очередь следует направить усилия в страны, где чаще всего базируется организованная преступность. Во-вторых, стоит учитывать, что преступные сети также перенаправляют свою деятельность в такие части мира, где присутствуют слабое правосудие и сотрудничество между организациями. В связи с этим международное сотрудничество в борьбе с организованной преступностью должно быть реализовано как инструмент, способствующий укреплению государственности и порядка.

Стремление к поддержанию международного правопорядка и предотвращению транснациональной преступности закрепились за различными международными организациями, среди которых Международная организация уголовной полиции – Интерпол, ООН в лице Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), Совет Европы, Содружество Независимых Государств, Европейский союз, Центральный Азиатский региональный информационный и координационный центр по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров (ЦАРИКЦ).

По данным Интерпола можно выделить, что его эффективное сотрудничество с ООН способствует борьбе с транснациональной организованной преступностью за максимально короткие сроки. Так, Советом Безопасности ООН (СБ ООН) был одобрен ряд резолюций, в которых признается глобальная роль Интерпола, в частности в связи с угрозой, исходящей от иностранных боевиков-террористов. Позже с Управлением ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН) было подписано соглашение, в котором основное внимание уделяется операциям по борьбе с организованной преступностью и терроризмом.

Подразделение ООН по борьбе с организованной преступностью работает рука об руку со всеми полицейскими службами Интерпола для выявления крупных фигур, причастных к транснациональной преступности, связанных с ней преступных сетей и их деятельности [4, с. 54]. Конечная цель состоит в том, чтобы остановить деятельность самих организаций. Они проводят криминальный анализ на основе разведданных, предоставленных странами-членами и партнерами, таких как биометрические данные, изображения и ассоциации. Это позволяет представить глобальную картину и раскрыть группировку, состоящую из организаторов, финансистов, дистрибьюторов и коррумпированных чиновников.

Подразделение по борьбе с организованной преступностью также осуществляет ряд проектов, посвященных конкретным типам преступных сетей. Благодаря этим проектам национальные и международные правоохранительные

органы положительно настроены на обмен оперативными данными, передовой практикой и полученными уроками в целях ликвидации конкретных групп.

Интерпол и Управление ООН по наркотикам и преступности в течение длительного времени осуществляют тесное сотрудничество. С каждым годом природа возникновения терроризма, как и организованной преступности, становится все сложнее, а также требует быстрого реагирования и использования глобальных мер для безопасности населения во всем мире. Так, сотрудничество помогает в борьбе с незаконной миграцией, оборотом культурных ценностей, торговлей людьми. Также их деятельность направлена на противодействие незаконному распространению огнестрельного оружия, осуществлению коррупции, борьбу с незаконной торговлей.

Деятельность УНП ООН направлена на решение проблемы терроризма, создание и эффективную реализацию правовых документов, связанных с этим аспектом. Так, благодаря слаженной работе двух организаций можно сделать вывод, что, основываясь на дополнительных программах, специальных средствах, УНП ООН не удастся полностью осуществлять поставленные задачи, так как для укрепления потенциала необходимы базы данных Интерпола, в которых содержатся оперативные данные по преступлениям.

Стоит обратиться к другим документам, регулирующим деятельность организаций, направленных на противодействие транснациональной организованной преступности. В первую очередь, к ним относится Белая книга о транснациональной организованной преступности Совета Европы. В данном правовом источнике закреплены пять направлений деятельности и задачи, которые способствовали эффективному разрешению данной проблемы [2, с. 18].

Основным недостатком, как подчеркнуто в Белой книге, является географическая фрагментация международного сотрудничества. Необходимо найти способы, с помощью которых будут более эффективно реализовываться меры, представленные Советом Европы. Только с правильным применением правовых инструментов возможно осуществить международное сотрудничество.

На протяжении десятилетий Советом Европы было заключено около 30 конвенций. Причиной тому являлось желание создать единую основу для взаимодействия по вопросам уголовного правосудия не только в Европе, но и за ее пределами. Эти конвенции включают механизмы сотрудничества, такие как экстрадиция, юридическая помощь и передача осужденных лиц, которые также нацелены на определенные формы трансграничной преступности, такие как терроризм, торговля людьми и киберпреступность.

Нельзя забывать, что Европейский союз активно взаимодействует с Интерполом благодаря созданному от своего лица агентству – Европолу. Европол сосредоточен на работе с криминальной разведкой в борьбе с серьезными организованными преступлениями, выступая в качестве связующего звена между соответствующими органами государств-членов, в том числе с таможенными, иммиграционными, пограничной и финансовой службами. Интерпол рассматривает терроризм, преступления против личности, экологические преступления, геноцид, военные преступления, организованную преступность, пиратство, незаконный оборот произведений искусства, незаконное производство наркотиков,

незаконный оборот наркотиков, контрабанду оружия, торговлю людьми, отмывание денег, детскую порнографию, преступность «белых воротничков», киберпреступность, преступления в сфере интеллектуальной собственности и коррупции [5, с. 1]. Список преступлений, который предусматривает Европол, во многом ограничен. В него входят такие преступления, как терроризм, международный наркотрафик, отмывание денег, организованное мошенничество, подделка валюты, контрабанда людей. Все остальное рассматривает Интерпол.

Чаще всего данные организации проводят конференции по актуальным проблемам. Одна из последних была проведена по киберпреступности (6 октября 2020 г.). Несмотря на то, что это уже 8-я конференция, проводилась она впервые в режиме онлайн в связи с пандемией *COVID-19*. К сети были подключены более 400 киберэкспертов из правоохранительных органов, частного сектора, международных организаций, *CERTs* и академических кругов, которые настроились на обсуждение новых киберугроз, тенденций и стратегий.

Подводя итоги, Интерпол и Европол тем самым ясно показали, что киберпреступники во всем мире смогли извлечь выгоду из пандемии *COVID-19*, превратив кризис здравоохранения в благоприятную возможность [6, с. 2].

В то же время пандемия ускорила цифровую трансформацию и увеличила нашу зависимость от подключения и цифровых устройств. В условиях стремительного развития глобального киберпространства все более актуальным становится более тесное сотрудничество между правоохранительными органами, государственным и частным секторами в борьбе с постоянно меняющейся природой киберпреступности. Агрегирование национальных данных о киберпреступности в глобальном масштабе имеет решающее значение, и Интерпол имеет уникальные возможности для руководства этими глобальными усилиями вместе со странами-членами и партнерами.

Участники конференции нацелились на решение предстоящих задач и предложили правоохранительным органам, правительствам и неправительственным организациям добавить гибкий подход к кибербезопасности к своей работе.

Таким образом, обстоятельства этого года потребовали быстрого реагирования на происходящее и послужили отрезвляющим напоминанием о том, что прочные партнерские отношения играют центральную роль в борьбе с транснациональной организованной преступностью, особенно с киберпреступностью. Речь идет об объединении сильных сторон организаций в свете общего интереса – сохранения правопорядка и безопасного киберпространства.

Список литературы

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15.11.2000) // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml.
2. Белая книга о транснациональной организованной преступности // URL: <https://rm.coe.int/-/168070ab45>.

3. Валеев Д. М. Международно-правовые основы сотрудничества по борьбе с транснациональной организованной преступностью : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М., 2016.

4. Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью и терроризмом // Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью и терроризмом : сборник материалов научно-практической конференции, 30 октября 2019 г. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019.

5. Cybercrime threat response // INTERPOL. URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Cybercrime/Cybercrime-threat-response>.

6. INTERPOL-Europol 8th Cybercrime Conference // INTERPOL. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2020/INTERPOL-Europol-8th-Cybercrime-Conference-Half-of-humanity-at-risk>.

7. Водянов А. В., Пузырева Ю. В. Информационное обеспечение сотрудничества государств по линии Интерпола // Образование. Наука. Научные кадры. 2018. № 1. С. 48–51.

8. Пузырева Ю. В., Мысина А. И. Международное полицейское сотрудничество по вопросам раскрытия и расследования преступлений в сфере информационных технологий : монография. М. : Инфра-М, 2020.

Ефимова Ю. В.¹,

*командир отделения 583 учебного взвода
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Ларина Л. А.²,

*заместитель начальника кафедры
конституционного и муниципального права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПО МИГРАЦИИ В РАМКАХ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЛИЧНОСТИ

Миграция является сложным и многогранным явлением. Генеральный секретарь ООН охарактеризовал ее в своем докладе как «норму жизни в условиях мировой глобализации» [1].

Невзирая на всю свою многогранность, миграция выражается в пересечении людьми границ стран. С точки зрения стран миграция может негативным образом отразиться на безопасности, а может и внести хороший вклад в ее развитие. С позиции мигрантов миграция представляет собой путь к лучшей жизни. Но как для страны, так и для мигрантов, при территориальном перемещении очень важным является соблюдение прав человека.

На международном уровне сотрудничество в области миграции осуществляется в рамках двух международных организаций: Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) и Международной организации по миграции (МОМ). Их задача – в оказании помощи государству в решении миграционных проблем при тесном сотрудничестве с правительствами и странами-донорами. Однако деятельность УВКБ ООН носит социально-гуманитарный характер и касается вынужденных мигрантов-беженцев, а МОМ затрагивает больший спектр вопросов и занимается перемещением более широкого круга лиц, придерживаясь принципа, согласно которому гуманная и упорядоченная миграция должна приносить пользу и мигрантам, и принимающему государству.

Важная роль в развитии защиты прав мигрантов в государствах отведена подразделениям, которые относятся к МОМ. Государственная система механизмов защиты прав мигрантов осуществляется на уровне законодательной, исполнительной и судебной власти. Более полное соблюдение и защита прав мигрантов в государстве требуют совместных усилий государства и гражданского общества. Международные стандарты в сфере прав человека, которые применяются при работе с мигрантами, можно найти в разных правовых инструментах. Это

¹ © Ефимова Ю. В., 2020.

² © Ларина Л. А., 2020.

общие договоры, обозначающие главные права человека, и более специализированные тексты, посвященные конкретным вопросам миграции, таким как недопустимость дискриминации или, например, категории лиц – трудящиеся-мигранты. Права мигрантов признаны и развиваются как на международном, так и региональном уровнях.

Активную деятельность в организации и достижении разнообразных проектов, которые содействуют властям разных стран касательно осуществления соглашений о реадмиссии, включая инновационные проекты, утверждает МОМ. Одна из основных целей МОМ в пилотных проектах – построение таких условий, при которых власти государства (основные бенефициары) будут осуществлять и улучшать гарантированный потенциал в будущем. Проекты, которые осуществляет МОМ, являются той самой платформой, с чьей помощью правительственные чиновники стран – членов Евросоюза смогут передать собственный многолетний опыт в сфере поддержки управления реадмиссией. Наряду с этим страны бывшего Советского Союза, приобретая и осуществляя этот опыт, имеют право перенять у своих коллег результаты деятельности в этой сфере и миновать разные неточности [2, с. 79].

Помимо ООН и европейской системы есть и другие международные организации, занимающиеся рассмотрением индивидуальных случаев нарушения прав человека, наиболее важными из которых являются: Международный комитет Красного Креста (МККК) и Международная организация по миграции. Они часто принимают участие в оказании содействия лицам, чьи права могли быть нарушены, включая перемещенных лиц, беженцев и жертв торговли людьми. Например, представительство Международной организации по миграции в Белоруссии оказало психологическую и комплексную реинтеграционную помощь в рамках программы по противодействию торговли людьми девушке Ирине, которая стала жертвой сексуального рабства [3].

Жители государств, в которых они находятся, могут не проявлять доверие к органам государственной власти. По этой причине они имеют возможность обратиться за помощью к МОМ. Регулярно при участии штаб-квартиры МОМ проводит консультации и брифинги для широкой аудитории органов правительства. Программное сотрудничество между МОМ и неправительственными организациями происходит на местном уровне. А при предоставлении консультативной помощи на связи пребывает сотрудник, ответственный за прием звонков по разным вопросам [4, с. 124].

Вопросом международной важности является транснациональная организованная преступность. Сюда входят: торговля людьми, незаконный ввоз мигрантов, торговля наркотиками и оружием, морское пиратство, киберпреступность и др. В данный момент в Европе находятся 140 тыс. жертв торговли людьми, приносящие своим поработителям валовой ежегодный доход в 3 млрд долл. США.

В законодательстве почти всех стран мира содержатся нормы, которые предусматривают ответственность физических лиц за совершение преступлений против мира и безопасности всего человечества.

Вопросами миграции и защитой прав личности в этой сфере занимается Международная организация по миграции (МОМ), созданная в 1951 г. С начала

становления МОМ оказала помощь свыше 11 млн человек. Свыше 80 % людей, покинувших свою страну как беженцы, находят защиту в соседних государствах, население и правительства которых пытаются справиться с последствиями протекающего поблизости конфликта и решить собственные проблемы развития. Основная задача МОМ заключается в содействии гуманизации и упорядочиванию миграционных процессов ради общего блага. Для выполнения этой задачи организация оказывает услуги и консультации правительствам и мигрантам [5, с. 171].

Устав МОМ гласит, что миграция переплетена с экономическим, социальным и культурным развитием и с правом человека на свободу передвижения.

В Москве представительство МОМ было открыто в 1992 г. и осуществляет свою деятельность на основе Соглашения о сотрудничестве между Правительством Российской Федерации и Международной организацией по миграции. За время своей деятельности представительство МОМ в Москве неоднократно оказывало медицинскую помощь иностранным гражданам, которые оказывались на территорию Российской Федерации, принимало меры против торговли людьми, по предотвращению незаконной миграции, а также оказывало помощь в добровольном возвращении граждан третьих стран, находящихся в бедственном положении в России [6].

Анализируя нынешнее состояние международно-правового регулирования миграции, можно разделить правовое регулирование на четыре области. Они имеют определенную специфику на каждом из уровней регулирования (универсальном, региональном, двустороннем): защита вынужденных мигрантов (в первую очередь, беженцев); защита прав мигрантов; борьба с незаконной миграцией; регулирование миграции (прежде всего, регулирование на уровне интеграционных объединений стран перемещения трудящихся-мигрантов).

Одним из важнейших этапов взаимодействия МОМ с населением является защита вынужденных мигрантов, в первую очередь, беженцев, так как они являются самой незащищенной категорией населения. Основой здесь являются международно-правовые документы по защите прав вынужденных мигрантов: Конвенция о статусе беженцев от 28 июля 1951 г. и протокол к ней от 31 января 1967 г. В этих документах закреплены основы правового статуса беженцев, в частности главный принцип невыселения. На данный момент в этих договорах принимают участие свыше 140 стран мира [7, с. 154].

Защита прав мигрантов выполняется на универсальном и региональном уровнях с применением международно-правовых механизмов:

- рассмотрение индивидуальных жалоб (как пример, Комитет по правам человека, созданный на базе Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.);
- судебное разбирательство (как пример, Европейский суд по правам человека, действующий согласно Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.).

Что касается борьбы с незаконной миграцией, универсальный уровень в борьбе с незаконной миграцией посвящает такие документы Организации Объединенных Наций: Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми,

в частности женщинами и детьми, и Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху. Их дополняет Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности [8, с. 60].

Первый протокол направлен на недопущение торговли людьми и борьбу с ней, обеспечение защиты ее жертв и оказание помощи в межгосударственном сотрудничестве для достижения этих целей.

Второй протокол регулирует вопросы предупреждения незаконного ввоза людей и борьбу с ним. В нем говорится о том, что миграция – это не преступление, а люди могут быть жертвами и нуждаться в защите. На региональном уровне действуют такие документы: Соглашение государств – участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией 1998 г., Соглашение СНГ о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств 2010 г. и др.

В регулировании миграционных потоков, представляющих собой трудовых мигрантов, государства сотрудничают на региональном и двустороннем уровне. Европейский союз является лидером в процессах экономической интеграции и даже служит образцом для ряда интеграционных объединений Африки и Америки [9, с. 84].

Двусторонний уровень представлен соглашениями о программах приглашения рабочих или встречных миграционных потоках рабочей силы в целом. К примеру, соглашение между Эквадором, Колумбией, Доминиканской Республикой и Испанией. В начале XXI в. было заключено более 170 двусторонних соглашений по вопросам миграции рабочей силы.

Однако в докладе Генерального секретаря ООН от 18 мая 2006 г. к нормативным основам сотрудничества мировых стран в сфере международной миграции относятся международные обязательства государств по защите прав человека, обозначенные ООН, по защите прав трудящихся-мигрантов, принятые МОТ; по борьбе с торговлей людьми и незаконным ввозом мигрантов; по вопросам защиты беженцев. Отдельно указаны Венская конвенция о консульских сношениях 1963 г., режим ВТО относительно предоставления услуг (способ 4) и «мягкое право», связанное с проблемами развития.

Монументальный труд европейских специалистов по международно-правовому регулированию миграции (2012 г.) описывает все виды источников международного права, которые касаются миграционных процессов. Среди международных договоров выделяют такие группы: международное право прав человека; право беженцев; трудовое право; торговое право; морское и воздушное право; уголовное право; консульское и дипломатическое право [10].

Судя по всему, разработка темы источников международно-правового регулирования миграции не доведена до завершения.

Список литературы

1. Абдинов Ф., Айрапетов Н., Жегалова А. Актуальные проблемы европейского и интеграционного права: Правовые аспекты внешнеэкономической деятельности ЕС : сборник тезисов научно-практической конференции / ред. В. Ю. Слепак. М. : Проспект, 2018.

2. Андреева А. И., Зайцева Е. С. История органов внутренних дел : учебное пособие. Омск, 2017.
3. Организация Объединенных Наций в Беларуси // URL: <https://un.by/25-let-oon/2907-istoriya-iry>.
4. Бекашев К. А. Международное публичное право : учебник. М. : Проспект, 2019.
5. Воронина Н. А. Механизмы защиты прав мигрантов в Российской Федерации // Права и свободы человека. 2018.
6. В условиях безопасности и достоинства: решение проблемы перемещений больших групп беженцев и мигрантов: Доклад Генерального секретаря ООН, 21 апреля 2016 г. А/70/59, П. 9.
7. Зраева И. М. Правовое регулирование миграционных процессов в России: проблемы и перспективы развития // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. С. 153–156.
8. Михеева Т. Н., Иванова Е. И. Правовые основы общественного контроля: проблемные вопросы // Вестник Марийского государственного университета: Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2019. Т. 5. № 1 (17). С. 58–65.
9. Барбин В. В. и др. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов государственной власти : учебник. М. : Академия управления МВД России, 2020.
10. Международная организация по миграции // Организация Объединенных Наций. URL: <http://www.unrussia.ru/ru/agencies/mezhdunarodnaya-organizatsiya-po-migratsii-mom>.

Жукова О. И.¹,
слушатель 561 учебного взвода
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель
Алексеева М. М.,
доцент кафедры прав человека
и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПО БОРЬБЕ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ

Такое преступление международного характера, как торговля людьми (одна из современных форм рабства), остается малоизученной темой в силу ряда обстоятельств. К преступлениям международного характера относятся: отсутствие адекватной и приближенной к реальности статистики, латентность самого преступления, а также отсутствие единого мнения законодателей по данному поводу. Именно поэтому важным шагом к пониманию и решению данных проблем стало принятие Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности [1], а также ряда протоколов, дополняющих и уточняющих ее. Важнейшим протоколом в указанной сфере стал Палермский протокол [2], закрепивший основные понятия и основы международного сотрудничества по данному вопросу.

Однако в 2020 г. мир столкнулся с пандемией *COVID-19*, что значительно повлияло на все сферы общества – политическую, экономическую, социальную и культурную. Соответственно, необходимо отметить, что и преступность в целом «мутировала» под влиянием всех вышеперечисленных факторов. Таким образом, предполагаем, что для эффективной борьбы с преступностью, в частности международного характера, необходимы некоторые изменения в способах и методах, а также в сфере международно-правового сотрудничества государств и международных организаций.

Пандемия подвергла мир сильной нагрузке, заставляя вводить такие ограничительные меры, как принудительный карантин, комендантский час (в отдельных странах), а также ограничения на различные перемещения как внутри одного государства, так и между странами. Некоторые ученые уже характеризуют пандемию как одну из глобальных проблем современности, для решения которой

¹ © Жукова О. И., 2020.

необходимо эффективное сотрудничество стран и различных международных организаций.

На первый взгляд, все ограничения, вызванные пандемией, а также увеличение числа сотрудников полиции, следящих за их осуществлением и соблюдением, должны повлиять на снижение уровня преступности, однако эти факторы лишь усиливают латентность незаконных деяний. В частности, если говорить о торговле людьми, преступники («торговцы») приспосабливаются к новым условиям, созданным пандемией, и осваивают современные коммуникационные технологии для своих преступных целей. К тому же пандемия оказывает значительное влияние на возможность правоохранительных органов принимать участие в противодействии торговле людьми, в том числе оказывать помощь жертвам. Следует отметить, что именно из-за пандемии обострилась ситуация с социальным и экономическим неравенством, которое в свою очередь является одной из основных причин появления такого преступления, как торговля людьми.

Необходимо упомянуть о жертвах торговли людьми. Их выявление затруднено, и сопряжено это, в первую очередь, с латентностью указанного преступления. Управление ООН по наркотикам и преступности отмечает, что значительный процент людей потерял доступ к продуктам питания, медицинским услугам и образованию, что влияет на увеличение жертв торговли людьми [3, 6]. К тому же некоторые люди, которые задействованы в сельском хозяйстве, сфере услуг, на производстве, стали безработными, или же их доходы резко сократились при достаточно небольшой заработной плате в обычное время. Они, будучи довольно уязвимыми для торговцев людьми, оказались в еще более опасном положении.

Положение жертв, находящихся в заключении у торговцев людьми, ухудшилось. Во многих странах резко участились случаи домашнего насилия в период пандемии. Данный фактор значительно ухудшает положение женщин и детей, которые подвергаются сексуальной эксплуатации и находятся в подневольном состоянии в сфере домашнего и сельского хозяйства. Ограничение перемещения жертв является классическим признаком торговли людьми. Однако в период пандемии меры, принятые для обеспечения безопасности людей, резко снижают вероятность выявления жертв и их изъятия из мест содержания. Помимо этого, появляются дополнительные ограничения, сопряженные с доступом к услугам, помощи и поддержки в связи с закрытием государственных учреждений.

Дети также становятся более уязвимыми для эксплуатации, поскольку многие из них потеряли доступ к образованию в связи с пандемией. В отдельных странах дети вынуждены выходить на улицы в целях поиска еды и средств к существованию, что в значительной степени повышает риск подвергнуться эксплуатации или стать товаром.

ЮНИСЕФ указывает на то, что экономический ущерб, причиненный пандемией, значителен, и около 16,5 млн детей могут оказаться в условиях крайней нищеты, что, как указано выше, повышает риск их попадания в руки торговцев. Ответными мерами ЮНИСЕФ на указанную проблему является мобилизация ресурсов для остановки распространения *COVID-19*. В частности, это касается Европы и центральной Азии. ЮНИСЕФ осуществляет сотрудничество с правительствами, органами и организациями ООН, а также с национальными

правоохранительными органами. Данное сотрудничество выражается в оказании помощи развивающимся странам с закупкой средств индивидуальной защиты, организации карантинных пунктов и мобильных пунктов осмотра и помощи пациентам, пострадавшим от *COVID-19*. Помимо этого, ЮНИСЕФ помогает министерствам образования отдельных стран с внедрением дистанционного обучения на разных языках, в том числе и на языках национальных меньшинств, примерно в 16 странах [5]. Все перечисленные меры, если они будут выполняться в полном объеме, на наш взгляд, являются эффективными для помощи детям из малообеспеченных семей и развивающихся стран. Указанные меры позволят детям не становиться еще более уязвимыми и не оказаться потенциальными жертвами торговцев людьми.

Женщины составляют приблизительно 70 % от общего числа жертв торговли людьми [3]. Пандемия повышает уязвимость женщин перед эксплуатацией, жестоким обращением и торговлей людьми. К тому же женщины, столкнувшиеся с несколькими видами дискриминации одновременно, оказываются в наиболее уязвимом состоянии. Немаловажную роль играет отсутствие экономических перспектив в стране происхождения женщин.

Как правило, различные инициативы направлены не столько на борьбу с торговлей людьми посредством искоренения фундаментальных причин, сопряженных с гендером, гендерным неравенством и нищетой, сколько на информирование общественности и СМИ о существующей проблеме. Значимую роль в организации сотрудничества в рамках противодействия торговле людьми играет ООН, а в частности организация «ООН-женщины». Также сюда можно отнести Управление ООН по наркотикам и преступности [4].

Помимо этого, существует программа «Безопасность и справедливость», реализуемая в рамках сотрудничества ООН и Европейского союза. Указанная программа направлена на организацию решения проблемы уязвимости трудящихся-мигранток, а также на формирование социальной и экономической устойчивости женщин в рамках трудовой миграции в целом. Данная программа стала особенно актуальной в период пандемии *COVID-19* из-за экономических проблем, которые она вызвала.

Немаловажную роль в освещении проблем гендерного равенства, обострившихся в период пандемии и являющихся одной из фундаментальных причин торговли людьми, играет Фонд ООН в области народонаселения.

Таким образом, исходя из совокупности всех вышеприведенных фактов, следует отметить, что в глобальном понимании пандемия *COVID-19* на международно-правовое сотрудничество в рамках противодействия торговле людьми повлияла незначительно. Однако некоторые изменения были внесены. В частности, к противодействию торговле людьми была косвенно привлечена такая организация, как ЮНИСЕФ. Пандемия обострила фундаментальные проблемы, лежащие в основе торговли людьми, а именно: гендерные проблемы, проблемы, сопряженные с гендерным равенством, социальным и экономическим равенством. Из-за ограничений, введенных в связи с коронавирусной инфекцией, выявление жертв и помощь им усложнились. Именно поэтому на современном этапе государствам и международным организациям необходимо вносить некоторые

исправления в основные документы, регламентирующие противодействие торговле людьми. Помимо этого, необходимо обеспечить женщинам и детям доступ к системам социальной защиты, кризисным центрам, а также продолжать оказывать помощь по репатриации жертв торговли людьми. К тому же необходимо увеличивать объем средств, выделяемых на осуществление программ и инициатив, касающихся расширения экономических прав женщин (в частности, это должно касаться стран происхождения потенциальных жертв) для снижения их уязвимости перед торговлей людьми.

Список литературы

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15.11.2000) // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml.
2. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml.
3. Доклад Генерального секретаря ООН от 7 августа 2020 г. «Торговля женщинами и девочками» // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://undocs.org/ru/A/75/289>.
4. Сакаева О. И. Международно-правовые проблемы сотрудничества в сфере противодействия торговле людьми // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 4. С. 67–74.
5. ЮНИСЕФ принимает ответные меры в связи с пандемией COVID-19 в Европе и Центральной Азии // Официальный сайт ЮНИСЕФ. URL: <https://www.unicef.org/eca/ru>.
6. COVID-19 pandemic and its impact for victims and survivors of trafficking in persons // Официальный сайт Управления ООН по наркотикам и преступности. URL: <http://icat.network/sites/default/fi.pdf>.

Захарова А. Д.¹,
курсант 571 учебного взвода
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель
Пузырева Ю. В.,
заместитель начальника кафедры
прав человека и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ

В связи с тем, что киберпреступность является достаточно новым явлением, попытки по взаимодействию и принятию решений осуществляются на двух уровнях: универсальном и региональном. Наиболее существенно выделяется региональный уровень сотрудничества государств, характеризуется это, в первую очередь, тем, что данное глобальное явление легче рассматривать и расследовать в маленьких группах. Однако взаимодействие и сотрудничество государств, по данным, представляемым Интерполом и ООН, просто необходимо в связи с обширностью, высокой степенью латентности, а также другими характерными особенностями киберпреступности. Международное сотрудничество государств происходит в следующих универсальных органах: ООН и НЦБ Интерпола. Для реализации сотрудничества и нахождения универсальных механизмов регулирования данной криминогенной обстановки под руководством вышеперечисленных органов проходят международные конференции, встречи, саммиты, на которых обсуждаются принципы, методы борьбы с киберпреступлениями в общем и различными его видами, а также осуществляется международная поддержка.

В рамках ООН ведется активная работа по проработке вопросов, касающихся решения взаимодействия государств в киберпространстве, а также установления типов, видов преступлений и основных способов борьбы с ними. Генеральная Ассамблея регулярно обращается с проблемами расширения киберпреступлений. В 2000-х гг. была разработана Будапештская конвенция [1], которая в первоначальном своем представлении предполагалась как универсальная конвенция, охватывающая различные области борьбы с киберпреступностью. Но вышеуказанная конвенция имеет также ряд недочетов, на которые указывают министерства иностранных дел различных стран, что во многом и не позволило состояться данной Конвенции на универсальном уровне.

В первую очередь, данная конвенция имеет положение (п. «б» ст. 32) [1], противоречащее основным принципам международного права, а именно принципа

¹ © Захарова А. Д., 2020.

суверенности государства, так как данный пункт предполагает осуществление права пользования и доступа правоохранительными органами к компьютерным данным, находящимся на территории другого государства, при добровольном согласии лица, но при этом без уведомления государственных органов государства, располагающего данными сведениями. Вторым немаловажным упущением, на которое указывают ученые, является факт нераскрытия в конвенции важных областей регулирования – сбора и представления электронных доказательств, ответственности интернет-провайдеров за свои действия, а также процессуальных средств регулирования, таких как перехват коммуникаций в области передачи голосовых данных, использование программного обеспечения удаленного отслеживания при расследовании преступления [2]. На сегодняшний момент следует говорить о расширении сфер влияния киберпреступников в таких сферах, как кибертерроризм, легализация незаконных доходов и т. д. На основании изложенных выше данных конвенция не приобрела универсальный уровень борьбы с киберпреступностью, а стала одним из региональных инструментов взаимодействия межправительственной организации Евросоюза.

Немаловажную роль в развитии сотрудничества в борьбе с киберпреступностью между государствами на универсальном уровне сыграла Концепция об обеспечении международной информационной безопасности, разработанная в 2011 г. на конференции по распространению преступности в киберпространстве в Лондоне [3]. Данный международный документ является уникальным по своему содержанию, так как в первую очередь предполагает защиту прав и интересов человека, а также защиту государственных интересов и обеспечение международной безопасности. Главная цель данного документа состоит в осуществлении международного сотрудничества в сфере предупреждения информационных войн и кибертерроризма.

Один из важнейших шагов по созданию универсального документа предпринят 27 декабря в 2019 г. в Нью-Йорке Генеральной Ассамблеей ООН по инициативе Российской Федерации. Большинством голосов была принята резолюция «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях» [4]. Принятие резолюции показывает высокую потребность мирового сообщества в разработке универсальной и доступной каждой стране конвенции по проблематике противодействия киберпреступности. Предложенная Россией резолюция фактически закрепляет цифровой суверенитет государств над своим информационным пространством и способствует созданию инструментов для глобального противодействия киберкриминалу. В практическом плане под эгидой Генассамблеи ООН создается переговорная площадка для разработки универсальной конвенции по борьбе с киберпреступностью. Таким международным органом станет Спецкомитет, в который войдут эксперты из всех стран мира. В свое время аналогичный путь прошли Конвенция ООН против коррупции и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. Данная конвенция видится России и ее единомышленникам как очередной универсальный международный уголовно-правовой инструмент, сфокусированный на преступлениях в сфере использования информационно-коммуникационных технологий, направленный на борьбу с их противоправным применением и носящий по своему содержанию всеобъемлющий характер [4]. Конвенция должна

основываться на принципах уважения государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств. Резолюция прямо предусматривает, что Комитет будет учитывать в своей работе имеющиеся профильные международные и региональные инструменты, а также примет во внимание итоговые рекомендации Венской группы экспертов по киберпреступности [5]. Предполагается, что Комитет проведет свою первую организационную сессию в Нью-Йорке в 2020 г., а субстантивная работа над текстом конвенции начнется в 2021 г. [6].

Помимо сотрудничества в органах ООН происходит постоянное взаимодействие правоохранительных органов в универсальной международной организации уголовной полиции. Рассматривая данные практические подразделения, необходимо сказать, что именно на данном этапе происходит основная проработка вопросов противодействия преступлениям международного характера, в том числе и киберпреступности. Данная организация публикует в реальном времени состояние уровня преступности на своем официальном сайте.

Стоит сказать о том, что международную ситуацию усложнила пандемия *COVID-19*, которая не только принесла урон жизни и здоровью людей, но и ответные меры государств, в том числе введение карантинных мер, режима чрезвычайной обстановки и т. д. В условиях данных мер большинство населения нашей планеты перешло на работу и учебу в интернете, что, по данным НЦБ Интерпола, привело к увеличению киберпреступности. К. Джонс, директор Интерпола по киберпреступности, сказал, что полиция и индустрия кибербезопасности наблюдают за значительным увеличением числа целевых кибератак со стороны преступников с момента начала вспышки вируса. Они варьируются от вредоносных веб-доменов, использующих слово *covid*, до фишинговых писем, обещающих продажу ключевых поставок, а также атак вымогателей на критическую инфраструктуру и больницы: «Киберпреступники диверсифицируют векторы атаки, чтобы начать кибератаки, использующие вспышку *COVID-19*. Эти киберугрозы наносят серьезный ущерб людям и организациям, что усугубляет и без того тяжелую ситуацию в физическом мире. Теперь настало время, когда мы все должны собраться вместе, чтобы остановить их», – отмечено Джонсом. – «Киберпреступность и кибербезопасность может показаться сложным вопросом, который трудно понять, если вы не являетесь экспертом в этой области – это не так. Кампания Интерпола направлена на демистификацию этих киберугроз и предлагает простые, конкретные шаги, которые каждый может предпринять, чтобы защитить себя», – заключил он [7]. Кампания началась с публикации документа о «глобальном ландшафте киберугроз *COVID-19*», в котором излагаются последние выявленные угрозы, ожидаемые будущие тенденции и ответные меры Интерпола. Все эти моменты говорят о постоянном сотрудничестве государств в международной организации уголовной полиции, а также позволяют выявить факторы возникновения преступности, влияние определенных условий на криминогенную обстановку и др.

Интерпол осуществляет глобальную информационную кампанию по защите общественности от организаций киберпреступников, стремящихся использовать вспышку вируса в своих преступных целях: для осуществления краж, мошеннических действий и просто ослабления информационный безопасности в киберпространстве. Осуществление защиты своих данных, а также действия

преступных группировок в интернет-пространстве публикуются в социальных сетях, освещая основные направления действий преступников, а также их цели. Осуществление данных действий осуществляется по информации, представленной органами Интерпола, региональными международными органами сотрудничества в борьбе с киберпреступностью.

Подводя итог вышеизложенному, следует сказать, что сотрудничество на универсальном уровне подразделяется на две категории: в органах ООН и организации Интерпола. Рассматривая сотрудничество в Органах ООН, необходимо сказать о подписании резолюции «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях» [5], что говорит о высокой степени необходимости в данном документе, предложения же по созданию отдельного международного органа – о необходимости взаимодействия в решении вопросов, связанных с осуществлением процессуальных вопросов взаимодействия, а также обеспечением стабильности в информационном пространстве. В то же время органы Интерпола взаимодействуют со сложившейся на реальный момент времени преступностью и решают практические вопросы по пресечению киберпреступности, а также устанавливают возможные пути уменьшения распространения данных преступных действий.

Список литературы

1. Европейская Конвенция по киберпреступлениям (преступлениям в киберпространстве): заключена в Будапеште 23 ноября 2001 г. // URL: <http://www.conventions.coe.int/Treaty/RUS/Treaties/Html/185.htm>.
2. Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market (“Directive on electronic commerce”) // URL: <http://www.eur-lex.europa.eu>.
3. Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция) // URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/112.html>.
4. Мысина А. И. Международно-правовые основы сотрудничества государств по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий // *Международное право*. 2019. № 1. С. 18–27.
5. Мысина А. И. Приоритетные направления сотрудничества государств по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий // *Вестник Московского университета МВД России*. 2019. № 6. С. 200–203.
6. Мысина А. И. Сотрудничество государств по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий на платформе Глобального комплекса инноваций интерпола // *Вестник экономической безопасности*. 2020. № 2. С. 128–131.
7. Пузырева Ю. В., Мысина А. И. Международное полицейское сотрудничество по вопросам раскрытия и расследования преступлений в сфере информационных технологий : монография. М. : Инфра-М, 2020.

Илюхин С. В.¹,
курсант 583 учебного взвода
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель
Юшкевич А. А.,
старший преподаватель
кафедры огневой подготовки
учебно-научного комплекса
специальной подготовки
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ООН СО СТРЕЛКОВЫМ ОРУЖИЕМ

В современном мире существует великое множество преступников, которые используют в своей деятельности стрелковое оружие, созданное и приобретенное незаконным путем. Данное обстоятельство ставит под угрозу мир и порядок как в отдельных регионах нашей планеты, так и повсеместно. Бандиты нападают на горожан и применяют оружие против сотрудников правоохранительных органов, террористы получают реальную возможность противостоять представителям миротворческих объединений. Помимо прочего, наличие оружия у представителей криминальных структур позволяет им получать доступ к более опасным видам вооружения и необходимым для роста их структуры ресурсам. Все вышеперечисленное говорит о том, что проблема незаконного оборота оружия является одной из наиболее острых для мирового сообщества на данный момент, а также требует незамедлительного рассмотрения, пристального внимания и тщательного контроля.

Стрелковое оружие – достаточно легкое в обращении, финансово доступное для покупки. Его просто транспортировать и вполне возможно спрятать. Все эти факторы играют на руку силам, нарушающим установленный в государстве режим, проливая с помощью стрелкового оружия кровь невинных людей, сея на своем пути страх, хаос и разрушения. Более того, возможность приобретения стрелкового оружия зачастую усугубляет локальные конфликты, внося жертвы в те ситуации, которых можно было бы избежать, если бы противостоящие друг другу стороны не имели бы возможность открыть огонь.

Очень часто гражданское население сталкивается с угрозой применения стрелкового оружия. Данная агрессия исходит от преступников для запугивания или устрашения, а также может являться попыткой совершения насилия над человеком или же вовсе стать причиной смерти потерпевшего.

¹ © Илюхин С. В., 2020.

Стрелковое оружие чаще других нарушает права людей. В некоторых случаях оно является средством урегулирования конфликта, но это все равно создает неблагоприятную атмосферу для жизни, так как нельзя говорить о приоритетной роли права там, где проблемы решаются исключительно силовыми методами.

Стрелковое оружие нарушает экономическую стабильность. По мнению Всемирного банка, порожденная вооруженным насилием небезопасная атмосфера является наименее привлекательной для инвестиций. Страны, где конфликты с применением стрелкового оружия достигли наивысших точек, обладают достаточно слабыми показателями в достижении целей в области развития, которые были сформулированы в Декларации тысячелетия.

Возможность решения проблемы стрелкового оружия заключается в распоряжении точными сведениями о нем. Необходимо знать истинные данные о производстве и продаже, иначе вопрос так и будет оставаться открытым. Можно утверждать, что о стрелковом оружии в мировом сообществе сейчас меньше данных, чем о ядерном.

Хотя контроль за оборотом стрелкового оружия – достаточно тяжелое занятие, ряд стран, входящих в ООН, взяли на себя связанные с этим обязательства, которые прослеживаются в Протоколе против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, Программе действий по предотвращению и искоренению незаконной торговли стрелковым оружием и легкими вооружениями во всех ее аспектах и борьбе с ней, включая Документ о маркировке и отслеживании и Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка.

Если говорить о производстве, здесь речь пойдет о размещении изготовителей оружия ближе к возможным рынкам сбыта. На данный момент более тысячи компаний так или иначе участвуют в производстве средств стрелкового вооружения. Также нормальной практикой считается лицензирование данной деятельности, хотя в ряде регионов изготавливается оружие, находящееся вне контроля системы (так называемое кустарное производство).

Значительную роль играет маркировка. С ее помощью правоохранительные органы могут отслеживать и пресекать незаконный оборот оружия, не допуская тем самым попадания средств вооружения третьим лицам.

Стоит отметить, что на сегодняшний день количество точек по продаже оружия резко возросло, что усложнило ситуацию. Раньше обработкой заказов и их доставкой занимались государственные структуры или уполномоченные на то правительством агенты. Сейчас же появилось довольно много частных посредников, предоставляющих свои услуги. Расследования нарушений эмбарго в отношении оружия, проведенные группами Совета Безопасности, обнаружили международные сети по незаконной торговле стрелковым оружием и незаконным брокерским операциям с ним. Данные люди полагались на пробелы в законодательстве, меняли документы и осуществляли прочие незаконные действия с целью скрыть совершаемые преступления. Такое поведение считается нарушением любого эмбарго, введенного Организацией Объединенных Наций.

В заключение отметим, что проблема незаконного оборота стрелкового оружия до сих пор актуальна. Видится несколько путей ее решения, но без

слаженных действий всего мирового сообщества контроль за данной сферой будет невозможен, не исчезнут насилие и убийства, страх и террор, ужас войны и невинные жертвы. Чтобы избежать этого, необходимо четко и грамотно разработать стратегию по пресечению столь прибыльного, но нелегального бизнеса, построенного на крови.

Список литературы

1. Протокол против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принят в г. Нью-Йорке 31.05.2001 Резолюцией 55/255 на 101-ом пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: через коммерческую версию.
2. Заявление Генерального секретаря, Заявление Верховного комиссара по правам человека во время прений в Совете Безопасности в 2015 г. по теме стрелкового оружия и легких вооружений.
3. Задоян А. А. Незаконный оборот оружия: международно-правовой аспект // Юрист. 2011. № 14.
4. Серов И. Б. Современные международно-правовые вопросы международного оборота оружия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М., 2018.

Козлова А. А.¹,
 преподаватель кафедры прав человека
 и международного права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат юридических наук

Дергач Э. О.²,
 рядовой полиции 593 взвода
 международно-правового факультета
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОРГАНОВ

Международное сотрудничество направлено на борьбу с преступлениями, которые выходят за пределы одного государства и посягают на интересы нескольких государств и вследствие этого представляют определенную опасность для международного сообщества. Научно-технический прогресс породил множество правовых явлений, которые были несвойственны действительности еще несколько десятилетий назад. В современном мире существует огромное количество проблем международного масштаба, требующих неперемennого разрешения усилиями нескольких стран. Одной из таких проблем является ситуация с незаконным оборотом человеческих органов. Проблема незаконного оборота органов человека неразрывно связана с новейшими достижениями современной биомедицины и вот уже более двух десятилетий является одной из самых злободневных в области противодействия транснациональной преступности.

Трансплантация органов – одна из величайших историй успеха медицины XX в. и в некоторых случаях единственное спасающее лечение при определенной органной недостаточности. Обратной стороной непревзойденных успехов в легальной медицинской трансплантологии является появление «черного рынка», что обуславливает появление огромного количества жертв. Данная проблема требует активного международного сотрудничества для ее своевременного решения, так как достаточно не просто определить конкретные масштабы незаконного оборота органов человека из-за латентности данных преступлений.

Потребность в человеческих органах для трансплантации во всем мире неизменно превышает реально располагаемые ресурсы таких органов, о чем свидетельствуют статистические данные. По статистике организации *Organ Procurement and Transplantation Network*, каждые 9 мин добавляется один человек в национальный список ожидания трансплантации. Согласно данным,

¹ © Козлова А. А., 2020.

² © Дергач Э. О., 2020.

представленным в издании 2020 г. информационного бюллетеня Совета Европы *Transplant*, количество трансплантаций, выполненных в Европе в 2019 г., оставалось стабильным по сравнению с 2018 г. (41 тыс. трансплантаций) при незначительном увеличении жертв умерших (+ 1 %) и живых жертв (+ 4 %) [10].

Как известно, международные договоры и иные документы, а также национальное законодательство запрещают продажу органов для трансплантации. Этот запрет связан со многими причинами, среди которых выделяют развитие криминального бизнеса (в том числе рост таких преступлений, как торговля людьми, похищения и насильственные исчезновения, убийства и др.). Существует также фундаментальная этическая причина запрета на коммерциализацию трансплантации органов: тело человека не должно становиться объектом купли-продажи, так как это будет иметь пагубные последствия для самих основ общества и отношений людей между собой.

Между тем «черный рынок» донорского материала существует и его география расширяется. Профессор медицинской антропологии Калифорнийского университета в Беркли Н. Шерпер-Хьюз назвала его «ненасытным». Предложение этого рынка создается как самими волонтерами, продающими свои органы (чаще всего почки), так и преступными организациями, занимающимися принудительным изъятием органов у своих жертв. Глобальная программа ООН по борьбе с торговлей людьми назвала незаконный оборот человеческими органами одним из своих главных приоритетов. Как отмечает Шерпер-Хьюз, «когда-нибудь 3D-печатные органы, использующие стволовые клетки, сделают донорство устаревшим. Но незаконный оборот человеческими органами будет оставаться серьезной мировой проблемой до тех пор, пока глобальное неравенство остается неизменным» [9].

В настоящее время многие вопросы в данной сфере остаются слабо скоординированными вследствие недостатков международно-правового регулирования. Большинство международно-правовых актов регулирует либо отношения в сфере трансплантации органов, либо в области торговли людьми (в том числе для изъятия органов). В то же время на универсальном уровне не принято единого международно-правового акта, который запрещал бы незаконный оборот человеческих органов, а также регулировал бы их законный оборот.

В этом отношении следует выделить Конвенцию Совета Европы о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенцию о правах человека и биомедицине 1997 г. [11] и Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человека 2002 г. [12]. Данные региональные акты основаны на едином принципе, согласно которому человеческие органы не должны являться источником получения финансовой выгоды.

В Стамбульской декларации о трансплантационном туризме и торговле органами от 2 мая 2008 г. (далее – Стамбульская декларация) устанавливаются основные принципы и предложения по воспрепятствованию коммерциализации человеческих органов. В 2018 г. данный рекомендательный акт был пересмотрен и теперь содержит набор принципов и определений для руководства политиками

и медицинскими работниками, занимающимися донорством и трансплантацией органов. В соответствии с принципом 3 «торговля человеческими органами и торговля людьми в целях извлечения органов должна быть запрещена и криминализована». Стамбульская декларация определяет коммерциализацию трансплантации органов как «политику или практику, в которой орган рассматривается как товар, в том числе покупается, продается или используется для получения материальной выгоды» [4].

Именно такое обращение с органами неизбежно приводит к тому, что их финансовая ценность ставится выше благосостояния донора, реципиента или других лиц, нуждающихся в трансплантации органов. Финансовая выгода или сопоставимые преимущества, которые предлагаются или предоставляются людям в обмен на органы, могут принимать различные формы [8].

За последние три десятилетия многочисленные международные организации призывали к запретам на принудительное и платное извлечение органов, и большинство стран прямо запретили и криминализировали торговлю органами и связанную с этим деятельность [2]. В соответствии со ст. 2 Конвенции Совета Европы против торговли человеческими органами 2015 г. торговля человеческими органами означает любую незаконную деятельность в отношении органов человека. Конвенция также предусматривает меры по защите жертв и компенсации им, профилактические мероприятия для обеспечения прозрачности и равноправного доступа к операциям по пересадке органов [5].

Также основополагающим международно-правовым актом, регламентирующим подходы противодействия незаконного оборота человеческих органов, является Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. [1]. Целью данной конвенции является эффективное предупреждение самой транснациональной организованной преступности и решение основных проблем международного сотрудничества.

Международно-правовые документы, регулирующие торговлю человеческими органами и торговлю людьми в целях извлечения органов, должны быть направлены на то, чтобы привлечь к уголовной ответственности тех, кто получает прибыль от преступлений, связанных с трансплантацией, и защитить тех, кто может быть жертвой [7]. Правоохранительные органы (включая международные агентства) должны проходить специальную подготовку и инструктаж с учетом разнообразных и тонких проявлений этих преступлений, а также работать над эффективными способами обеспечения сотрудничества с органами здравоохранения в борьбе с этими преступлениями. Национальное законодательство должно способствовать вовлечению сотрудников правоохранительных органов и работников здравоохранения в национальные и трансграничные усилия по предупреждению, расследованию и судебному преследованию таких преступлений [6].

Также ключевую роль в противодействии незаконному обороту человеческих органов играют международные организации.

Сбор и обмен информацией о транснациональной деятельности, в том числе о преступлениях, связанных с трансплантацией, требует широкомасштабного международного сотрудничества. Международные организации могут содействовать

такому сотрудничеству посредством функционирования банков данных и разработки юридических соглашений, позволяющих странам с уверенностью предоставлять им информацию о том, как она будет использоваться для отслеживания и задержания торговцев человеческими органами [3].

Положение проблемы в рамках транснациональной организованной преступности усугубляет отсутствие конкретизирующего правового регулирования в отношении законной пересадки органов и связанные с этим коммерческие интересы, а также сопровождающие это коррупция и мошенничество, что в сумме представляют значительные предпосылки для развития незаконной торговли человеческих органов во всем мире. Право человека на здоровье и достоинство включает в себя признание всех потребностей человека в области здравоохранения, включая трансплантацию. В связи с этим каждое государство должно стремиться удовлетворять потребности пациентов, используя свои собственные доступные ресурсы, в соответствии с уровнем развития своей экономики и системы здравоохранения, извлекая выгоду, где это будет уместно, из регулируемых и этичных региональных или международных программ сотрудничества. Поэтому все страны нуждаются в правовой и профессиональной базе, регулирующей деятельность по донорству и трансплантации органов, а также в управлении качеством и прозрачных системах нормативного надзора, обеспечивающих безопасность доноров и реципиентов, соблюдение стандартов и запрет неэтичной практики.

Таким образом, «черный рынок» органов имеет огромный оборот. Он прибылен и с ним трудно бороться как на национальном, так и на международном уровнях. В результате данное явление приобретает трансграничный характер и создает сеть преступных структур, через которые по преступным каналам человеческие органы перемещаются из бедных стран и социальных слоев к богатым клиентам. В связи с этим возникает необходимость в эффективном сотрудничестве не только государств, но и международных организаций по противодействию незаконному обороту человеческих органов.

Список литературы

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15.11.2000) // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml.
2. Конвенция Совета Европы о борьбе с торговлей человеческими органами (ETS № 216) (Сантьяго-де-Компостела, 25 марта 2015 г.). URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/09000016806dca3a>.
3. Резолюция Совета Европы CM / Res (2017) об установлении процедур ведения пациентов, которым пересадили органы за границу по возвращении на родину для получения последующего ухода // URL: https://www.edqm.eu/sites/default/files/cmres2017_2-_for_patients_received.
4. Стамбульская декларация об обороте органов и трансплантационном туризме // URL: <https://www.declarationofistanbul.org>.

5. Подробная информация о Договоре № 216 Конвенция Совета Европы против торговли человеческими органами // Официальный сайт Совета Европы. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/216>.
6. Домингес-Гиль Б., Данович Г., Мартин Д. Е. и др. Ведение пациентов, которые получают трансплантацию органа за границу и возвращаются домой для последующего ухода: рекомендации из декларации группы опекунов. 2018.
7. Паскалев А., Ван Ассше К., Шандор Д. и др. Защита людей, ставших предметом торговли людьми с целью извлечения органов: рекомендации. 2016.
8. Delmonico F. L., Martin D., Dominguez-Gil B., et al. Донорство живых и умерших органов должно быть финансово нейтральным. Я Дж Трансплант. 2015
9. Scheper-Hughes N. A world cut in two: The global traffic in organs, University of California Press, 2014.
10. Newsletter transplant. International figure on donation and transplantation // Официальный сайт Совета Европы. URL: https://www.transplantationnewsletter/transplantseptember_2018.pdf.
11. Козлова А. А. Международно-правовые основы сотрудничества государств в сфере противодействия незаконному обороту человеческих органов : монография. М. : Граница, 2020.
12. Лимонцева В. А., Симонова А. Е. К вопросу о справедливости в правоприменении: международные и внутригосударственные правовые аспекты защиты прав // Закон и право. 2017. № 12. С. 24–27.
13. Пузырева Ю. В. Институты правовой помощи по уголовным делам: современные тенденции развития // Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью : сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию принятия государствами – членами Совета Европы Европейской Конвенции о выдаче 1957 г. 2018. С. 200–204.

Козлова А. А.¹,
преподаватель кафедры прав человека
и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Рыжак В. А.²,
слушатель 366 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ХИЩЕНИЮ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Культурные ценности любого государства характеризуют его историю, национальное и духовное развитие. Несмотря на то, что в настоящее время конвенциями, Уголовным кодексом Российской Федерации, а также национальным законодательством других стран мира установлены уголовная ответственность и иные виды наказаний за хищение, незаконный оборот культурных ценностей, число таких преступлений, к сожалению, продолжает расти. Бóльший процент занимает вывоз за пределы страны похищенных или же каким-либо незаконным способом присвоенных объектов культурного наследия. Чаще всего они утрачиваются безвозвратно. В связи с высоким уровнем общественной опасности деяний такого типа, ростом международной преступности в вышеуказанной сфере необходимо тесное межгосударственное сотрудничество, четкое нормативное регулирование по противодействию данным преступлениям.

В 2019 г. Интерпол сообщил о более чем 8,5 тыс. правонарушениях во всем мире, около 91 тыс. предметов культуры были украдены и почти 223 тыс. предметов были конфискованы правоохранительными органами [1].

Также, согласно статическим данным МВД России, по состоянию на 11 декабря 2019 г. на территории Российской Федерации похищенными числятся более 77 тыс. предметов, имеющих культурную ценность. Наиболее востребованными у злоумышленников оказались иконы: их в течение года похитили около 45 тыс. – почти 60 % от общего списка [2].

Определение «культурные ценности» нашло отражение в ст. 1 Гаагской конвенции от 14 мая 1954 г. «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта»:

а) «ценности, движимые или недвижимые, которые имеют большое значение для культурного наследия каждого народа, такие как памятники архитектуры,

¹ © Козлова А. А., 2020.

² © Рыжак В. А., 2020.

искусства или истории, религиозные или светские, археологические месторасположения, архитектурные ансамбли, которые в качестве таковых представляют исторический или художественный интерес, произведения искусства, рукописи, книги, другие предметы художественного, исторического или археологического значения, а также научные коллекции или важные коллекции книг, архивных материалов или репродукций ценностей, указанных выше;

б) здания, главным и действительным назначением которых является сохранение или экспонирование движимых культурных ценностей, указанных в пункте “а”, такие как музеи, крупные библиотеки, хранилища архивов, а также укрытия, предназначенные для сохранения в случае вооруженного конфликта движимых культурных ценностей, указанных в пункте “а”;

в) центры, в которых имеется значительное количество культурных ценностей, указанных в пунктах “а” и “б”, так называемые “центры сосредоточения” культурных ценностей» [3].

Во внутригосударственном законодательстве, а именно в ст. 3 Закона Российской Федерации от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» дается определение культурных ценностей – «нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты» [4].

Немаловажную роль в сфере защиты культурных ценностей играет такая международная организация, как Совет Европы. Ключевыми международно-правовыми актами по противодействию преступлениям в сфере хищения культурных ценностей, принятыми в рамках данной организации, являются: Европейская конвенция от 23 июня 1985 г. «О преступлениях, связанных с культурными ценностями»; Европейская культурная конвенция от 14 мая 1954 г. «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта»; Конвенция об охране архитектурного наследия Европы от 3 октября 1985 г.

Конвенция Совета Европы «О борьбе с преступлениями в отношении культурных ценностей», принятая 19 мая 2017 г. в Никосии (далее – Конвенция 2017 г.), была разработана под руководством Европейского комитета по проблемам преступности и его специализированной группы, занимающейся преступлениями, связанными с культурными ценностями (PC-IBC). В 2018 г. Российская Федерация присоединилась к данной Конвенции, отметив, что «ключевым элементом Конвенции 2017 г. является криминализация широкого спектра противоправных деяний в отношении культурных объектов (кража, уничтожение, незаконные раскопки и т. д.), а также существенный ряд новаторских для международно-правовой практики элементов, в том числе обязательство по осуществлению уголовного преследования правонарушений, совершенных в государствах, не входящих в Конвенцию» [5].

Конвенция 2017 г. предусматривает уголовную ответственность за подделку документов и умышленное уничтожение или повреждение культурных ценностей, вводит широкомасштабные меры на национальном и международном уровне, стремится обеспечить транснациональное сотрудничество, чтобы остановить дальнейшее распространение преступности в данной сфере.

Для расширения сотрудничества различных заинтересованных национальных и международных сторон, а также эффективного выполнения целей Конвенции, в октябре 2019 г. была проведена Конференция в Никосии «Действуй ради наследия» [6]. Ее цель заключалась в повышении осведомленности и поощрении совместных усилий по борьбе с правонарушениями, связанными с культурными ценностями. По итогам дебатов были обобщены идеи и сформулированы предложения по действиям для активной работы и сотрудничества в целях формирования культуры осведомленности и ответственного обращения с культурными ценностями граждан и правительств.

Поскольку незаконный оборот культурных ценностей является серьезным транснациональным преступлением, национальные и международные эксперты из 23 стран Европы, Ближнего Востока и Соединенных Штатов Америки встретились в сентябре 2019 г. в Висбадене на Европейском рабочем совещании по преступлениям в сфере искусства и незаконного оборота украденной культурной собственности [1]. На совещании в штаб-квартире Федеральной уголовной полиции Германии (ВКА) Ш. Мишель подчеркнул важность решения проблемы продолжающегося грабежа культурных ценностей в кризисных регионах. Его выступление еще раз подтвердило всю серьезность положения не только в мирное время, но и во время вооруженных конфликтов. Участники обсудили действие террористических групп в грабежах и контрабанде культурных ценностей. Выступающие призывают страны принять соответствующие меры для предотвращения торговли похищенными культурными ценностями и, в частности, использования глобальных возможностей международной организации уголовной полиции Интерпола, а также его базы данных по украденным произведениям искусства.

Как отметили А. В. Богданов, И. И. Ильинский, В. Е. Хазова и Е. Н. Хазов, «эффективность указанных мероприятий по возврату предметов, имеющих особую ценность, зависит от слаженной работы НЦБ Интерпола, Министерства культуры Российской Федерации, МИД России, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, таможенных органов и ФСБ России» [7].

Эффективное совершенствование международного сотрудничества по противодействию преступлениям в сфере хищения культурных ценностей осуществляется во взаимодействии с главной правоохранительной организацией – Интерполом. Как известно, полицейские операции как на региональном, так и на глобальном уровне являются основным способом борьбы с разного рода противоправными деяниями. Интерпол возглавляет и организует крупные правоохранительные операции, предоставляет единственную международную базу данных полиции, содержащую информацию о похищенных произведениях искусства. Интерпол ведет интенсивную и непрерывную борьбу с международной преступностью, поддерживаясь НЦБ на региональном уровне. Интерпол также:

1) поддерживает все входящие в него страны-члены и их специализированные подразделения в этой области;

2) обеспечивает обмен информацией между странами, собирает экспертов на семинарах и конференциях и ведет обучающую программу по противодействию торговле культурными ценностями;

3) анализирует информацию, отправленную из разных стран, об украденных или проданных предметах, вносит ее в базу данных произведений искусства;

4) проводит анализ новых тенденций краж культурных ценностей (распространение контрафакта, поддельных работ, использование для продажи интернета и др.);

5) ведет статистику по совершенным преступлениям, публикует списки самых распространенных произведений искусства, которые подвергаются хищениям;

6) поддерживает национальную полицию в проведении региональных и глобальных операций по борьбе с незаконным оборотом культурных ценностей [8].

Во многих странах нет полицейских подразделений, специализирующихся на раскрытии преступлений в сфере защиты культурных ценностей, поэтому Интерпол дает советы по этому вопросу, делится информацией, чтобы сделать глобальную сеть взаимодействия сильнее. Также организация выпускает уведомления для предупреждения и обмена информацией о способах работы, объектах и методах сокрытия, используемых преступниками. Они могут быть использованы для преступлений против культурного наследия.

В рамках одного из нескольких советов 2019 г. К. Катеси, координатор отдела произведений искусства Интерпола, пояснил, что «ни одна страна не застрахована от воровства культурного наследия и торговли: нашей коллективной задачей должна быть защита наследия от эксплуатации и разрушения. Создание специализированных полицейских подразделений с оперативной базой данных о похищенных произведениях искусства должно стать основой эффективной национальной стратегии» [1]. В связи с вышеизложенным можно отметить, что ведущая работа по совершенствованию международно-правового сотрудничества в данной области положительно влияет на деятельность правоохранительных органов и правительств каждого государства.

Также в 2020 г. Европол, Интерпол и Всемирная таможенная организация во второй раз объединили свои усилия для борьбы с незаконной торговлей культурным наследием. Более 19 тыс. археологических артефактов и других произведений искусства были обнаружены в рамках глобальной операции, охватывающей 103 страны и направленной на ликвидацию международных сетей торговцев предметами искусства. По итогам проведенного захвата арестован 101 подозреваемый. Как сообщает Европол, «преступные сети занимались археологическими товарами и произведениями искусства, похищенными из стран, охваченных войной, а также произведениями, украденными из музеев и археологических памятников» [9].

На основе проведенных анализов, оперативных практических действий Европола и Интерпола можно сделать вывод о том, что международно-правовое сотрудничество в сфере противодействия хищению культурных ценностей идет

полным ходом. Взаимодействие Российской Федерации, вступившей в Конвенцию Совета Европы «О борьбе с преступлениями в отношении культурных ценностей» в 2018 г., и других стран протекает в форме интенсивного межгосударственного сотрудничества и, по недавним представленным статистическим данным, проходит успешно. Однако при всем указанном взаимодействии совершенствование мер в сфере противодействия хищению культурных ценностей также должно осуществляться оперативно, не позволяя криминальным группировкам взаимодействовать друг с другом и создавать еще более сильную преступную сеть.

Список литературы

1. Европейское рабочее совещание по преступлениям в сфере искусства и незаконному обороту украденной культурной собственности. Висбаден, Германия: Защита культурного наследия через межведомственное сотрудничество (Висбаден, Германия) // Interpol – The International Criminal Police Organization. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2019>.
2. Котляров И. И., Пузырева Ю. В. Международное право и его роль в деятельности органов внутренних дел России // Вестник экономической безопасности. 2015. № 7. С. 52–61.
3. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 14 мая 1954 г.) // URL: <https://www.icrc.org>.
4. Закон Российской Федерации от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (ред. от 01.04.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870.
5. Россия подписала конвенцию Совета Европы о защите культурных ценностей // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20181108/1532366762.html>.
6. Действуй ради наследия! (Никосия, 24–26 октября 2019 г.) // Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/en/web/culture-and-heritage/act-for-heritage->.
7. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазова В. Е. и др. Противодействие хищениям предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, культурную, религиозную и художественную ценность // Вестник Московского университета МВД России 2019. № 3. С. 169–176.
8. Interpol – The International Criminal Police Organization // URL: <https://www.interpol.int>.
9. Интерпол, Европол и Всемирная таможенная организация объединяют усилия во время операций «Афина II» и «Пандора IV» // Interpol – The International Criminal Police Organization. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2020>.
10. Европейская конвенция «О преступлениях, связанных с культурными ценностями» (ETS № 119) (Дельфы, 23 июня 1985 г.) // АО «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901751650>.
11. Конвенция Совета Европы «О борьбе с преступлениями в отношении культурных ценностей» (СДСЕ № 221) (Никосия, 19 мая 2017 г.) // Совет Европы. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/221>.

12. Конвенция об охране архитектурного наследия Европы (ETS № 121) (Гренада, 3 октября 1985 г.) // НПП «Гарант-сервис». URL: <http://base.garant.ru/5109349>.

13. Конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная) (ETS № 143) (Валлетта, 16 января 1992 г.) // АО «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901809045>.

14. Симонова А. Е. Вопросы эффективности Организации Объединенных Наций в отношении современных угроз миру // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 16-2. С. 139–140.

15. Международное гуманитарное право : учебник / под ред. Н. Д. Эриашвили. М. : Юнити-Дана, 2019.

16. Пузырева Ю. В., Клюенкова А. А. Международное правоохранительное сотрудничество в борьбе с незаконным оборотом культурных ценностей // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6.

Луханина А. В.¹,
курсант 381 учебного взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель
Симонова А. Е.,
доцент кафедры прав человека
и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНВЕНЦИИ ООН ПРОТИВ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ДОКТРИНЫ И ПРАКТИКИ

Преступность в социуме развивается так же, как развиваются общественные отношения. Теперь преступность как социальное явление вышла за пределы одного суверенного государства и стала носить транснациональный характер. Соответственно, со стороны государств необходимо принимать более серьезные меры, направленные на борьбу с ней.

Одной из самых серьезных международных проблем являются транснациональные организованные преступления. Впервые о такой преступности было отмечено на симпозиуме Организации Объединенных Наций (далее – ООН) против транснациональной организованной преступности (далее – ТОП), который состоялся в Неаполе в 1994 г. В последующем началась активная борьба с данным видом преступности.

В связи с этим, 15 ноября 2000 г. в Нью-Йорке резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии была принята Конвенция против транснациональной организованной преступности [1]. Безусловно, данная Конвенция стала важнейшим шагом по борьбе с ТОП, но, несмотря на формальное урегулирование данных правоотношений, в настоящем документе присутствует ряд теоретических и практических проблем.

Настоящие проблемы, просматривающиеся в Конвенции ООН против ТОП, связаны со множеством причин. В первую очередь, это один из основополагающих принципов международного права, который заключается в том, что запрещено вмешиваться странам во внутренние дела другого государства. Некоторые авторы и политики считают, что данный принцип является отражением норм «мягкого права». При этом правоведы выделяют, что такие нормы являются неотъемлемой частью международного права и обязательно должны присутствовать в

¹ © Луханина А. В., 2020.

нормативных правовых актах, направленных на регулирование международных отношений. Но оппозицией данного мнения принято считать, что нормы «мягкого права» не могут быть включены в нормативно-правовую базу международного права и должны рассматриваться как договоренность между субъектами международных отношений [2, с. 92]. И если исходить из этого, можно предположить, что нормы данного права не являются наиболее эффективными, потому что предусмотренные положения предполагают некую свободу государств, возможность действовать по своему усмотрению. Например, в ч. 1 ст. 10 Конвенции ООН против ТОП сказано, что «Государства-участники принимают такие меры, какие могут потребоваться в соответствии с их правовыми принципами...»; также в ч. 11 ст. 16 данной Конвенции «Государства-участники могут счесть надлежащими...» или в ч. 9 ст. 18 той же Конвенции предусмотрено, что «Государства-участники могут отказать в предоставлении взаимной правовой помощи... на основании отсутствия обоюдного признания соответствующего деяния преступлением» [1].

Тогда можно выделить, что суверенность каждого государства является одним из условий ограничений активной борьбы с ТОП. Например, в ч. 11 ст. 16 Конвенции ООН против ТОП: «Во всех случаях, когда Государству-участнику согласно его внутреннему законодательству разрешается выдавать или иным образом передавать одного из своих граждан...», – или в п. «с» ч. 2 ст. 6: «...только при условии, что соответствующее деяние является уголовно наказуемым согласно внутреннему законодательству государства» [1]. Таким образом, нормы Конвенции не могут в полной мере регулировать международно-правовые отношения, которые складываются в рамках борьбы с ТОП, что в свою очередь усложняет действие настоящей Конвенции, которая направлена на предотвращение ТОП.

Участники общественных отношений для реализации поставленных целей и эффективности деятельности создают какие-либо новые союзы, организации, объединения и др. Субъектом ТОП наряду с юридическими и физическими лицами признаются также смешанные предприятия, т. е. транснациональные объединения), например финансово-промышленные группы, международные хозяйственные объединения, корпорации, которые являются субъектами коммерческих отношений, т. е. создаются в целях получения коммерческой выгоды и действуют не только на основе международных соглашений, но и путем заключения собственных договоров. Следовательно, есть такая позиция, что определение «организованной преступной группы», предусмотренное п. «а» ст. 2 Конвенции ООН против ТОП, является недостаточным. В соответствии с п. «а» ст. 2 Конвенции ООН против ТОП «“организованная преступная группа” – это высокоструктурная группа, в состав которой входит не менее трех лиц...». В свою очередь, согласно Соглашению стран СНГ от 15 апреля 1994 г. «О содействии в создании и развитии производственных, коммерческих, кредитно-финансовых, страховых и смешанных транснациональных объединений» «“транснациональные объединения” – это объединения юридических лиц» [3], что уже не попадает под определение «организованной преступной группы», так как данные смешанные предприятия носят масштабно-международный характер и их деятельность

охватывает совокупность зарегистрированных юридических лиц на территории стран СНГ. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что субъектами транснациональной организованной преступности могут быть физические, юридические лица и производственные, коммерческие, кредитно-финансовые, страховые и смешанные транснациональные объединения.

В Конвенции ООН против ТОП предусмотрена дефиниция организованной преступной группы: «высокоструктурная группа, в состав которой входит три или более лица, данная группа существует в течение определенного периода времени и действует согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, которые признаны таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду» [1]. При этом существующее определение дает понять, что это устойчивая группа, члены которой заранее договорились на совершение данного преступления. Но в Настоящей Конвенции часто употребляется понятие «организованная преступность», определение которого не предусмотрено. Например, в ч. 1 ст. 28 сказано, что «Государство-участник рассматривает возможность проведения... анализа тенденций в области организованной преступности на своей территории...». Тем самым отсутствие данной дефиниции усложняет понимание действий Конвенции ООН против ТОП. Как принято считать, организованная преступность – это не абстрактное понятие. Она находит свое отражение в международно-правовых отношениях и является одним из наиболее общественно опасных социальных явлений. Это связано с тем, что на интернациональном уровне она чаще всего незаметно добивается влияния и занимает господствующее положение в мире. При этом даже на состоявшемся собрании комиссии экспертов, которая была создана рабочей группой «Крипо», не удалось дать четкое определение организованной преступности, которое отражало бы все основополагающие признаки. Настоящая комиссия лишь составила перечень признаков, которые образуют организованную преступность [4].

Бесспорно, данная Конвенция ООН является одним из самых важных шагов, которые направлены на борьбу с транснациональной организованной преступностью. На сегодняшний день сформировано сотрудничество между государствами по борьбе с такими преступлениями и ведется активная дискуссия, направленная на совершенствование данных отношений. Но при этом в Конвенции ООН против ТОП, согласно исследованиям правоведов, можно выделить ряд проблем, которые были рассмотрены выше:

Во-первых, действие Конвенции ООН, направленной на борьбу против ТОП, не может быть осуществлено в полной мере по причине того, что в международном праве действует принцип, согласно которому какое-либо государство не имеет права вмешиваться в деятельность другого государства. Эту проблему крайне тяжело решить, так как соблюдение суверенности государства является одним из основных принципов, на основе которого действует международное право.

Во-вторых, в Конвенции ООН против ТОП определено, что субъектами преступлений могут быть только физические и юридические лица. Но нормы

международного права признают в качестве субъектов ТОП транснациональные организации. Они определяются как объединение юридических лиц, т. е. могут быть отдельно взятыми субъектами преступлений, так как уголовная ответственность в отношении таких объединений будет устанавливаться сложнее.

В-третьих, в Конвенции ООН против ТОП не дано понятия организованной преступности, что значительно усложняет понимание Конвенции ООН против ТОП.

Список литературы

1. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121543.

2. Валеев Д. М. Международно-правовые основы сотрудничества по борьбе с транснациональной организованной преступностью : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М., 2016. 227 с.

3. Соглашение стран СНГ от 15 апреля 1994 г. «О содействии в создании и развитии производственных, коммерческих, кредитно-финансовых, страховых и смешанных транснациональных объединений» // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: через коммерческую версию.

4. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова // All-Sci.net. URL: <https://all-sci.net/entsiklopedii-yuridicheskie/yuridicheskaya-entsiklopediya-pod-red-myu.html>.

Мешкова В. Н.¹,
курсант 571 учебного взвода
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель
Пузырева Ю. В.,
заместитель начальника кафедры
прав человека и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПОЛИЦИЯ ООН И ВЫЗОВЫ СО СТОРОНЫ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Многоаспектные миротворческие операции развертываются в государствах, переживших вооруженный конфликт, в целях упрочнения мира и содействия созданию условий, предотвращающих повторение вооруженного насилия. В период вооруженного насилия – люди гибнут, вынуждены покидать дома и общины, а инфраструктура разрушена – одно явление часто упускается из виду или недооценивается с точки зрения его потенциального воздействия на построение (восстановление) устойчивого, эффективного и законного государства – организованная преступность.

Вооруженные группы получают доходы от организованной преступности, которые позволяют им наращивать свой потенциал накануне конфликта и участвовать в конфликте. По мере того, как население выходит из конфликта, организованная преступность процветает в ослабленном государстве и обществе. Как видно из предыдущих международных операций по поддержанию мира, если не предпринять соответствующих мер, организованная преступность может укорениться, что приведет к некому «захваченному» государству [4].

Динамика организованной преступности специфична для каждого государства, затронутого конфликтом, и не поддается общему или шаблонному подходу при изучении [4]. Например, в Африке, где сегодня развернуто большинство многоплановых операций по поддержанию мира, можно наблюдать по крайней мере четыре типа организованной преступности: хорошо укоренившиеся сети мафиозного типа, такие как нигерийские преступные группировки; слабые сети, связывающие местные и внешние группы в перемещении контрабанды или различных ресурсов, например торговля наркотиками; вооруженные группы или ополченцы, причастные к контрабанде и торговле людьми, в которых также замешаны государственные субъекты, как это можно отметить на территории Сахеля или Африканского Рога; а также возникающее явление кибер-

¹ © Мешкова В. Н., 2020.

преступности. Организованная преступная деятельность, в которой участвуют политические деятели, вероятно, является самой непосредственной проблемой для миротворческих операций. Организованная преступная деятельность, служащая источником оружия и доходов для негосударственных вооруженных групп, может иметь значительное влияние на достижение стабилизации в миссии [3].

По мере того, как эта деятельность укоренилась в политической и экономической сферах, она угрожает долгосрочной эффективности миростроительства. В Мали, например, независимый обзор, проведенный экспертами Организации Объединенных Наций, показал, что организованные преступные группы и конкуренция за торговые пути в неформальной и незаконной экономике формируют динамику конфликта между вооруженными группами и местными общинами. В Демократической Республике Конго (ДРК) участие транснациональных организованных преступных группировок в добыче природных ресурсов и торговле ими разжигает вооруженный конфликт в восточной части страны. По мнению другой группы экспертов, повстанческие действия больше не являются политическими, а стали «преимущественно экономическими».

Прибыльные доходы от незаконной экономики намного превышают доходы от законной экономики и являются ценным ресурсом для преступных группировок, организаций и вооруженных групп, а также для «больших людей» и других влиятельных лиц. Во многих постконфликтных ситуациях наследие военной экономики и организованных преступных сетей продолжает подрывать усилия по миростроительству, становясь взаимосвязанными с законными предприятиями и торговыми потоками, социальными сетями и официальными политическими системами.

В отсутствие скоординированных стратегий организованные преступные сети и коррупция представляют собой вполне реальную угрозу укоренения в политической, экономической и социальной структуре стран и представляют серьезный риск для их долгосрочного развития.

Миротворческие операции принимают значительное участие в противодействии организованной преступности. В 2010 г. Совет Безопасности ООН обратил внимание на «серьезные угрозы, которые представляют незаконный оборот наркотиков и транснациональная организованная преступность для международной безопасности в различных регионах мира». Совет сослался на растущую связь между незаконным оборотом наркотиков и финансированием терроризма, незаконным оборотом оружия, а также ростом числа похищений, взятия заложников и киберпреступлений. Совет предложил Генеральному секретарю рассматривать эти угрозы как фактор в стратегиях предотвращения конфликтов, анализе конфликтов, оценке и планировании комплексных миссий. Несмотря на растущее признание проблем, которые организованная преступность создает для стабилизации и миростроительства, операции по поддержанию мира часто были неосведомленными, неконтролируемыми или плохо подготовленными для борьбы с данной угрозой. В 2013 г. было установлено, что организованная преступность упоминалась в мандатах только 10 из 28 миротворческих операций (миротворческих, специальных политических миссий и миссий по миростроительству) [2]. В 1990-е гг. требовалось в среднем почти пять лет, прежде чем

миссия получила разрешение и выделила средства для борьбы с «криминализованными властными структурами».

Организация Объединенных Наций развертывает полицейские подразделения для участия в миротворческих операциях с 1960-х гг. Самой первой миссией ООН, в которой действовала полиция ООН, была Операция ООН в Конго [5].

В 2015 г. была создана Группа по борьбе с организованной преступностью в рамках Полицейского отдела Департамента операций по поддержанию мира. Полицейский отдел ООН оказывает поддержку полицейскому компоненту, развернутому в полевых миссиях. Сама группа по расследованию тяжких и организованных преступлений не выполняет оперативных функций, т. е. не проводит расследования. Команда предоставляет стратегические консультации и опыт, поддерживая тех, кто помогает создавать и укреплять потенциал для «предотвращения, пресечения организованной преступной деятельности» в полиции принимающего государства [5].

Группа по расследованию организованных преступлений разработала проект «Транснациональные угрозы», задача которого – позволить полевым миссиям ООН «лучше противодействовать транснациональным угрозам, включая организованную преступность, коррупцию и насильственный экстремизм». Проект «Транснациональные угрозы» направлен на разработку политики и рекомендаций, планирование и обучение на всех уровнях миссий; анализ криминальной информации, направление специалистов и специализированных групп в миротворческие операции для наращивания потенциала принимающего государства по предотвращению транснациональных угроз и противодействию им.

В результате проекта по борьбе с транснациональными угрозами отдел полиции создал сеть по борьбе с организованной преступностью с координатором в каждой миссии ООН, содержащей полицейский компонент, независимо от того, есть ли в мандате миссии борьба с организованной преступностью. Сеть координаторов – это платформа для обмена знаниями и опытом, извлеченными уроками и передовой практикой. Это считается особенно полезным из-за частой ежегодной ротации полицейских в миссии. Сеть поддерживается посредством ежемесячных видеоконференций, внутреннего веб-сайта для обмена документами, представляющими общий интерес, и ежеквартального информационного бюллетеня для Управления ООН по вопросам верховенства закона и органов безопасности.

Помимо оказания поддержки в наращивании потенциала в борьбе с организованной преступностью полицейский компонент миротворческой операции ООН может также – время от времени и по запросу властей принимающего государства – оказывать оперативную поддержку - например, проводить криминалистический анализ, а также разрешать полиции принимающего государства использовать судебно-медицинское оборудование полиции ООН.

Как правило, институты мира и безопасности, которым было поручено смягчать угрозы, создаваемые национальной и транснациональной организованной преступностью, сталкиваются с трудностями при противодействии этому явлению из-за работы с ограниченными ресурсами.

Растет потребность в мандатах Совета Безопасности ООН на борьбу с организованной преступностью, незаконной экономикой и коррупцией. В отсутствие четкого мандата на борьбу с организованной преступностью руководство миссий будет неохотно участвовать в соответствующих мероприятиях, а спонсоры и партнеры вряд ли будут их финансировать [6].

Необходима на более оперативном уровне разработка полицией принимающего государства эффективных полицейских практик, ориентированных на сотрудничество с обществом. Полицейская деятельность, ориентированная на сотрудничество с обществом, направлена на развитие доверительных отношений между полицией и обществом, таким образом, является основой для предотвращения преступности, сокращения количества вербовок в преступные группировки и сбора информации.

Мероприятия по наращиванию потенциала должны быть устойчивыми, т. е. интегрироваться в учебные программы и курсы, например через программы подготовки инструкторов. По возможности ООН и ее партнеры должны проводить совместную подготовку и наращивание потенциала полиции принимающей страны, финансовых следователей, пограничников, прокуроров и судебных органов в борьбе с организованной преступностью, чтобы способствовать координации и сотрудничеству между заинтересованными сторонами. Коррупция и организованная преступность идут рука об руку, при этом систематический подкуп должностных лиц в ключевых областях государственного сектора, таких как правоохранительные органы, местные органы власти и судебная система, является решающим фактором в укреплении организованной преступности. Усилия по предотвращению и пресечению коррупции и организованной преступности должны осуществляться в тандеме.

Охрана правопорядка, в том числе борьба с организованной преступностью, играет важную роль в предотвращении, смягчении и урегулировании вооруженных конфликтов, способствуя скорейшему миростроительству и примирению. Таким образом, эффективная, умелая и ориентированная на результат полиция ООН должна быть одним из главных элементов операций ООН по поддержанию мира.

Список литературы

1. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121543.
2. Лямзин А. В, Еланцева Н. С, Николаев Ю. В. Миротворческие операции ООН: основные направления эволюции // Российский юридический журнал. 2009. № 1. С. 69–80.
3. Международное гуманитарное право : учебник / под ред. Н. Д. Эриашвили. М. : Юнити-Дана, 2019.
4. Пузырева Ю. В. Международно-правовое регулирование универсального и регионального миротворчества: сравнительный аспект // Актуальные проблемы современного международного права : материалы XVI Международного

конгресса «Блищенковские чтения» : в 3 ч. М. : Российский университет дружбы народов, 2019. С. 451–457.

5. Пузырева Ю. В., Шалягин Д. Д. Организационное и правовое обеспечение участия сотрудников органов внутренних дел российской федерации в миротворческих операциях и в зонах вооруженных конфликтов : учебное пособие. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019.

6. Пузырева Ю. В., Шленкова А. И. Деятельность Организации Объединенных Наций в борьбе с преступлениями международного характера // Проблемы совершенствования сотрудничества правоохранительных и иных органов государств – участников СНГ в выявлении, раскрытии и расследовании коррупционных правонарушений : сборник научных трудов Международной научно-практической конференции : научное электронное издание. 2017. С. 298–299.

Мудров Н. М.¹,
 слушатель 561 учебного взвода
 международно-правового факультета
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель
Алексеева М. М.,
 доцент кафедры прав человека
 и международного права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНОМ МИРОТВОРЧЕСТВЕ В КАРАБАХСКОМ КОНФЛИКТЕ

Многолетний спор между Ереваном и Баку вокруг Нагорно-Карабахского региона начался в 1988 г., когда ящик Пандоры национализма, выпущенного в начале переломного периода в истории России, побудил эту территорию попытаться отделиться от Азербайджана и присоединиться к Армении. В результате этого конфликта погибли тысячи человек, а более миллиона стали беженцами и вынужденными переселенцами [1, с. 9–10].

В ходе конфликта была сформирована Минская группа ОБСЕ, стороны были приглашены за стол переговоров для его урегулирования. Сопредседателями Минской группы являются Россия, Франция и США. Кроме них в состав Минской группы входят Беларусь, Германия, Италия, Швеция, Финляндия и Турция, а также Армения и Азербайджан.

Россия, которая была вовлечена в урегулирование конфликта, изначально стремилась ввести российские войска в регион в качестве миротворцев. Однако в декабре 1994 г. на саммите государств – участников ОБСЕ в Будапеште было принято решение ввести миротворческие силы ОБСЕ в Нагорно-Карабахский регион. Эти силы могли бы состоять из вооруженных сил нейтральных государств.

В декабре 1996 г. на саммите государств – членов ОБСЕ в Лиссабоне все государства-члены, за исключением Армении, признали территориальную целостность Азербайджана в связи с Нагорно-Карабахским конфликтом. Подписанные документы заключали, что конфликт должен быть урегулирован в рамках территориальной целостности Азербайджана. Кроме того, все предложения Минской группы ОБСЕ по его урегулированию сначала ссылались на резолюции Совета Безопасности ООН, а затем выдвигали свои предложения по урегулированию конфликта.

С другой стороны, Минская группа ОБСЕ подготовила три плана урегулирования конфликта. Однако стороны не согласились с этими предложениями по

¹ © Мудров Н. М., 2020.

ряду причин. В ноябре 2007 г. Минская группа ОБСЕ приняла итоговый мадридский документ по урегулированию конфликта [2].

Анализируя дипломатические процессы в Нагорно-Карабахском конфликте, очевидно, что Азербайджан не признает Нагорный Карабах как отдельное государство или институт. Согласно ряду документов конфликт приобрел международный характер и должен быть урегулирован в рамках международного права и границ Азербайджана [3].

Несмотря на все принятые и утвержденные международные документы, армянское руководство хочет, чтобы Нагорный Карабах был признан независимым образованием, потому что таким образом будет легче контролировать территорию в пользу Армении. Более того, вопрос, который часто поднимался на заседаниях Минской группы ОБСЕ, был связан с референдумом, особенно о самоопределении [3].

Депортация азербайджанцев, проживавших в Нагорном Карабахе в советское время, оказала серьезное влияние на этнический состав населения. Сегодня армянский дипломатический корпус требует статус-кво, принимая во внимание только структуру этнического населения региона на момент начало конфликта. Кроме того, в 1996 г. Армения не признала международных границ Азербайджана [1, с. 28]. Это создает условия для того, чтобы Армения начала любой конфликт в любом месте своих границ, что и произошло в июле 2020 г.

Возобновление смертоносных боев между этническими армянскими и азербайджанскими силами за Нагорный Карабах не могло произойти в более неподходящее время. Боевые действия, которые могут легко превзойти разрушения Четырехдневной войны 2016 г., показывают мало признаков ослабления и усугубляются обострением ситуации с пандемией коронавируса в регионе.

Сегодня не только Нагорно-Карабахский регион, но и прилегающие к нему территории крайне милитаризованы. Пренебрежение нормами международного права и эскалация обстановки с обеих сторон создают опасный прецедент по вовлечению в конфликт третьих сил: с одной стороны это представители террористических группировок из САР, Ирака и Ливии, а с другой – публичная поддержка и оказание военной помощи Азербайджану со стороны Турции [4].

Этот конфликт является вызовом для Минской группы ОБСЕ, которая в последние годы была в значительной степени неэффективным форумом. Но в конечном счете, будь то под эгидой ОБСЕ или ООН, мир должен быть достигнут в многосторонних рамках и миротворческие силы должны быть развернуты. В связи с этим очень важна позиция стран – участниц Минской группы ОБСЕ. Вот мнения, на которые следует обратить внимание.

«Урегулирование Нагорно-Карабахского конфликта должно быть найдено только мирным путем»¹, – заявил корреспонденту БЕЛТА председатель Постоянной комиссии Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь по международным делам и национальной безопасности С. Рачков.

¹ Эскалация конфликта в Нагорном Карабахе // БЕЛТА. URL: <https://www.belta.by/world/view/eskalatsija-konflikta-v-nagornom-karabahe-4>.

Беларусь глубоко обеспокоена резкой эскалацией ситуации в Нагорном Карабахе: «Все призывы к полному прекращению огня и прекращению боевых действий, которые привели к жертвам с обеих сторон, должны быть энергично поддержаны. Выход из кризиса возможен только мирными средствами. Оба государства должны использовать не оружие, а дипломатию, чтобы предотвратить гибель людей, особенно среди гражданского населения»,¹ – сказал дипломат.

По словам С. Рачкова, Ереван и Баку одинаково близки Минску, независимо от членства в тех или иных международных организациях. Белорусский народ с большим уважением относится к народам этих стран и рассчитывает на их мудрость и благоразумие в понимании того, что альтернативы мирному урегулированию конфликта нет.

«Минская группа ОБСЕ, прежде всего ее сопредседатели – Россия, Франция и США, должны занять активную позицию в содействии поиску мирного решения ситуации»², – отметил Рачков.

На вопрос о возможности размещения миротворцев в зоне конфликта пресс-секретарь Президента Российской Федерации Дмитрий Песков 15 октября 2020 г. сказал: «Главный вопрос здесь заключается в том, как на это смотрят конфликтующие стороны. В частности, Армения и Азербайджан. Любое размещение любых миротворцев, наблюдателей и т. д., неважно кого, возможно только с согласия двух сторон»³.

Переживет ли это формат Минской группы ОБСЕ или нет, ситуация в конфликте будет еще дальше от мирного урегулирования, чем когда-либо прежде. Это не означает, что мирное урегулирование будет исключено; ни один конфликт не длится вечно. По сути, армянская и азербайджанская стороны сами должны решить этот конфликт, посторонние не могут сделать это за них. Но кровопролитие и резкая риторика с обеих сторон ограничили возможности заключить мирный договор.

Международное сообщество – три главных посредника – может начать с трех шагов по содействию миру.

Во-первых, сопредседатели Минской группы ОБСЕ должны заявить, что обе страны должны выполнить обязательства, взятые ими в Вене в мае 2016 г. [3], чтобы возобновить мирный процесс после последнего конфликта, и объявить последствия в случае их неисполнения.

Во-вторых, они должны начать активные дискуссии о том, как будет выглядеть миротворческая операция – важнейший вопрос, который игнорировался с 1990-х гг.

¹ Эскалация конфликта в Нагорном Карабахе // URL: <https://www.belta.by/world/view/eskalatsija-konflikta-v-nagornom-karabahe-4>.

² Минская группа ОБСЕ призвала к диалогу и мирному урегулированию ситуации вокруг Нагорного Карабаха // Первый канал. URL: https://www.1tv.ru/news/2020-10-04/394419-minskaya_gruppa_obse_prizvala_k_dialogu_i_mirnomu_uregulirovaniyu_situatsii_vokrug_nagorno_karabaha.

³ В Кремле назвали условие отправки российских миротворцев в Нагорный Карабах // Версия. URL: <https://versia.ru/v-kremle-nazvali-uslovie-otpravki-rossijskix-mirotvorcev-v-nagornyj-karabax>.

В-третьих, необходимо напомнить, что армяне и азербайджанцы не вечные враги. Нельзя допустить, чтобы этот локальный территориальный конфликт перерос в межэтнический – между армянами и азербайджанцами по всему миру.

Мир между Арменией и Азербайджаном необходим, но достижение его будет долгим и трудным делом. Мало того, что территориальные споры стары и сложны, при этом политическая и дипломатическая ситуация соседних стран создает дополнительные препятствия [5, с. 73].

Война может расшириться в масштабах и продолжаться не дни, а недели, но в этой трагедии может быть надежда: если обе стороны понесут тяжелые потери и достигнут точки истощения, они могут обнаружить стимулы для реального мирного урегулирования. Внешние стороны могли бы способствовать (или манипулировать) поиском компромиссов, но именно Армения и Азербайджан должны преодолеть тупик взаимной враждебности. Принятие соседа как трудного партнера – но не вечного врага – предполагает жесткую реконфигурацию собственной идентичности страны, однако война здесь действительно выступает жестоким учителем.

Список литературы

1. Гусейнова И. Беженцы, их положение и роль в современном азербайджанском обществе // Азербайджан и Россия: общества и государства / отв. ред. и сост. Д. Е. Фурман. М. : Летний сад, 2001.
2. Аветисян Р. С. Создание Минской группы ОБСЕ и ее роль в процессе урегулирования конфликта вокруг Нагорного Карабаха // ПОЛИТЭКС. 2011. № 1. С. 237–248.
3. Дудина Г., Тарасенко П. Карабах не сдается дипломатии: Армению и Азербайджан никак не усадить за стол переговоров // «Коммерсантъ». 2020. №181 (3 окт.). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4518818>.
4. Минская группа ОБСЕ. Эскалация конфликта в сентябре 2020 года // Кавказский Узел. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/152311>.
5. Жирохов М. А. Семени распада: войны и конфликты на территории бывшего СССР / под ред. Е. Кондуковой. СПб. : БХВ-Петербург, 2012.
6. Агаджанян М. Этнополитическая идентификация и причины нагорно-карабахского конфликта // 21-й век. 2008. № 1. С. 104–138.
7. Новый взгляд о принципах урегулирования Карабахской проблемы // Ереванский геополитический клуб. URL: <http://geoclub.info/новый-взгляд-карабах>.
8. Мартиросян С. Возможные сценарии миротворческой операции в зоне Карабахского конфликта // 21-й век. 2006. № 1. С. 133–145.

Соловьева А. С.¹,
 слушатель 463 учебного взвода
 Института подготовки сотрудников
 для органов предварительного расследования
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,

Научный руководитель
Симонова А. Е.,
 доцент кафедры прав
 человека и международного права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат юридических наук, доцент

МЕСТО И РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РАМКАХ ООН ПО БОРЬБЕ С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

В настоящее время основными направлениями деятельности Организации Объединенных Наций (далее – ООН) являются противодействие войнам и вооруженным конфликтам, поддержание стабильного мира в глобальном и в региональном масштабах. Буквально с первых дней своей деятельности ООН отмечает явление преступности как одно из крайне опасных для всех людей, угрожающее правам отдельного человека и подрывающее основы государственного устройства. Поэтому сегодня ООН и все международное сообщество направляют усилия на принятие радикальных мер для противодействия преступности, уровень которой достиг международного. Профилактика и борьба с преступностью стали важными аспектами работы некоторых международных организаций, в числе которых и ООН. Генеральная Ассамблея ООН, Экономический и Социальный Совет, Секретариат – основные органы ООН, которые занимаются вопросами борьбы с организованной преступностью.

В целом ООН занимается борьбой с международной преступностью по четырем направлениям: компьютерная безопасность, терроризм, торговля людьми, а также транснациональная организованная преступность, которая внедряется в государственные структуры, разрушает их процветающей коррупцией, подчиняет своему разлагающему влиянию производство, бизнес, политику, что в итоге затрудняет поступательное экономическое и социальное развитие.

Важность борьбы с транснациональной организованной преступностью была обозначена в 2000 г. на 10-ом Конгрессе ООН в Вене. Основной пик борьбы с транснациональной организованной преступностью в ООН был достигнут в 90-е гг. XX в., когда был принят основной международно-правовой документ по борьбе с организованной преступностью, юбилей которого мы сейчас

¹ © Соловьева А. С., 2020.

отмечаем, – это Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности.

В этом документе определены ключевые направления работы по борьбе с транснациональной организованной преступностью. Первым таким направлением выступает ратификация конвенций страной – участницей ООН и признание закрепленных в ней деяний, совершенных умышленно, преступлениями, за которые неотвратимо должно следовать справедливое и законное наказание. Вторым направлением является признание государством – участником ООН любого преступления, совершенного в составе группы и организованно, серьезным. Третьим направлением выступает разработанная государством-участником система отчетности о развитии внутригосударственной политики по противодействию этому явлению. И, наконец, четвертое направление работы по искоренению транснациональной организованной преступности планирует комплексную организацию работы государств – участниц ООН по вопросам конфискации доходов, полученных преступным путем, и выдачи преступных лиц в страну, где было совершено преступление, – экстрадиция.

Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (далее – Конвенция) была принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН 15 ноября 2000 г. и ратифицирована Российской Федерацией вместе с дополняющими ее протоколами Федеральным законом от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ. При этом в ратификационном акте Российской Федерации закреплены все те ограничения применения указанной Конвенции в нашей стране. Цель Конвенции заключается в содействии сотрудничеству в деле более эффективного предупреждения транснациональной организованной преступности и борьбы с ней [1].

Эту Конвенцию дополнил ряд утвержденных протоколов: Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее (принят резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 15.11.2000), Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху (принят резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 15.11.2000), Протокол против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему (принят резолюцией 55/255 Генеральной Ассамблеи ООН от 31.05.2001).

Конвенция определяет действенные рычаги по недопущению развития и эффективные меры противодействия транснациональным преступлениям. В ней сформулированы единые для всех участников подходы к осознанию криминальных опасностей и четких требований в их подавлении с применением всех имеющихся законных средств. Этот документ применим к преступлениям транснационального характера, совершенным участниками организованных преступных групп разных стран. В рассматриваемой Конвенции перечислены основные умышленные преступления. Среди них:

1. Участие в организованной преступной группе.
2. Отмывание доходов от преступлений.
3. Преступления коррупционного характера.
4. Воспрепятствование осуществлению правосудия.

Данные преступления могут входить в число серьезных преступлений, наказание за которые не может составлять менее четырех лет лишения свободы, могут носить транснациональный характер, а могут совершаться организованной преступной группировкой.

В соответствии со ст. 3 Конвенции транснациональным преступлением считается преступление, которое отвечает следующим критериям:

1. Совершено в более чем одной стране.
2. Само преступление фактически совершено на территории одного государства, а подготовка и организация его проходили на территории другого государства.
3. Работа преступной группировки в различных государствах в иных преступлениях.
4. Само преступление фактически совершено на территории одного государства, а фактические негативные общественно опасные последствия наступили на территории другого государства.

Подводя некоторый итог, следует отметить, что транснациональная организованная преступность выражена в многогранной повышенной общественной опасности, которой присущи особенности субъекта и объекта преступного посягательства в силу национальной специфики.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что сегодня новые проявления транснациональной организованной преступности не везде еще адекватно воспринимаются и рассматриваются комплексно [6, с. 366]. Работа по противодействию в некоторых странах носит не только показательный, но зачастую и формальный характер, что вызывает справедливое недоумение зарубежных партнеров в желании эффективной борьбы даже на своей территории.

Сегодня Российская Федерация считает транснациональную организованную преступность серьезнейшей и нарастающей угрозой социальному, экономическому благополучию, политической стабильности государств. Эта растущая угроза требует наращивания международного правоохранительного потенциала, энергичных совместных действий в целях ликвидации транснациональных криминальных сетей, пресечения традиционных и новых видов преступной деятельности [5, с. 50].

Вклад России в деятельность ООН по борьбе с транснациональной организованной преступностью очевиден и достаточно высок. Так, Российская Федерация регулярно проявляет инициативу в различных аспектах борьбы с транснациональной организованной преступностью. Приведем пример. В современных условиях вызывает существенную угрозу активный рост распространения наркотиков в Афганистане. Российская Федерация в этом направлении выступила с инициативой о формировании комплексной системы поясов антинаркотической и финансовой безопасности с участием государств, граничащих с Афганистаном; организующую роль, по мнению России, должна взять на себя ООН.

Россия вносит предложения в разработку и оформление единой антикриминальной стратегии, принимает заинтересованное участие в обсуждении предложений партнеров, участвует в документальном закреплении сформированных

положений в структурных органах ООН, главным образом, в профильной Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию.

Проявляя деятельное участие в работе ООН, Россия предлагает расширение круга стран, ратифицировавших Конвенцию по борьбе с коррупцией, а также эффективную реализацию закрепленных в ней положений, развитие технологических и технических средств, направленных на борьбу с преступностью в этом направлении.

Вторым примером следует считать вклад нашей страны в подавление возродившегося пиратства. Важная работа проведена Россией в направлении борьбы с международным пиратством у африканского побережья. Так, военные корабли нашей страны расположены на территории очагов пиратства – побережье Сомали и Африканский берег. Конечно, это не решает всех проблем, но говорит о решительном настрое по борьбе с преступностью в этом направлении.

В 2010 г. Россия выступала с еще одной важной инициативой, направленной на принятие резолюции Совета Безопасности об уголовном преследовании пиратов. Так, по мнению российских дипломатов, ООН должна была сформировать антипиратский судебный орган, который занимался бы исключительно этой категорией дел, что увеличивало бы эффективность судопроизводства. Также высказывалась позиция о формировании специальной палаты для преследования пиратов при национальном суде одного из государств региона.

И наконец, под третьим примером нельзя не отметить противостояние коррупции, которая все чаще распространяет свое негативное влияние через межгосударственные границы. В России уже длительное время борьбе с коррупцией, организованной преступностью государство придает особое значение, так как она имеет не только правовой, но и политический аспект. Борьба по всем направлениям с организованной преступностью уже давно является одним из приоритетов государственной политики и занимает позицию действенного конструктивного сотрудничества во внешнеполитическом курсе России.

В целом, основной идеей данной инициативы со стороны России выступал вопрос о фактической безнаказанности пиратства. В пример приводились ситуации, когда пиратов фактически отпускали на свободу в связи с отсутствием физической и технической возможности передать их правосудию. В связи с этим российской стороной отмечалось, что наказание должно быть неотвратимым, но законным и справедливым, отвечающим требованиям стандартов в области прав человека.

Поэтому с уверенностью можно утверждать, что участие Российской Федерации в борьбе с международной преступностью под эгидой ООН деятельно и эффективно. Следует отметить, что наиболее весомые предложения России посвящены противодействию и подавлению любых проявлений международного терроризма, афганской наркотической угрозе, совершенствованию международного законодательства в части его ужесточения и неотвратимости наказания за морское пиратство. Таким образом, есть все основания говорить о том, что и в будущем наша страна останется активным, инициативным и деятельным участником дискуссий со всеми заинтересованными борьбой с международной преступностью структурами ООН.

Максимально эффективное подавление транснациональной преступности возможно реализовать с помощью применения стратегического планирования, комплексно объединяя межгосударственный, национальный и региональный уровни.

Для более плодотворной работы в данном направлении считаем целесообразным предложить российским законодателям разработку проектов ряда законодательных документов, таких как: федеральный закон «О противодействии транснациональной организованной преступности», стратегия противодействия транснациональной организованной преступности, а также план противодействия транснациональной организованной преступности.

В заключение хочется привести слова Президента Российской Федерации В. В. Путина, как нельзя лучше подчеркивающие вектор взаимного сотрудничества в рамках Организации, на пленарном заседании юбилейной, 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН: «Хочу вновь подчеркнуть: Россия приложит все усилия к тому, чтобы содействовать мирному, политико-дипломатическому урегулированию региональных кризисов и конфликтов, обеспечению стратегической стабильности... Вновь повторю: во взаимосвязанном, взаимозависимом мире, в водовороте международных событий необходимо действовать сообща и опираться при этом на зафиксированные в Уставе ООН принципы международного права. Только так мы будем способны выполнять высокую миссию нашей Организации и обеспечить достойную жизнь для нынешнего и будущих поколений» [7]. Именно здесь отмечены место и роль Российской Федерации в рамках ООН, включая ее усилия в борьбе с транснациональной организованной преступностью.

Список литературы

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15.11.2000) // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml.
2. Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol2.shtml.
3. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml.
4. Протокол против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принят в г. Нью-Йорке 31.05.2001 Резолюцией 55/255 на 101-ом пленарном заседании 55-й сессии Генеральной

Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: через коммерческую версию.

5. Для транснациональной организованной преступности и терроризма нужен надежный заслон // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. № 3. С. 50–52.

6. Нигматуллин Р. В., Сулейманова Р. Р. Стратегия ООН в борьбе с транснациональной организованной преступностью // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 2. С. 358–368.

7. 75-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН // Администрация Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64074>.

Чаплыгина А. Д.¹,
курсант 593 учебной группы
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Мальцева О. А.²,
доцент кафедры криминалистики
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО ВОПРОСАМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

Терроризм является многокомплексным и сложным общественным явлением, основным признаком которого является массовое и систематическое насилие, а основной его отличительной чертой – тот комплекс обоснований, которым преступники руководствуются при совершении своих акций. Мировая практика проведения террористических актов показывает, что все они мотивировались и обосновывались социально-политическими и идеологическими взглядами.

Любой террористический акт включает в себя две стадии: на первой террористы воплощают в действительность акцию массового устрашения, а на второй управляют действиями населения, пользуясь тем, что люди находятся в подавленном морально-психологическом состоянии.

Изначально целями террористического акта могут быть как отдельные физические лица, группы лиц, так и материальные объекты. Однако уже вследствие проведенного террористического акта появляются вторичные объекты в виде общественных отношений и нарушенного порядка управления. В национальном антитеррористическом законодательстве понятие террористической деятельности фрагментарно содержится в различных статьях УК РФ, в которых можно выделить признаки, классифицированные по пяти видам:

- действия, связанные с террористической акцией (организация, планирование, подготовка и реализация);
- подстрекательство к любым проявлениям терроризма;
- организация и участие в каких-либо преступных формированиях для совершения террористических акций;
- пособнические действия, выражающиеся в вербовке, вооружении, обучении и использовании террористов;
- финансирование и иное содействие терроризму [1, с. 54].

Международная террористическая деятельность имеет следующие отличительные черты:

¹ © Чаплыгина А. Д., 2020.

² © Мальцева О. А., 2020.

- проводится на территории нескольких государств и, соответственно, причиняет ущерб более чем одному государству;
- проводится на территории чужого государства либо в отношении граждан другого государства;
- совершается на территории чужого по отношению к жертве либо самому террористу государства.

Национальным нормативным актом, содержащим основы противодействия терроризму, является Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [2], который определяет правовые и организационные основы борьбы с терроризмом в Российской Федерации, субъектов этой борьбы, основы их взаимодействия и роль иных государственных и негосударственных органов и граждан в противодействии терроризму.

Авангардом борьбы с терроризмом должно быть государство как гарант неприкосновенности своих граждан и их безопасности. В связи с этим адекватным ответом на террористические проявления является единая комплексная концепция государства, включающая в себя и международно-правовое сотрудничество. Национально-правовое и международно-правовое обеспечение, а также реальное сотрудничество в сфере антитеррористической деятельности являются предпосылками к успешной борьбе с этой проблемой.

В последнее время терроризм и экстремизм принимают характер явно международных явлений. Акты противодействия, проводимые исключительно в рамках конкретного государства, в большинстве своем ушли в прошлое. В настоящее время на мировую арену вышли такие крупнейшие международные террористические организации, как Аль-Каида, Хамас, ИГИЛ (запрещены на территории Российской Федерации). Последняя объявила себя самопровозглашенным государством.

Соответственно, и международное антитеррористическое законодательство должно видоизменяться, постоянно совершенствоваться и расширять круг участников, задействованных в решении данных вопросов, так как расширение на международном уровне террористической и экстремистской преступности повышает опасность для всего мира и жизней населяющих его людей, представляя собой планетарную угрозу. Таким образом, терроризм является одним из самых опасных преступлений современности, носящих не только национальный, но и международный характер.

Террористические действия носят совершенно разнообразный характер, но имеют два объединяющих элемента: направлены на подрыв государственной власти и создают у населения чувства страха и беспомощности, возникающие под влиянием организованного насилия террористов.

Неурегулированность вопросов экономического, политического, социального, религиозного, этнического и другого характера привела к недовольству и возмущению определенных социальных групп, что повлекло за собой конфликты, облекшие форму террористического и экстремистского наклона, протесты, вышедшие за пределы регулирования одного государства. В этих условиях страны начали консолидироваться и создавать совместные очаги сопротивления для формирования эффективных международных отношений, которые позволили

бы эффективно бороться и предотвращать преступления данной квалификации. ООН является главным центром формирования и создания антитеррористической и антиэкстремистской деятельности, в то же время структурной частью является Комитет по борьбе с терроризмом при Совете Безопасности ООН (КБТ ООН). Проблемами противодействия терроризму с 2002 г. активно занялись европейские структуры: от ОБСЕ и Совета Европы до НАТО [3].

Нормативные правовые акты ООН закрепляют основной принцип всемирного антитеррористического сотрудничества – осуждение и признание противоправности терроризма во всех его формах и проявлениях, где бы и кем бы ни совершались террористические акты.

Однако наряду с принятием соглашений все же остаются некоторые разногласия между государствами по поводу мер пресечения такого рода преступности. Здесь можно выделить три концепции:

1. Строгая линия – не вступать в переговоры с террористами и сразу же проводить полицейскую операцию. Представляет собой отказ от удовлетворения требований террористов и отказ от переговоров с ними на основании того, что это может повлечь увеличение подобных преступных группировок и усиление их финансового положения, а государство, в свою очередь, будет нести колоссальные денежные затраты, что приведет к политической нестабильности.

2. Гибкая тактика – возможность проведения переговоров для освобождения заложников. Такая стратегия позволит мирно разрешить конфликт, а также позволит правоохранителям затянуть время, измотать террористов, оказать на них давление, побудить отказаться от своих требований.

3. Необходимо в обязательном порядке учитывать национальную принадлежность участников террористического акта. Если заложниками являются граждане страны, на территории которой совершен захват, к операции по их освобождению необходимо приступать незамедлительно. Однако если заложниками выступают иностранные граждане, то действия местных властей должны согласовываться с правительствами стран, гражданами которых они являются [4]. К слову, такая тактика используется в странах с невысоким уровнем терроризма и, к сожалению, не может применяться в России.

К основным направлениям борьбы с терроризмом и экстремизмом относят следующие:

- разработка и функционирование эффективной международной правовой законодательной базы;
- создание антитеррористических центров;
- увеличение числа правоохранных органов и вооруженных сил для борьбы с экстремизмом;
- улучшение экономической и политической ситуации в мире в целом;
- создание оптимального качества уровня жизни людей;
- улучшение обмена информацией о терроризме и экстремизме [5];
- скорейшее присоединение всех стран к антитеррористическим конвенциям;

– создание и внедрение механизма реального противодействия и предотвращения терроризму.

Таким образом, террористическая и экстремистская преступность в последнее время развивается, ее причины заложены в проблемах социального, экономического, финансового характера. Преступники, совершая террористические акты, показывают свой протест миру, неудовлетворенность своим положением и уровнем жизни, поэтому в тех странах, где террористические акты совершаются наиболее часто, следует сконцентрироваться на выявлении и решении внутригосударственных проблем, ведущих к возникновению ситуаций массового недовольства [6]. Второе направление борьбы с терроризмом – разработка и совершенствование международных нормативных правовых актов, которые послужат основой для решения данного вопроса.

Список литературы

1. Мешелин С. Е. Современный терроризм и методы антитеррористической деятельности : монография. Омск, 2008.
2. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.
3. Зеленков М. Ю. Терроризм как угроза национальной безопасности и политической стабильности Российской Федерации // Вестник Российской нации. 2012. Т. 1. № 21. С. 226–233.
4. Вашунин Е. С. Ретроспективный взгляд на терроризм в России // Правосудие. 2014. № 3. С. 45–49.
5. Горячева А. И. Технологический терроризм и меры его предупреждения // Информационная безопасность. 2016. № 6. С. 12–19.
6. Макаров В. С. Международный терроризм на объектах транспорта // Законность. 2013. № 1. С. 18–27.

Чуткова Ю. Д.¹,
курсант 571 учебного взвода
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель
Пузырева Ю. В.,
заместитель начальника кафедры
прав человека и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ ДЕТЬМИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

К сожалению, в XXI в. такие термины, как «рабство» и «торговля», людьми не отошли в прошлое и вовсе не превратились в архаизмы. Смотря правде в глаза, следует признать, что на сегодняшний день проблема торговли людьми не теряет своей актуальности. Траффикинг как явление криминализировано более чем в 142 странах мира (на 2017 г.). Многие международные организации, национальные правительства выступали с инициативами, непосредственно направленными на исследование заявленной проблематики, разработку и реализацию программ выявления и оказания помощи пострадавшим. Однако необходимо отметить, что статистика ООН утверждает: число преступлений, связанных с торговлей людьми, а значит и число жертв – неумолимо растет по всему миру [1].

В свете исследуемой проблематики чрезвычайно важным представляется рассмотрение преступлений, совершаемых в отношении детей и подростков, поскольку данная категория лиц является наиболее уязвимой в социальном плане и подвержена значительно большему риску стать жертвами торговли людьми. В настоящее время около трети всех жертв составляют дети (23 % девочек и 7 % мальчиков) [1].

Обращаясь к статистике ООН, можно выделить такую форму траффикинга детей, как траффикинг в целях сексуальной эксплуатации [2]. Массовая сексуальная эксплуатация детей в мировом масштабе подтверждается фактически как значительным ростом числа выявленных преступлений, так и увеличением количества различных онлайн-ресурсов, занимающихся распространением детской порнографии. В сфере даркнета (т. е. темной зоны интернет-пространства) специализированные подразделения полиции разных стран выявляют сотни ресурсов, основывающих свою деятельность на распространении контента, содержащего сексуальное насилие над детьми в возрасте от пяти лет и более. Примерами таких платформ были *Elysium* (84 тыс. подписчиков по всему миру) [3],

¹ © Чуткова Ю. Д., 2020.

DarkScandals [4] (более 2 тыс. фото и видео изнасилований девочек), *Babyheart* [5]; выявлены также десятки групп в популярных мессенджерах, распространяющие запрещенный контент [5]. К сожалению, выявленные ранее правоохранительными органами преступные сообщества составляют лишь верхушку айсберга, что не может не вызывать беспокойства.

Помимо торговли в целях сексуальной эксплуатации детей также можно выделить иные формы торговли людьми:

- для принудительного вступления в брак;
- торговля детьми в целях незаконного усыновления;
- торговля детьми в целях принудительного совершения преступлений (таких как распространение наркотиков, мелкие кражи и т. п.);
- торговля детьми в целях изъятия органов и тканей;
- торговля людьми в целях эксплуатации (принуждение к бродяжничеству и попрошайничеству);
- вербовка детей в группировки террористической и экстремистской направленности.

Преступления в изучаемой сфере обладают высокой степенью латентности, что порождает трудности в обобщении и формировании единой общемировой картины изменений характера и степени распространенности данной категории преступлений.

Статистика различных форм проявления торговли людьми существенно различается в зависимости от георасположения региона исследования. К примеру, правозащитная организация *Girls Not Brides* предоставляла данные о том, что ежегодно к браку принуждаются более 12 млн девочек и девушек, не достигших совершеннолетия. Преступления подобного рода наиболее распространены в странах Ближнего Востока, на территории Африканского континента, а также в отдельных государствах Азии и Латинской Америки [6].

Говоря о такой форме торговли детьми, как торговля в целях незаконного усыновления, следует подчеркнуть, что данный вид преступлений в большей степени распространен в слаборазвитых странах Азиатского региона (Камбоджа, Индия, Гватемала, Вьетнам и др.). Также на данный момент серьезную озабоченность в правозащитной среде вызывает Китайская Народная Республика [7].

Согласно данным некоторых правозащитных организаций, проблема попрошайничества среди детей, являющихся жертвами торговли людьми и принуждаемых к этому, приобретает катастрофические масштабы. В государствах Восточной Африки (например, Мали, Сенегале) численность детей, подвергающихся принуждению к данному виду деятельности, насчитывает сотни тысяч человек [8]. Следует отметить, что европейские страны также страдают от вышеописанной проблемы: примерно 13 % траффкинга детей в Восточную Европу происходит непосредственно для использования в дальнейшем в качестве попрошаек [9].

Довольно сложным для исследования представляется такой вид преступления, как торговля людьми в целях незаконной трансплантации органов. Развитие медицины и фармакологии, технический и научный прогресс, к несчастью, до сих пор не смогли исключить проблему нехватки органов, доступных для

трансплантации. Глобальная обсерватория по донорству и трансплантации приводит в своих отчетах неутешительные цифры: по состоянию на 2012 г. было пересажено 114 690 органов во всем мире, что позволило удовлетворить только 10 % от необходимой потребности [10].

Заостряя внимание именно на проблеме использования детей в качестве незаконных доноров, следует отметить, что долгое время торговля малолетними лицами для данных целей воспринималась не иначе как миф и неправдоподобная выдумка. Однако реальность оказывается порой значительно хуже любых, даже самых фантастических фантазий. Начало 1990-х гг. было ознаменовано обнаружением мировыми СМИ ряда историй, связанных с использованием детей из стран Африки, Латинской Америки в роли доноров для граждан Европы и США [11]. В 2000-х гг. данная проблема также охватила и Ближний Восток, и страны Северной Африки, что в первую очередь связано с обострением миграционных вопросов и конфликтов [12].

Рассматривая виды и формы преступлений в сфере торговли людьми, нельзя обойти стороной такой вид преступления, как вербовка несовершеннолетних лиц в группировки террористической и экстремисткой направленности. Согласно сведениям правозащитной организации *Child Soldiers International*, данный вид преступления получил наибольшее распространение в таких государствах, как Афганистан, Ирак, Сирия, Йемен, Демократическая Республика Конго, Мали и др. [13]. Крайнюю озабоченность у мировой общественности вызывают сообщения СМИ о деятельности террористической группировки ИГИЛ (террористическая группировка, запрещенная в Российской Федерации), осуществляющей активную вербовку и пропагандирующей радикальный исламизм посредством различных интернет-ресурсов, в том числе и социальных сетей, во многих европейских странах и в России.

Одним из ключевых регионов-«доноров», из которых вывозят жертв торговли людьми, является Европейский союз. В соответствии с данными Европола, за период 2015–2017 гг. в регионе активизировались и развили бурную деятельность преступные группировки из Афганистана, Вьетнама, Албании и других стран. Также интерес для торговцев людьми представляет и Российская Федерация (как страна-«донор»). Статистически большая часть жертв траффинга – подростки 16–17 лет, чуть меньшую численность составляют дети от 11 до 15 лет. Малолетние лица (до 11 лет) также становятся жертвами преступлений в сфере торговли детьми, в целом они составляют около 20 % от общего числа выявленных жертв [14].

Сегодня проблема торговли детьми в России и в мире не теряет своей актуальности. Все уже существующие проблемы в данной сфере лишь усугубляются отсутствием необходимого внимания со стороны государств и должной проработки.

Самым важным шагом в борьбе с проблемой траффинга детей должна стать выработка общей стратегии противодействия торговле людьми как на национальном, так и на транснациональном уровне. Вслед за появлением единой стратегии борьбы последует необходимость формирования специализированных подразделений государственных органов, которые уполномочены исследовать ситуацию

в сфере торговли людьми, следить за динамикой изменения данных преступлений, формулировать и практически применять системные решения изучаемой проблемы. Последнее представляет собой наиболее серьезную сложность на сегодняшний день (и в России, и во многих зарубежных странах, а также на уровне международных организаций практическая помощь жертвам преступлений траффинга и вопросы пресечения данных преступлений не реализуются должным образом).

Список литературы

1. Global Report on Trafficking in Persons, 2018 // UNODC. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/glotip/2018/GLOTiP_2018_BOOK_web_small.pdf.
2. 14 Arrests in Takedown of Massive Child Sexual Abuse Platform // Europol. URL: <https://www.europol.europa.eu/newsroom/news/14-arrests-in-takedown-of-massive-child-sexual-abuse-platform>.
3. Dark Web Child Abuse: Administrator of Darkscandals Arrested in the Netherlands // Europol. URL: <https://www.europol.europa.eu/newsroom/news/dark-web-child-abuse-administrator-of-darkscandals-arrested-in-netherlands>.
4. Here's How International Collaboration Led to Arrest of Child Sexual Abuser in Portugal // Europol. URL: <https://www.europol.europa.eu/newsroom/news/here's-how-international-collaboration-led-to-arrest-of-child-sexual-abuser-in-portugal>.
5. Global Action Tackles Distribution of Child Sexual Exploitation Images via Whatsapp: 39 Arrested So Far // Europol. URL: <https://www.europol.europa.eu/newsroom/news/global-action-tackles-distribution-of-child-sexual-exploitation-images-whatsapp-39-arrested-so-far>.
6. Top 20 countries with the highest prevalence rates of child marriage // Girls Not Brides. URL: <https://www.girlsnotbrides.org/where-does-it-happen/atlas>.
7. Smolin D. M. Child Laundering: How the Intercountry Adoption System Legitimizes and Incentivizes the Practices of Buying, Trafficking, Kidnapping, and Stealing Children // The Wayne Law Review. 2006. Vol. 52. No. 1. P. 113–200.
8. Ending forced child begging // Anti-slavery. URL: <https://www.antislavery.org/ending-forced-child-begging>.
9. Cherneva I. Human Trafficking for Begging // Buffalo Human Rights Law Review. 2011. Vol. 17. P. 25–73.
10. Bagheri A. Child Organ Trafficking: Global Reality and Inadequate International Response // Medicine, Health Care and Philosophy. 2016. Vol. 19. Is. 2. P. 239–246. DOI: 10.1007/s11019-015-9671-4.
11. Morelli M. N. Organ Trafficking: Legislative Proposals to Protect Minors // American University International Law Review. 1995. Vol. 10. Is. 2. P. 917–954.
12. Sudanese Victims of Organ Trafficking in Egypt // COFS. URL: <http://cofs.org/home/wp-content/uploads/2012/06/REPORT-Sud-Victims-of-OT-in-Egypt-NEW-COVER-16-Jan-20124.pdf>.
13. What are child soldiers? // Child Soldiers. URL: <https://web.archive.org/web/20161014233544/https://www.child-soldiers.org/child-soldiers-war-conflict-what-where-who-why>.

14. Criminal networks involved in the trafficking and exploitation of underage victims in the European union. P. 11 // Europol. URL: <https://www.europol.europa.eu/publications-documents/criminal-networks-involved-in-trafficking-and-exploitation.eu>.

Шибаета Ю. Н.¹,
курсант 372 взвода
Института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель
Симонова А. Е.,
доцент кафедры прав человека
и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ КОНВЕНЦИИ ООН ПРОТИВ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В настоящее время международное сообщество столкнулось с одной из немаловажных проблем – коррупцией. Данная проблема стоит наряду с такими антиобщественными деяниями, как торговля людьми и организованная преступность. Данная тема нашла свое отражение и правовое закрепление в таких конвенциях по предупреждению преступности, как:

1) Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, принятая резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г.;

2) Конвенция ООН против коррупции, принятая резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г.

В обществе признано, что коррупция и вымогательство – это насущные проблемы, несущие угрозу политическому, экономическому и социальному развитию. Данные виды преступности ломают демократический строй и морализацию мирового сообщества [3, с. 154].

Стоит отметить тот факт, что ряд лиц, организуясь в группы преступные, зачастую совершает деяния, подпадающие под коррупционные преступления. Нередко такие сообщества совершают преступные подкупы: это необходимо для того, чтобы в последующем закрепить свое криминальное начало. Совершение коррупционных преступлений позволяет преступным группам снизить риски привлечения к ответственности и повысить охваты доходов от выполнения незаконных действий. Еще одним ключевым моментом для такого рода групп является то, что совершение преступления, носящего коррупционную окраску, можно осуществлять без применения насилия. Это снижает процент строгости наказания. 15 ноября 2000 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи 55/25 была

¹ © Шибаета Ю. Н., 2020.

принята Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Данная конвенция играет большую роль в борьбе с коррупцией, ведь именно в ней закреплён механизм борьбы с преступлениями коррупционной направленности. Этот международно-правовой акт содержит в себе положения по предупреждению и пресечению коррупции, закрепляет меры борьбы с коррупцией. Международный источник права освещает пять разделов: меры по предотвращению подкупности; усиление преступности и законоохранительная деятельность; международное сотрудничество; меры по отзыву средств; помощь в техническом обеспечении и снабжении информацией. Из положений, указанных в Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, следует, что коррупция является вспомогательным методом преступных сообществ в совершении своих корыстных замыслов.

В п. 1 ст. 8 Конвенции об организованной преступности отражено, что государства обязаны привлекать к уголовной ответственности за деяния следующего характера (если при этом они совершаются умышлено) [1, с. 10]:

а) связанные с обещанием публичному должностному лицу предоставить незаконные привилегии. Это предоставление исполняется лично или через какое-либо заинтересованное лицо. Такие преимущества могут предоставляться как физическому, так и юридическому лицу, а оно в дальнейшем совершает деяние, выражающееся в форме действия или же бездействия – активный подкуп.

б) связанные с совершением подкупности или принятием публичным должностным лицом для себя неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица. Такие действия совершают лично или же через третьих лиц, и они нужны, чтобы воплотить в жизнь действия, задуманные с корыстной целью, или бездействие в момент выполнения своих должностных обязанностей – пассивный подкуп) [1, с. 11].

Все государства, подписавшие вышеназванную Конвенцию, солидарны во мнении о том, что любой сообщник в совершении коррупционного преступления должен понести наказание за свои деяния.

Пункт 2 ст. 8 данной Конвенции гласит, что каждое государство-участник наделено правом установления тех мер, которые были бы достаточны для признания деяний, указанных в п. 1 ст. 8, уголовно наказуемыми при условии, что в осуществлении этих деяний будет принимать участие публичное иностранное должностное лицо или гражданский международный служащий.

Еще в ст. 8 говорится о том, что государствами-участниками могут применяться достаточные меры для признания участия в совершении подкупности лица, играющего роль соучастника и признанного таковым данной статьей.

В п. 4 отражено положение о том, что должностное лицо признается публичным – неважно, физическое оно или юридическое, если это лицо предоставляет определенного рода публичную услугу.

При создании Конвенции об организованной преступности велись долгие споры о том, что же стоит признавать предметом преступлений коррупционной направленности. Это случилось из-за того, что коррупция усматривалась в качестве частного случая явления, имеющего более широкий характер. Однако здесь

учтен момент, что коррупцию преступные сообщества используют как один из методов, помогающих осуществить свои корыстные побуждения. Было принято решение – отразить в Конвенции об организованной преступности раздел, повествующий о мерах борьбы с коррупцией в публичной сфере. И при отражении этого положения необходимо было учитывать то, что Конвенция против транснациональной организованной преступности не сможет полностью разъяснить сущность коррупции как преступления, для этого необходимо принять специализированный нормативный правовой акт. Вскоре была разработана Конвенция против коррупции, принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г. [2, с. 20]. На наш взгляд, это более узкий международно-правовой акт, который подробно разъясняет положения ст.ст. 8–9 Конвенции о транснациональной организованной преступности. В нем представлены мероприятия по предупреждению коррупции в области государственной службы и в частном секторе. Также в данной конвенции закреплён перечень коррупционных деяний, в который входят такие деяния, как:

- 1) подкуп национальных должностных лиц и иностранных публичных должностных лиц публичных международных организаций – стоит заметить, что данное положение заимствовано из ст. 8 Конвенции о транснациональной организованной преступности;
- 2) воспрепятствование отправлению правосудия и отмыwanie доходов от преступлений – данное же положение закреплено только в Концепции против коррупции.

Конвенция против коррупции приравнивает отмывание незаконных денежных средств к коррупции – это, несомненно, является большим плюсом в области развития сотрудничества между странами, необходимым для борьбы с коррупцией.

Вернемся к Конвенции о транснациональной организованной преступности. В ст. 9 говорится о том, что государства-участники возлагают на себя обязанность по принятию всевозможных мер в целях:

- а) поддержания добросовестности;
- б) предупреждения и раскрытия преступлений коррупционной направленности и привлечения к ответственности за данные преступные деяния;
- в) реализации действий национальных органов в области предотвращения и выявления подкупности должностных публичных лиц и наказания за нее.

Государства-участники несут обязанность по обеспечению необходимой независимости органов, ведущих борьбу с коррупцией, для предотвращения неправомерного воздействия. Об этом гласит ч. 2 ст. 9 вышеназванной Конвенции.

Проанализировав два значимых международных документа, можно сказать следующее: такое явление, как коррупция, многосторонне, нельзя дать однозначного определения ему, что является значимой проблемой в настоящее время. Также затрудняет усвоение данного неправомерного явления отсутствие единого понимания, что же в конечном счете является коррупцией, а что нет. Каждое государство имеет свой уровень экономического, политического роста, поэтому одно и то же деяние воспринимается с точки зрения правомерности по-разному.

Нельзя сказать, что коррупция возникла из ниоткуда, она существовала всегда и во всех государствах. Сейчас же стоит бросить все усилия, чтобы разработать широкий спектр правовых механизмов, позволяющих снизить уровень распространения данного явления [4, с. 235]. Победить коррупцию невозможно, но необходимо сделать все возможное для ограничения ее масштаба. Для этого надо приложить усилия всему мировому сообществу.

Список литературы

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15.11.2000) // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml.
2. Конвенция ООН против коррупции, принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml
3. Капитонова Е. А. Современная коррупция. М. : Юрлитинформ, 2015.
4. Лукашук И. И. Международно-правовые формы борьбы с коррупцией. М. : Логос, 2001.

Щербаков И. В.¹,
курсант 593 учебного взвода
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель
Алексеева М. М.,
доцент кафедры прав человека
и международного права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

На современном этапе транснациональная организованная преступность является одной из важнейших проблем, беспокоящих международное сообщество. Глобализация коснулась почти всех аспектов развития и функционирования общества, в том числе и сферы международных отношений. Она способствует появлению иных, неизвестных ранее форм преступности, которые, в свою очередь, представляют серьезную угрозу как для национальной, так и для международной безопасности. ООН необходимо противодействовать им посредством организации и обеспечения международного сотрудничества государств и различных межправительственных и неправительственных организаций. Это осуществляется путем реализации конвенций и иных международных документов.

В частности, серьезным шагом стало создание и последующее принятие Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. [1].

Указанная Конвенция, в первую очередь, касалась введение уголовной ответственности за участие в международных преступных сообществах и коррупции. Однако в 2000–2001 гг. был принят ряд протоколов, дополняющих и уточняющих Конвенцию. Одним из них является Протокол против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия [2]. Указанный Протокол закрепляет основные понятия и термины в рамках незаконного оборота оружия. Помимо этого, он содержит фундаментальные нормы, касающиеся контроля за оборотом огнестрельного оружия на национальном и на транснациональном уровне (в целях противодействия его незаконному обороту). К тому же в упомянутом выше Протоколе закреплены положения, которые обязательны для выполнения странами, подписавшими его. Касаются данные обязательства преимущественно криминализации отдельных видов противоправных деяний, связанных с оборотом оружия.

¹ © Щербаков И. В., 2020.

Несмотря на то, что Российская Федерация еще в 2004 г. подписала и ратифицировала Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, сам Протокол 2001 г. до сих пор не подписан и, соответственно, не влияет на национальное законодательство России в соответствии с Конституцией Российской Федерацией (ч. 4 ст. 15) [6].

Необходимо отметить, что на современном этапе Россия является одним из лидирующих изготовителей и экспортеров огнестрельного оружия. Российская Федерация занимает второе место на мировом рынке по экспорту оружия (первое место – США). По данным, полученным в ходе исследования, проводимого Стокгольмским международным институтом исследования проблем мира, доля международного экспорта России на мировом рынке составляет 25 %. Поставки производились преимущественно в Индию (около 39 % от общего числа), Китай (около 11 %), Вьетнам (около 11 %). В целом Россия поставляет оружие ориентировочно 50 странам [9].

Исходя из совокупности приведенных выше фактов, необходимо отметить, что несмотря на довольно длительный срок, прошедший с момента принятия Протокола 2001 г., Российской Федерации следует его подписать и ратифицировать. Это позволит наиболее эффективно осуществлять контроль за оборотом оружия как внутри страны, так и на транснациональном уровне.

На международном уровне большинство мероприятий в рамках противодействия незаконному обороту оружия осуществляется под эгидой ООН. Так, в 1950 г. было принято решение Генеральной Ассамблеи, в соответствии с которым проводятся конгрессы ООН по предупреждению преступности (раз в пять лет).

Важным шагом в рамках реализации международно-правового сотрудничества в рамках указанной сферы стал созыв Конференции ООН по проблеме незаконной торговли огнестрельным оружием и легким вооружением во всех ее аспектах в 2001 г. Решение о проведении указанного мероприятия было принято резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН в 1999 г. [5]. Конференция позволила укрепить сотрудничество стран в рамках названной проблемы, а также создать Программу действий по предотвращению и искоренению незаконной торговли стрелковым оружием и легким вооружением, что стало значимым шагом для государств в рамках реализации международно-правового сотрудничества.

Помимо этого, состоялись еще две важные конференции: в Нью-Йорке в 2005 г. и конференция ООН 2006 г., на которой обсуждались результаты, достигнутые посредством принятия Программы.

В 2005 г. прошел значимый XI Конгресс ООН по предупреждению преступности в Бангкоке, на котором обсуждались вопросы незаконного оборота оружия, а также присоединения к Протоколу 2001 г. [8, с. 573].

Следует отметить, что под эгидой ООН решаются наиболее важные и значимые вопросы, имеющие непосредственно глобальный характер. На региональном уровне решаются более конкретные вопросы. Это происходит в рамках Европейского союза, Содружества Независимых Государств, ОБСЕ, НАТО, ОДКБ и т. д.

Предполагаем, что следует рассмотреть международно-правовое сотрудничество государств в сфере противодействия незаконному обороту оружия на региональном уровне на примере Содружества Независимых государств (далее – СНГ).

Основным источником сотрудничества, в том числе и правоохранительных органов, в рамках СНГ является Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, принятая в 1993 г. и ратифицированная в 1994 г. Российской Федерацией [3].

Важным шагом стало принятие Соглашения о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с незаконным изготовлением и оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, которое было подписано в Кишиневе в 2008 г. [4].

На современном этапе мир столкнулся с рядом серьезных вооруженных конфликтов, таких как гражданская война в Сирии, вооруженное противостояние Армении и Азербайджана в Нагорном Карабахе и т. д. Данные факты подчеркивают актуальность выбранной автором темы исследования.

Предполагаем, что для наиболее эффективного осуществления международного сотрудничества в рамках противодействия незаконному обороту оружия необходимо, в первую очередь, развивать взаимоотношения преимущественно на региональном уровне, так как это способствует решению конкретных задач и проблем, актуальных для данного региона, посредством принятия различных международных договоров и соглашений, а также проведения конференций, конгрессов и съездов. На современном этапе для Российской Федерации остается актуальным вопрос подписания и дальнейшей ратификации Протокола 2001 г., дополняющего Конвенцию ООН 2000 г. Важно отметить, что само международно-правовое сотрудничество в рамках указанной проблемы должно иметь более практико-ориентированный характер для реализации задач и целей национальных правоохранительных органов и международных полицейских организаций – Интерпола, Европола, Афропола и т. д.

Список литературы

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15.11.2000) // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml.

2. Протокол против незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия, его составных частей и компонентов, а также боеприпасов к нему, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принят в г. Нью-Йорке 31.05.2001 Резолюцией 55/255 на 101-ом пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: через коммерческую версию

3. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5942.

4. Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с незаконным изготовлением и оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств от 14 ноября 2008 г. // НПП «Гарант-сервис». URL: <http://base.garant.ru/2567708>.

5. Резолюция 54/54 от 15 декабря 1999 г. «Всеобщее и полное разоружение» // Организация Объединенных Наций. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/54/54>.
6. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (в ред. 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.
7. Международное гуманитарное право : учебник / под ред. Н. Д. Эриашвили. М. : Юнити-Дана, 2019.
8. Муркштис М. И. Международное сотрудничество в сфере борьбы с незаконным оборотом оружия // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25 (1–4). № 4. С. 571–575.
9. International arms transfers and developments in arms production in 2020 // Официальный сайт Stockholm International Peace Research Institute, SIPRI. URL: <https://www.sipri.org/yearbook/2020/09>.

Черноскутова А. Д.¹,
курсант 591 взвода
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель
Иванченко Ю. А.,
заместитель начальника кафедры
истории, государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗРАБОТКИ И ПРИНЯТИЯ КОНВЕНЦИИ ООН ПО ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Транснациональная организованная преступность является основной проблемой XX в. Сама преступность уже является проблемой цивилизованного мира, а организованная носит особо тяжкий характер. Новые технологии, глобализация экономических и социальных процессов делают преступность менее уязвимой, придают преступности более изощренный характер. О проблеме транснациональной организованной преступности говорят не только ученые, но и правоохранительные органы, отмечая, что люди должны сплотиться и начать совместную борьбу с этим «недугом XX века».

Зачем бороться с транснациональной преступностью? И существует ли она вообще? Чтобы ответить на эти вопросы, достаточно вспомнить самые известные преступные организации.

В начале XIX в. в Италии возникла преступная банда «Коза ностра». Она выросла до мировых масштабов: сначала банда иммигрировала из сельской местности в города, а затем и вовсе вышла за пределы Италии и стала «транснациональным преступным бизнесом». Сбыт героина захлестнул США и Германию, многие крупнейшие страны попали под власть бандитского клана.

Про японскую «якудзу» слышали многие, в нее входило множество преступных организаций, численность которых была свыше 43 тыс. человек. Из-за того, что в состав «якудзы» входили разные по численности банды, между ними возникали хладнокровные междоусобицы, но эти распри не мешали им захватывать все новые города и континенты. «Якудза» присутствует практически во всех странах, и их бандитская деятельность очень разнообразна. Например, в Юго-Восточной Азии группировка занимается незаконным предпринимательством, игорным бизнесом, мошенничеством и т. д.

¹ © Черноскутова А. Д., 2020.

Колумбийские картели занимаются исключительно наркобизнесом, базируются не только в США, но и в других странах¹. На данный момент наркобизнес распространил свое влияние на Западную и Восточную Европу, Россию, Украину и другие государства СНГ. Что касается России, транснациональная организованная преступность начала появляться не так давно, а именно в 1980–90-х гг. вследствие перестройки, распада СССР и т. д.

Именно эти прецеденты послужили основной предпосылкой разработки Конвенции ООН по транснациональной организованной преступности. Организованная преступность захлестнула весь мир и все мировое сообщество в лице ООН и ее комитетов. Сама цель конвенции была в борьбе с данной преступностью. Мировое сообщество прекрасно понимало, что контролировать организованную преступность в стране не всегда возможно и что преступность может выйти за эти границы. Делая вывод, можно сказать, что только совместными усилиями и совместной работой правоохранительных органов разных стран можно пресечь эту преступность и не дать ей захлестнуть весь мир.

¹ Колумбийские картели – уникальные преступные организации, способные к боевым действиям с правительственными войсками.